

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 11

СОЦИОЛОГИЯ

2023 – 4

Издается с 1991 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.11

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Социология»

М.А. Ядова – канд. социол. наук, гл. ред. (ИНИОН РАН); *Г.С. Абдирайымова* – д-р социол. наук (КазНУ им. аль-Фараби); *Е.В. Андрианова* – канд. социол. наук (ТюмГУ, ЗСФ ФНИСЦ РАН); *А.С. Готлиб* – д-р социол. наук (СамГУ); *Л.Д. Гудков* – д-р филос. наук (Аналитический центр Ю. Левады); *В.А. Давыденко* – д-р социол. наук (ТюмГУ); *А.Ю. Долгов* – канд. социол. наук, отв. секретарь (ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *Я.В. Евсеева* – (Университет Витовта Великого); *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук (ИНИОН РАН); *М.В. Ильин* – д-р полит. наук (МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *А.Ю. Казакова* – д-р социол. наук (КГУ им. К.Э. Циолковского, ИНИОН РАН); *Е.В. Карчагин* – д-р филос. наук (ВолгГТУ); *Ю.А. Кимелев* – д-р филос. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Немировский* – д-р социол. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Николаев* – канд. социол. наук (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН); *Г.А. Погосян* – д-р социол. наук, академик НАН РА, иностранный член РАН (Институт философии, социологии и права НАН РА); *Е.Ю. Рождественская* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ; ФНИСЦ РАН); *А. Степченко* – PhD (Латвийский ун-т); *Л.Г. Титаренко* – д-р социол. наук (БГУ); *Н.Н. Федотова* – д-р социол. наук (МГИМО МИД России); *А.Ф. Филиппов* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ); *Е.В. Якимова* – канд. филос. наук (ИНИОН РАН)

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/tsoc/2023.04.00

ISSN 2219-8830

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-80063 от 31.12.2020

© ИНИОН РАН, 2023

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
(INION RAN)

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

INFORMATION-ANALYTICAL
JOURNAL

SERIES 11

SOCIOLOGY

2023 – 4

Published since 1991
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.11

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the «Sociology» Series

M.A. Yadova – Candidate of Sociological Sciences, Editor-in-Chief (INION RAN); *G.S. Abdirajymova* – Doctor of Sociological Sciences (Al-Farabi Kazakh National University); *E.V. Andrianova* – Candidate of Sociological Sciences (Tyumen State University, WSB – FCTAS RAS); *A.S. Gotlib* – Doctor of Sociological Sciences (Samara University); *L.D. Gudkov* – Doctor of Philosophical Sciences (Levada Analytical Center); *V.A. Davydenko* – Doctor of Sociological Sciences (Tyumen State University); *A.Yu. Dolgov* – Candidate of Sociological Sciences, Executive Secretary (INION RAN; HSE University); *Ya.V. Evseeva* – (Vytautas Magnus University); *D.V. Efremenko* – Doctor of Political Sciences (INION RAN); *M.V. Ilyin* – Doctor of Political Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia; INION RAN; HSE University); *A.Yu. Kazakova* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski); *E.V. Karchagin* – Doctor of Philosophical Sciences (Volgograd State Technical University); *Yu.A. Kimelev* – Doctor of Philosophical Sciences (INION RAN); *V.G. Nemirovsky* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN); *V.G. Nikolaev* – Candidate of Sociological Sciences (HSE University; INION RAN); *G.A. Pogosyan* – Doctor of Sociological Sciences, Full Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA); *E.Yu. Rozhdestvenskaya* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University; FCTAS RAS); *A. Stepčenko* – PhD (University of Latvia); *L.G. Titarenko* – Doctor of Sociological Sciences (Belarusian State University); *N.N. Fedotova* – Doctor of Sociological Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia); *A.F. Filippov* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University); *E.V. Yakimova* – Candidate of Philosophical Sciences (INION RAN)

The information-analytical journal «Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.00

ISSN 2219-8830

© INION RAN, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЫТА: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Ядова М.А. Новые социологические исследования быта: <i>введение к тематическому разделу</i>	9
Якимова Е.В. Социология повседневности: новые подходы и методы исследования (Обзор книги)	14
Казакова А.Ю. Идея дома в теориях доместикации	33
Немировский В.Г. Социальная ценность «жилище» в массовом сознании жителей России	64
Пряжникова О.Н. Гастрономический туризм: мотивация и типы туристов (Обзор)	91
Реф. ст.: Чжан Дуньфу. Сигареты и городские женщины: жиз- ненная стратегия между риском и модой (случай Шанхая)	99

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Давыденко В.А., Андрианова Е.В. «Теория существования» («existence theory») как новый подход в социологической теории и исследованиях: критический анализ (Обзор)	104
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Раренко А.А. Благополучие молодежи и проблемы безра- ботицы (Обзор)	125
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Понамарева А.М. Итоги конференции факультета мировой по- литики МГУ им. М.В. Ломоносова и факультета безопасности	
--	--

Белградского университета «Балканский диалог в условиях трансформации миропорядка» (20 октября 2023 г.)	137
Ядова М.А. Доклад А.С. Булатова «Внешнеэкономические связи России: перелом тенденций» на семинаре Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН: обзор мероприятия (29 марта 2023 г.)	150

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

Редфилд Р. Искусство социальной науки (Пер. с англ. В.Г. Николаева)	156
---	-----

CONTENTS

ISSUE THEME: SOCIOLOGICAL STUDIES OF LIVING CONDITIONS: ISSUES AND DEVELOPMENT TRENDS

Yadova M.A. New sociological studies of living conditions: introduction to the thematic section	9
Yakimova E.V. Sociology of everyday life: new approaches and methods (Book review)	14
Kazakova A.Yu. The idea of home in domestication theories	33
Nemirovsky V.G. The social value of «dwelling» in the mass consciousness of Russians	64
Pryazhnikova O.N. Gastronomic tourism: motivation and types of tourists (Literature review)	91
Article summary: Zhang Dun-fu. Cigarettes and urban women's life politics wandering between risk and fashion: a case study of Shanghai	99

THEORY AND HISTORY OF SOCIOLOGY

Davydenko V.A., Andrianova E.V. «Existence theory» as a new approach in sociological theory and research: critical analysis (Literature review)	104
---	-----

SOCIOLOGY OF YOUTH

Rarenko A.A. Youth's well-being and unemployment (Literature review)	125
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Ponamareva A.M. Results of the conference of the Faculty of World Politics of Moscow State University named after M.V. Lomonosov and Faculty of Security Studies of University of Belgrade «Balkan dialogue in conditions of transformation of the world order» (October 20, 2023)	137
Yadova M.A. Report of A.S. Bulatov «Foreign economic relations of Russia: reversal of tendencies» at the Seminar of the Centre for Interdisciplinary Research of INION RAN: event overview (March 29, 2023)	150

CURRICULUM: SOCIOLOGICAL CLASSICS

Redfield R. The art of social science (Translated from English by V.G. Nikolaev)	156
--	-----

**ТЕМА НОМЕРА:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ БЫТА:
ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

УДК 316.4

DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.01

ЯДОВА М.А.* НОВЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЫТА: *введение к тематическому разделу*

Аннотация. Анализируются новые тенденции, характерные для социологических исследований быта в XXI в. Особое внимание уделяется тому, как происходящие тектонические социальные трансформации влияют на жизненное (домашнее) пространство современного человека, его представления о себе, о мире и о своем месте в нем.

Ключевые слова: социология быта; повседневная жизнь; социальные трансформации.

Для цитирования: Ядова М.А. Новые социологические исследования быта: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 4. – С. 9–13. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.01

Статья поступила: 02.11.2023.

Принята к публикации: 15.11.2023.

YADOVA M.A.** New sociological studies of living conditions: introduction to the thematic section

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

Abstract. New trends characteristic of sociological studies of life and living conditions in the 21st century are analyzed. Particular attention is paid to how the ongoing tectonic social transformations affect the living space of modern man, his ideas about himself, the world and his place in it.

Keywords: sociology of living conditions; everyday life; social transformations.

For citation: Yadova M.A. New sociological studies of living conditions: introduction to the thematic section. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 4. – P. 9–13. DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.01

Received: 02.11.2023.

Accepted: 15.11.2023.

Социологический подход к исследованию проблем быта подразумевает необходимость рассматривать эти вопросы сквозь призму различных форм внепроизводственной деятельности. Специалисты отмечают, что бытовая деятельность организуется обществом не непосредственно, а скорее косвенно: человеческие действия в этой сфере менее формализованы, более зависимы от индивидуального выбора человека и затрагивают область личной и семейной жизни. Это прежде всего отличает бытовую сферу жизни от трудовой. Предметом социологии быта традиционно является изучение социальных закономерностей, различных форм повседневного поведения и деятельности людей, связанных с организацией индивидуального / семейного потребления и ведением домашнего хозяйства, досугом и культурной жизнью, воспитанием детей и т.п. Очевидно, что у подавляющего большинства взрослых людей в современном обществе подобные виды деятельности заполняют основную часть вне рабочего времени.

Интерес социальных исследователей к вопросам повседневной жизни начал проявляться сравнительно недавно, во второй половине XX в., и был вызван своеобразным антропологическим поворотом в культуре и связанными с этим трансформациями доминирующего в обществе социокультурного дискурса. Одними из первых, кто оценил рутину обыденности как явление, достойное

внимания ученых, стали представители этнометодологической и феноменологической школ (Г. Гарфинкель [Garfinkel, 1967], Э. Гуссерль [Husserl, 1964], И. Гофман [Goffman, 1957], А. Шютц [Schutz, 1967], П. Бергер и Т. Лукман [Berger, Luckmann, 1966]). Сегодня, по словам специалистов, «традиционное, местечковое и близкое, как в пределах собственного опыта культуры, так и по отношению к мирам Другого, вызывает уже отнюдь не меньший интерес, чем магистральное, титульное, а в конечном счете – глобальное» [Сурова, Бутонова, 2014, с. 54].

Значительно повлияла на повседневную жизнь современного человека, принципиально изменив наше отношение к дому и досугу, пандемия COVID-19. В условиях перманентных локдаунов дом превратился в ключевое жизненное пространство, перестав быть местом, где лишь проводят свободное время. Например, по мнению авторов британского «Словаря коронавирусной культуры», стремление наших современников в период пандемии обустроить свое жилище и прилегающую к нему территорию максимально комфортно послужило триггером для возникновения нового коронавирусного типа потребительской и досуговой культуры [The dictionary ... , 2020]. Косвенно об этом свидетельствует рост объемов продаж по всему миру товаров для дома и для творчества, техники, садовых инструментов и т.п.

Кроме того, из-за сотрясающих мир военных конфликтов и рушащегося привычного миропорядка в последние годы тысячи людей оказались в статусе вынужденных беженцев или мигрантов, а многие семьи были искусственно разделены границами. Эти трагические обстоятельства, несомненно, усилили ощущение ценности уюта собственного дома.

В предлагаемом вниманию читателей разделе о развитии социологии быта в XXI в. представлены работы, основанные на результатах актуальных эмпирических социологических исследований на эту тему в России и за рубежом. Так, открывает раздел подготовленный *Е.В. Якимовой* подробный обзор коллективной монографии «Повседневные методы: инновационные подходы к исследованию обыденности» (под редакцией британских социальных исследователей Х. Холмс и С.М. Холл), посвященной поиску экстраординарного в обычном. Данная книга знакомит с инновационными методами анализа повседневности в современной евро-

пейской социологии и гуманитарной географии. Основное внимание ее авторы уделяют эмпирическим исследованиям, в рамках качественной методологической традиции, выявляющим и анализирующим латентные социальные составляющие обыденной жизни.

В обзорных статьях, подготовленных *А.Ю. Казаковой* и *В.Г. Немировским*, многоаспектно рассматривается понятие домашнего пространства нашего современника, человека эпохи позднего модерна. В первом случае речь идет об эволюции идей дома в естественно-научных и социологических теориях доместикации, во втором – о роли в массовом сознании россиян социальной ценности под названием «жилище».

Обзор *О.Н. Пряжниковой* посвящен достаточно новому направлению и творческой практике в массовом туризме – гастрономическому туризму и тем, кто его представляет. Наконец, завершает тематический раздел реферат статьи с китайского языка профессора кафедры социологии Шанхайского университета *Чжан Дуньфу*, попытавшегося проанализировать практику курения современных жительниц Шанхая с точки зрения конструирования жизненных стратегий и в контексте китайской культуры потребления.

Подводя итоги, отметим, что происходящие сегодня общемировые масштабные социальные трансформации формируют особый взгляд на домашнее измерение жизненного пространства современного человека и влияют на его представления о себе, о мире и о своем месте в нем. Надеемся, что предлагаемые в открывающем номер разделе материалы будут полезны не только социологам и другим социальным исследователям, но и всем, кого интересует мир повседневной реальности XXI в. во всем его многообразии.

Список литературы

Сузова Е.Э., Бутонова Н.В. Досуговые практики в пространстве повседневности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 2014. – Вып. 2. – С. 53–60.

Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality : a treatise on sociology of knowledge. – Garden City (NY) : Anchor books, 1966. – 240 p.

Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. – Englewood Cliffs (NJ) : Prentice-Hall, 1967. – 288 p.

Goffman E. The presentation of self in everyday life. – Edinburgh : University of Edinburgh social sciences research centre, 1956. – 161 p.

Husserl E. The phenomenology of internal time consciousness. – Bloomington : Indiana university, 1964. – 189 p.

Schutz A. The phenomenology of the social world. – Evanston (IL) : Northwestern university press, 1967. – 255 p.

The dictionary of coronavirus culture / ed. by A. Bradshaw, J. Hietanen. – London : Repeater books, 2020. – 203 p.

References

Berger P.L., Luckmann T. *The social construction of reality : a treatise on sociology of knowledge*. – Garden City (NY) : Anchor books, 1966. – 240 p.

Garfinkel H. *Studies in ethnomethodology*. – Englewood Cliffs (NJ) : Prentice-Hall, 1967. – 288 p.

Goffman E. *The presentation of self in everyday life*. – Edinburgh : University of Edinburgh social sciences research centre, 1956. – 161 p.

Husserl E. *The phenomenology of internal time consciousness*. – Bloomington : Indiana university, 1964. – 189 p.

Schutz A. *The phenomenology of the social world*. – Evanston (IL) : Northwestern university press, 1967. – 255 p.

Surova E.E., Butonova N.V. Dosugovyye praktiki v prostranstve povsednevnosti [Leisure practices in the context of everyday experience]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 6*. [Herald of St. Petersburg state university. Ser. 6]. – 2014. – N 2. – P. 53–60. (In Russian)

The dictionary of coronavirus culture. Ed. by A. Bradshaw, J. Hietanen. – London : Repeater books, 2020. – 203 p.

ЯКИМОВА Е.В.* СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (Обзор книги)

Аннотация. Обзор знакомит с инновационными методами анализа повседневности в современной европейской социологии и гуманитарной географии. Основное внимание уделяется эмпирическим проектам качественного изучения различных аспектов рутинного – как материальных и овеществленных характеристик привычных действий, запечатленных в объектах и отношениях, в пространстве и времени, в воспоминаниях, тактильных, зрительных и слуховых образах. Цель таких проектов заключается в выявлении социальных составляющих обыденной жизни, которые чаще всего остаются латентными.

Ключевые слова: повседневность; качественные методы в социологии; латентные характеристики социальной реальности; рутинные действия; материальность; новый материализм; память; ритм-анализ; Ж. Перек; А. Лефевр.

Для цитирования: Якимова Е.В. Социология повседневности : новые подходы и методы исследования (Обзор книги) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 4. – С. 14–32. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.02

Статья поступила: 26.09.2023.

Принята к публикации: 13.10.2023.

* Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; e.yakimova2011@yandex.ru

YAKIMOVA E.V.** Sociology of everyday life: new approaches and methods (Book review)

Abstract. This review introduces innovative methods of analyzing everyday life in contemporary European sociology and human geography. The main focus is on empirical projects of qualitative study of various aspects of the routine – as materialized characteristics of habitual actions, captured in objects and relations, in space and time, in memories, tactile, visual and auditory images. The aim of such projects is to reveal the social components of everyday life, which most often remain latent.

Keywords: everyday life; qualitative methods in sociology; latent characteristics of social reality; routine actions; materiality; new materialism; memory; rhythm analysis; G. Perec; A. Lefebvre.

For citation: Yakimova E.V. Sociology of everyday life : new approaches and methods (Book review). Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 4. – P. 14–32. DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.02

Received: 26.09.2023.

Accepted: 13.10.2023.

«Мы замечаем, что поезда существуют, только тогда, когда они сходят с рельсов, и чем больше пострадавших, тем явственнее для нас существование поездов» – эти слова (в вольном пересказе) принадлежат самому известному «певцу повседневности» прошлого столетия, французскому писателю, сценаристу и режиссеру Жоржу Переку (1936–1982). Своим творчеством Перек стремился привлечь внимание современников к банальному и само собой разумеющемуся вокруг нас – в противовес обывательской жажде экстраординарного и из ряда вон выходящего. Перек ратовал за отказ от экзотики в жизни и творчестве в пользу эндотической (или инфраординарной) антропологии, позволяющей проникнуть в

** Yakimova Ekaterina Vital'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e.yakimova2011@yandex.ru

скрытые смыслы обыденности и рутины. По мнению британского социолога Л. Бэка (Голдсмитский университет Лондона, Великобритания), Ж. Перек предвосхитил новую волну интереса к повседневным аспектам жизни со стороны социальных исследователей XXI в. [Back, 2020, p. XV]. В русле обновленной социологии повседневности последних лет особое значение приобретают инновационная интерпретация обыденного и, в особенности, поиск способов «сделать обычное примечательным» для исследователей, принадлежащих к разным направлениям социального знания. Эта задача, считает Бэк, заметно облегчается в век цифровых технологий, которые расширяют диапазон традиционных эмпирических методов (опрос, интервью, включенное наблюдение, фотографии и пр.) и позволяют восстановить в правах жизнь в ее банальных проявлениях [ibid., p. XVII].

Разработка и применение в исследовательской практике техник фиксации рутинных составляющих повседневности позволяют иначе трактовать работу социолога, который становится не только наблюдателем и аналитиком, но и ремесленником в полном смысле этого слова, настаивает Бэк. Социолог, по его мнению, располагает навыками и инструментами, которые позволяют препарировать повседневность в качестве значимой, смыслообразующей структуры в жизни общества. Именно такую задачу – демонстрацию социологического ремесла в действии – поставили перед участниками коллективной монографии «Повседневные методы: инновационные подходы к исследованию обыденности», посвященной поиску экстраординарного в обычном (в духе эндотической антропологии Перека) ее редакторы – социолог Х. Холмс и специалистка в области гуманитарной географии С.М. Холл (Манчестерский университет, Великобритания) [Mundane methods ... , 2020].

Во введении Холл и Холмс подчеркивают, что осмысление и интерпретация повседневности в терминах социологии в наши дни актуальны как никогда. Первоначальный интерес к феномену обыденного наметился в социальных науках и в сфере искусства в начале 1970-х годов, на гребне «культурного поворота» в общественном сознании, когда фокус социальных наук сместился на поиск смыслов в том мире, что нас окружает. Макроструктурный анализ и внимание к экстраординарному постепенно утратили свою главенствующую роль в социологии, уступив место самому пристально-

му исследованию повседневного – привычного, неприметного, банального, того, что выглядит «ослепляюще очевидным» [Hall, Holmes, 2020, p. 1–2]. Социологи обратились к описанию явлений и процессов, данных в повседневном опыте и составляющих ткань этого опыта – к привычкам, повторяющимся поведенческим паттернам, рутинным актам, неприметным и ничем не примечательным вследствие своей тривиальности. Однако, продолжают свои рассуждения Холл и Холмс, тривиальность повседневной жизни и опыта не означает их несущественность как аспектов социальной реальности. Действительно, повседневность всегда локализована, наблюдаема и в определенном смысле «завершена», и вместе с тем она служит «окном в актуальную проблематику взаимодействий между локальным и глобальным» [ibid., p. 2]: повседневность реализует себя в рамках гигантского оборота капиталов, информационных потоков и человеческих ресурсов в мировом масштабе.

Исследователи до сих пор не пришли к единому пониманию феномена повседневности, тем более что одной-единственной повседневности не существует, замечают авторы введения. Рутинная социальная жизнь многолика и располагает множеством способов своего проявления. В самом общем виде повседневное может быть описано как пространство социальной жизни, которое образуют ежедневно повторяющиеся циклы рутинных действий, требующие первоначального «научения», но в дальнейшем воспринимающиеся как сами собой разумеющиеся элементы обыденного опыта. Разнообразие повседневности, в свою очередь, предполагает разнообразие подходов и методов ее изучения, равно как и осмысление ее на микро-, мезо- и макроуровнях социального анализа. Кроме того, повседневность представляет интерес для самых разных социальных и гуманитарных дисциплин, включая, помимо социологии, философскую рефлексию, социальную и гуманитарную географию, антропологию и культурные исследования, психологию, социолингвистику, этнографию, историю и т.д. Иначе говоря, подчеркивают Холл и Холмс, описание и интерпретация обыденного – это задача целого ряда научных дисциплин и поле для перспективного междисциплинарного диалога, в том числе по поводу методов изучения повседневного в его самых разных проявлениях.

Переходя к обзору способов осмысления повседневной жизни в терминах социологии, авторы обращают внимание на необхо-

димось методологического синтеза традиционных вариантов качественного эмпирического исследования с новейшими версиями методологий, базирующимися на оригинальных теоретических подходах (например, в рамках нового материализма, социального анализа эмоций, критической (прежде всего феминистской) теории и представлений о воплощенном знании). Главный методологический посыл редакторов монографии – практика качественной (непозитивистской) социологии повседневности, где акцент делается на наблюдении и «со-участии» исследователя и респондентов, а не на сборе количественных данных и их измерении. Авторы также подчеркивают, что подборка работ, вошедших в коллективную монографию о повседневности, имеет как чисто научную, так и сугубо практическую, дидактическую направленность. В современной социологической литературе ощущается очевидный дефицит практических пособий, предоставляющих в распоряжение специалистов и студентов алгоритмы проведения качественных эмпирических исследований, касающихся повседневного опыта. Этот пробел отчасти призваны восполнить отчеты о практике изучения обыденной жизни, составляющие содержание рассматриваемой книги. Наиболее интересные тексты из этой подборки нашли отражение в настоящем обзоре.

Глава, подготовленная Х. Холмс, знакомит читателей с методом объектного интервью как средства «осмысления повседневной жизни и структурирующих ее социальных, политических и экономических факторов» [Holmes, 2020, р. 67]. Фокусом изучения повседневности в данном случае является совокупность отношений, которые связывают в обиходной среде субъекта с его объектом (предметом, которым владеет субъект и который находится в постоянном использовании). Отличительной чертой предложенного метода служат: а) пристальное внимание к материальным аспектам повседневности, составляющим ее «ткань»; б) взаимные отношения субъекта (владельца вещи) и объекта (предмета повседневного обихода); в) их взаимовлияние, описанное в терминах физических (материальных), а не символических контактов. Автор поясняет, что речь идет о том, как материальные свойства и специфика обиходных предметов (чашка для утреннего кофе, кроссовки для пробежки, рабочий стол, детские игрушки, рисунки и фотографии, подарки, доставшийся в наследство сервиз и т.п.) оп-

ределяют их отношения с владельцами и, наоборот, как сам факт обладания вещью (наличие у нее владельца) формирует «биографию» последней [Holmes, 2020, p. 66]. Метод объектного интервью нацелен на поиски и демонстрацию значения (важности, смысла) вещи для ее владельца, с одной стороны, и реконструкцию «жизненных путешествий» самих вещей, их «практики» в контексте меняющихся либо константных отношений с владельцем – с другой. Таким образом, резюмирует свою позицию Холмс, повседневность, осмысленная как ткань материальных взаимоотношений субъекта и объекта, олицетворяет собой контекст взаимодействия и обоюдного влияния предмета (вещи) и его владельца (индивида).

Метод объектного анализа, продолжает автор, можно расценивать как один из результатов «материального поворота» в социальных науках и культурных исследованиях, который наметился еще в 1990-х годах. Сегодня чаще говорят о «новом материализме» как метатеории и методологии социального и культурного анализа, которые акцентируют материальное (субстанциональное), а не символическое измерение социальной реальности. Так, в социологии потребления в центре внимания исследователей теперь находятся ежедневные рутинные паттерны совершения покупок и ассоциированные с ними феномены (например, идеология экономного, или «зеленого» потребления), а не символическая роль индивидуального потребления как фактора личностной идентичности. На первый план выходят материальные аспекты культуры, а вместе с ними – материальное наполнение повседневности, ее субстанциональность в самых разных формах.

К сожалению, констатирует Холмс, существующие качественные методы изучения обыденного в его овеществленном измерении весьма немногочисленны. Кроме того, даже самые перспективные из них страдают односторонностью: приоритет в исследовании отдается либо субъекту (владельцу предмета), либо объекту (материальной вещи, живущей своей собственной жизнью). Примером последнего может служить изучение материальности как «следования за вещью», когда аналитик реконструирует жизненный путь объекта и его качественную трансформацию (из полезного ископаемого – в атрибут роскоши) без учета его многочисленных связей с опосредующими это преобразование субъекта-

ми. Очевидно, что сугубо объектный фокус игнорирует роль и функции субъектов, с которыми объект вступает в материальные отношения в процессе своего жизненного путешествия (например, «жизненный путь» папайи с плантаций Ямайки до прилавка супермаркета в северном Лондоне). Обратная крайность характерна, к примеру, для метода культурного зондирования, когда предмет рассматривается исключительно в качестве материального (овеществленного) «резервуара» воспоминаний субъекта; в этом случае актуальны только субъективные нарративы, запечатленные в предмете благодаря памяти его владельца, тогда как жизненная история самой вещи остается за скобками.

Холмс намерена преодолеть субъектно-объектную дихотомию в исследованиях повседневности с помощью метода объектного интервью. В качестве теоретического обоснования она использует акторно-сетевую модель Б. Латура, акцентируя тезис об онтологии человеческого и нечеловеческого как сети их обоюдных связей. Конкретизируя идеи Латура применительно к практике объектного интервью, Холмс обращается также к эмпирическому исследованию К. Хамфрис и Э. Смит, предложивших методологию качественного изучения «нарративов, сфокусированных на объекте» [Humphries, Smith, 2014, p. 479]. Позиция Хамфрис и Смит импонирует автору метода объектного интервью тем, что она предполагает равное внимание в отношении физических свойств объекта, его чувственно воспринимаемых материальных качеств и ассоциированных с ним субъективных нарративов. В таком случае биография вещи оказывается привязанной к множеству ее жизней в прошлом и настоящем в контексте множества связей с разными людьми, которые владели этой вещью, поясняет свою мысль Холмс. Именно этот подход стал определяющим в практике проведения объектных интервью, предпринятых автором.

В заключение Холмс приводит пошаговую инструкцию по применению своего метода в эмпирических исследованиях повседневности (как самостоятельного проекта либо составной части более широких научных задач). Следуя рекомендациям Хамфрис и Смит, Холмс выделяет три категории объектных характеристик, которые в совокупности позволяют понять роль, значение и функции вещи в повседневном обиходе. Эти характеристики в том или

ином виде непременно должны фигурировать в перечне вопросов, которые исследователь предлагает участникам:

а) субстанциональность (физические свойства вещи, ее форма, текстура, запах, цвет, размер, а также следы переделки или ремонта);

б) практика (способы использования вещи в повседневной жизни – по назначению либо иначе; значение предмета для владельца – практическое или символическое; его принципиальное неиспользование и причины этого);

в) биография (ассоциированность предмета с личными воспоминаниями владельца или памятные даты, история приобретения вещи или ее наследования, вероятная связь предмета с другими вещами или людьми, ее существование как части коллекции аналогичных предметов).

Примерами предметов повседневного обихода, которые составляли «субстанциональность» объектных интервью Холмс, служат сувениры на каминной полке; старая кастрюля; ржавая садовая лопата, доставшаяся в наследство от отца; нижняя часть маминого гардероба, переделанная в банкетку; детские ботиночки и рисунки; коробка для CD-дисков в качестве контейнера для кухонных мелочей и т.п. Приведенные выше вопросы о материальных аспектах отношений между предметами и их владельцами позволяют добиться «методологического равноправия» субъекта и объекта. Именно в этом состоит цель изучения повседневности с помощью объектного интервью, т.е. посредством способа обнаружения материального значения и потенциала «вещей» как акторов повседневности и их роли в качестве «резервуара» субъективных жизненных нарративов [Holmes, 2020, p. 81].

С. Вудворд (Манчестерский университет, Великобритания) продолжает обсуждение материальных аспектов повседневности и предлагает свой вариант их изучения в качестве «материальных коллекций» [Woodward, 2020]. Коллекция, т.е. собрание, или ассамбляж вещей, организованных по тем или иным принципам (тематическим, пространственным, символическим, формальным), обычно рассматривается в социологии как совокупность предметов вне их практического употребления. Вудворд предлагает иной подход – описание и анализ материальных организованных совокупностей вещей в контексте рутинных практик их использования

(или неиспользования) владельцем. В этом случае «жилище и любое другое пространство повседневности оказывается заполненным коллекциями объектов» [Woodward, 2020, p. 17], включая те, которыми пользуются регулярно, и те, что пылятся на дальней полке. Таким образом, собрание материальных предметов в структуре повседневности получает осмысление в качестве атрибута рутинных практик. Примерами материальных коллекций в их интерпретации автором служат гардероб, буфет, каминная полка, гараж, чердак и любое другое пространство, где обычно хранят бытовые вещи. Вудворд подчеркивает, что метод материальных коллекций нацелен на выявление повседневных ассамбляжей вещей в качестве неочевидных составляющих обыденной жизни.

Данный метод, как и методологические принципы объектного интервью Х. Холмс, акцентирует многообразие субстанциональных отношений между субъектами и объектами повседневности. В фокусе качественного эмпирического исследования находятся отношения:

а) между вещами (как именно элемент коллекции обретает свое место, роль и значение в ассамбляже вещей);

б) между вещами и пространством (где именно хранятся вещи, каково их расположение в коллекции в зависимости от их актуальности для владельца);

в) между людьми (каковы их отношения, опосредованные тем или иным элементом коллекции, как эти отношения влияют на пространственное размещение и использование вещей).

Благодаря методу материальных коллекций «становится очевидным тот факт, что анализ отношений между вещами открывает дорогу для понимания отношений между людьми» в контексте повседневности, резюмирует свои рассуждения Вудворд [Woodward, 2020, p. 17–18]. Автор иллюстрирует продуктивность своего метода на примере двух проектов, связанных с овеществленными характеристиками повседневности. Помимо анализа материальных коллекций, в этих проектах применялись объектные интервью, этнографические наблюдения, картирование и визуальные способы фиксации информации (фотографии и зарисовки). Предметом первого проекта послужил платяной шкаф современной британки; его целью являлось описание отношения женщины к своей одежде, хранящейся в гардеробе [Woodward, 2007]. Шкаф

в данном случае олицетворял собой пространство хранения материальных коллекций и аккумулировал представления хозяйки о составляющих этой коллекции. Информанткам были предложены вопросы о вещах, находившихся в шкафу: что они носят постоянно либо от случая к случаю, берегут «на выход», выбирают для деловых или романтических свиданий, занятий спортом, для посещения бассейна и т.п. Другая группа вопросов была связана с вещами, которые не носят в принципе или надеваются крайне редко. В ходе интервью фиксировалось расположение вещей в гардеробе и связь их местоположения с актуальностью того или иного предмета одежды для участницы исследования, с вероятными эмоциональными ассоциациями, воспоминаниями либо соображениями престижа или имиджа (не идет, старит, не по возрасту, не по статусу и т.п.). Эмоциональная составляющая материальных коллекций подлежала обсуждению в связи с жизненными ситуациями и отношениями, опосредованными вещами (свадебное платье, связанная мамой кофточка, «удачливый» пиджак, велосипед один на двоих с приятелем и т.п.). Таким образом, вопросы, предлагавшиеся участницам проекта, были связаны с материальностью вещей, пространственными аспектами их расположения (под рукой, в углу, на дальней полке), другими людьми и событиями из прошлого.

Второй проект Вудворд назывался «Бездействующие вещи». Здесь «аудиту» подлежал не только платяной шкаф, но и домохозяйство в целом. При этом учитывались пространственные характеристики домов и наличие в них места для ненужных предметов (чердак, чулан, гараж, гардеробная комната). В ходе интервью респонденты отвечали на вопросы о местах хранения вещей, которыми не пользуются, и о причинах их хранения (хлам, который давно пора выбросить; старый сундук бабушки и ее швейная машинка; мамин сервиз; папин инструмент; первые ботиночки дочери и т.п.). В этом проекте акцент делался на осмыслении отношений между людьми с помощью вещей, ассоциированных с памятными моментами биографии владельцев, а также на роли воспоминаний как фактора формирования материальных коллекций, подчеркивает автор.

В завершение Вудворд кратко характеризует вероятные перспективы практического применения метода материальных кол-

лекций в социологии. С ее точки зрения, этот метод открывает новые пути для социологического прочтения культуры потребления и потребительских практик, объекты которых поддаются осмыслению в терминах материальных коллекций. Далее предложенный метод может оказаться полезным для социологического и социально-психологического анализа межличностных отношений в их материальных (овеществленных) измерениях. Наконец, новый методологический подход позволяет проследить материальные составляющие обыденной жизни в их временной трансформации. Самая главная особенность повседневности, резюмирует Вудворд, это ее незаметность, которая становится очевидной благодаря пристальному вниманию к ее овеществленным деталям [Woodward, 2020, p. 26].

Роль памяти как фактора конституирования повседневности рассматривается в работе К. Видерберг (факультет социологии и гуманитарной географии, Университет Осло, Норвегия) [Widerberg, 2020]. Автор представляет свой способ качественного эмпирического изучения рутинных аспектов реальности, который она именует методом работы с памятью (а также – работы памяти), то есть документирования обыденного посредством воспоминаний и их реконструкции в виде историй и нарративов. Данный метод, по мнению Видерберг, является действенным подспорьем для проникновения в многослойную структуру обыденной жизни в ее самых банальных и неприметных проявлениях, воспринимающихся как «очевидная данность» [ibid., p. 49]. Таким образом, норвежская исследовательница, как и ее коллеги из Манчестерского университета, видит задачу социологии повседневности в проблематизации тривиального, т.е. в выявлении в рутинных жизненных контекстах слоев и структур, которые делают эти контексты интересными для социологического знания. Фокусом работы с памятью служат воспоминания людей о тех или иных жизненных ситуациях в прошлом, о знаковых событиях, встречах, вещах и отношениях, которые после их «активации» открывают возможности для интерпретации актуальной социальной тематики, выходящей за рамки эпизодов субъективной памяти.

Работа с памятью, продолжает Видерберг, это практическая реализация и детализация метода коллективных воспоминаний немецкого социального философа Ф. Хауг. Исследования Хауг как

представительницы марксистского феминизма касаются преимущественно сексуализации женского тела, гендерной асимметрии и дискриминации в обществе постмодерна [Female sexualization ... , 1987]. Хауг и ее единомышленницы стремились сделать явным латентный сексизм повседневной жизни, продемонстрировав обыденную социальную практику гендерного неравенства в бытовых и тривиальных ситуациях. С этой целью анализировались воспоминания участниц исследования, а также варианты их коллективных интерпретаций запечатленного в памяти.

Видерберг подробно останавливается на алгоритмах работы с памятью, разработанных Хауг, поскольку следует им в своем эмпирическом исследовании. Успех работы в большой степени зависит от умения руководителя создать атмосферу полного доверия между всеми участниками проекта, а также между информантами и интервьюером. Учитывая феминистскую социально-теоретическую позицию Хауг, в ее проекте участвовали преимущественно женщины; им предлагалось выбрать тему, интересную для всей группы, затем детально описать на бумаге связанный с темой эпизод собственной биографии, где присутствовала гендерная дискриминация. Триггером, запускавшим работу памяти участниц, служила тематическая подборка фотографий. После этого письменные рассказы прочитывались вслух, без разглашения авторства, с последующей интерпретацией наиболее интересных случаев (без ссылок на подлинную трактовку событий той, с кем произошла описанная история). Вслед за принятием группой той или иной версии событий в качестве наиболее убедительной, как правило, предпринималась коллективная попытка «переписать историю» под новым, социальным углом зрения.

В собственном проекте Видерберг использовала те же методики и приемы, выбрав в качестве темы для обсуждения воспоминания, связанные с материнством (конкретнее – воспоминания информантов о матери друга / подруги детства в сопоставлении с образом собственной матери). Исследование проходило в форме однодневного семинара в Центре по изучению повседневности в Манчестерском университете. В семинаре участвовали преподаватели и студенты старших курсов в возрасте от 25 до 75 лет, интересующиеся гендерной проблематикой. Реконструируя этапы работы с памятью в ходе семинара, автор подчеркивает, что ее цель

состояла в том, чтобы добиться социальной трактовки морали жизненных историй, сохранившихся в памяти информантов (чему нас могут научить воспоминания на заданную тему - с точки зрения того, как «делается гендер» в повседневной жизни). Другими словами, для автора проекта имели значения не просто субъективные нарративы, но запечатленные в памяти отношения и поведенческие паттерны, а также стереотипы восприятия и действий (например, кто-то вспоминал, что мать друга была домохозяйкой, она была приветлива, добра и всегда угощала нас вкусным, а моя мама работала целый день и не могла тратить время на сантименты) [Widerberg, 2020, p. 50–52]. Работа памяти (и работа с памятью), замечает Видерберг, дает ключ к пониманию гендера в самых разных, в том числе бытовых его проявлениях, включая социальные роли родителей, отношения между родителями и детьми, братьями и сестрами, распределение домашних и иных обязанностей, шопинг и досуг и т.д. Практика семинара оказалась также весьма полезна с точки зрения новых перспектив критического социологического осмысления гендера в современном обществе. Благодаря жизненным нарративам, записанным на бумаге и прочитанным вслух (в том числе – с применением такого приема, как воображаемая смена гендерной принадлежности анонимного автора), и последующему коллективному их обсуждению, многие социально значимые рутинные проявления гендерного неравенства получили свое очевидное подтверждение, резюмирует автор.

Подводя итоги изучения повседневности методом работы с памятью, Видерберг подчеркивает, что память в действии – это не только инструмент, который делает доступным прошлый субъективный опыт, но и способ «связать нас вместе как членов общества, участвующих в его функционировании, <...> позволяя сохранять в памяти не только собственные истории, но также историю прошлых поколений и иных социальных групп» [Widerberg, 2020, p. 62]. Вместе с тем воспоминания и работа памяти – это не только реконструкция, но и интерпретация прошлого. Благодаря памяти конституируются новые отношения между прошлым и настоящим, которые структурируют пережитой и текущий опыт. Поэтому «память о прошлом – это не память о фактах, а воспоминания о том, как мы воображаем себе эти факты и конструируем их» [ibid., p. 63]. Кроме того, работа памяти имеет существенную культур-

ную и социальную специфику (одно и то же событие будет помниться по-разному в смысловых границах разных культур и социальных иерархий), т.е. культура, язык и статус в значительной мере детерминируют наши воспоминания, определяя, что следует помнить и что – забыть. Наконец, следует также иметь в виду, что записанный нарратив из прошлого – это способ не только приобрести знание, но и потерять его, поскольку воспоминания, зафиксированные на бумаге, блокируют память о том, что не попало в записи, точно так же, как визуальные образы прошлого ограничены материальным их отражением в виде фотографий. Все эти тонкости необходимо принимать в расчет при разработке перспективных эмпирических проектов с участием памяти, настаивает Видерберг.

Д. Лайон (Школа социальной политики, социологии и социальных исследований, Кентский университет, Великобритания) делится опытом эмпирического изучения темпоритмов повседневности [Lyon, 2020]. В своей работе она опирается на принципы ритм-анализа А. Лефевра [Lefebvre, 2004], преобразуя теоретические идеи французского социолога в способы выявления и описания ритмов обыденной жизни (на примере деловых будней крупнейшего в Британии рыбного рынка Биллингсгейт, который расположен в Лондоне). Калейдоскоп ритмов, их цикличность, повторяемость и смена участвуют в создании ткани обыденной жизни в не меньшей степени, чем материальные ее составляющие, убеждена Лайон. Однако «неосвязаемость» ритмического рисунка рутинных действий и практик значительно осложняет задачу социолога, которого заинтересовала специфика темпоритмов повседневности в тех или иных ее проявлениях. Для того чтобы зафиксировать ритмы привычных действий в виде ритм-анализа по Лефевру, необходимо приобрести навыки распознавания последовательности звуков, движений, жестов, их комбинаций и направления, и погрузиться в ритмическое содержание того или иного пласта обыденности, в том числе – в его овеществленной форме. Для решения этой задачи необходимы новые креативные эмпирические методы, которые дополнят сведения, полученные традиционными способами (включенное наблюдение и этнографическое исследование). Презентация таких креативных практик в контексте ритм-анализа как раз и составляет содержание эмпирического

проекта автора. В ходе своей работы Лайон попыталась применить идеи Лефевра – «мэтра пространственно-временного осмысления повседневной жизни с точки зрения ее темпоритмов» – для описания торговой жизни Биллингсгейта [Lyon, 2020, p. 122].

Кратко останавливаясь на содержании концепции Лефевра, Лайон подчеркивает, что французский социолог рассматривал ритм-анализ одновременно как объект и как способ, или прием, практического освоения временных и пространственных аспектов повседневности. Ритм-анализ, по замыслу Лефевра, помогает «различать и интерпретировать смену ритмов, в которых запечатлена эпоха» [Lyon, 2020, p. 123]. Лефевра интересовал процесс капиталистической колонизации социальной реальности, в частности – триумф линейного времени, характерного для индустриального образа жизни, которое вытесняет природную цикличность сельскохозяйственного уклада прежних времен. Этот критический мотив сохраняет актуальность и в наши дни, замечает Лайон; его влияние, в частности, ощущается в призывах к замедлению темпов жизни и возврату временной цикличности в противовес «ускоряющейся повседневности» современного мира. Однако противопоставление линейных и циклических ритмических рисунков обыденного в работах Лефевра не исчерпывает его прочтения пространственно-временных измерений социальной реальности; его трактовка этих измерений предполагает «более замысловатый взгляд» и может быть использована в качестве «инструмента для изучения и критики социальной жизни», – настаивает автор [ibid.].

Эмпирический проект Лайон как раз и представляет собой попытку практического применения «замысловатого взгляда» на ритмические составляющие торгового пространства рыбного рынка. Сегодня о ритм-анализе принято говорить не как о готовом методе, а как об аналитической ориентации, которая не укладывается в рамки противопоставления количественного и качественного способов изучения реальности. В социальных науках ритм-анализ используют преимущественно для характеристики мобильности, мест и локаций, природных сезонов, трудовой деятельности, а также досуговой и потребительской практик. Представляя свой вариант интерпретации повседневных жизненных ритмов, Лайон подчеркивает, что для нее, как и для Лефевра, принципиальное значение имеет использование ритм-анализа «в качестве вопло-

щенной феноменологической исследовательской практики». В связи с этим автор отдает предпочтение автоэтнографии – наблюдению и описанию откликов собственного тела на темпоритмы рынка в реальном времени и пространстве. Как писал в свое время Лефевр, субъект ритм-анализа должен прежде всего прислушаться к ответным реакциям собственного тела, и только ощутив его внутренний ритм, он может переходить к анализу ритмов внешних. Тело аналитика, таким образом, служит своего рода метрономом в отношении более широких внешних паттернов и взаимодействий. Аналитик «мыслит посредством тела»; для того чтобы интериоризировать ритм, необходимо в этот ритм погрузиться, «покинуть свое Я и отдаться его длительностям», – писал в свое время французский социолог [цит. по: Lyon, 2020, p. 124].

Эмпирический вариант такого погружения как способа интериоризации пространства и времени автор главы опробовала в 2012 г., во время регулярных (2–3 раза в неделю) посещений Биллингсгейта, где она на протяжении нескольких месяцев проводила целый рабочий день (с четырех утра до восьми вечера). В рамках проекта функции Лайон заключались в наблюдении и, по возможности, в организации мини-интервью с обитателями рынка, хотя несколькими годами раньше у нее получилось провести изнурительный день за прилавком в качестве помощника продавца. На этот раз задача состояла в том, чтобы окунуться в атмосферу Биллингсгейта, почувствовать на себе и в себе (в буквальном смысле) ритмы рыночных будней. Как этнографу Лайон предстояло выявить ритмический рисунок рынка, дифференцировать отдельные элементы ритмического ассамбляжа (звуки, жесты, темпы и траектории движения носильщиков, рабочих и покупателей), зафиксировать их с помощью фото- и видеосъемки и мини-интервью. Таким образом, телесное (воплощенное) погружение в ритмические циклы рынка по возможности дополнялось вербальной информацией, однако тело и органы чувств (слух, зрение, обоняние, осязание) оставались, по словам автора, ее главными помощниками на протяжении всего проекта.

Свою задачу Лайон как последовательница Лефевра видела в том, чтобы физически синхронизироваться с ритмическими циклами торгового пространства Биллингсгейта, распознавать их отдельные составляющие и сделать этот телесный опыт пригодным

для социологической интерпретации. Лайон характеризует свой опыт как воплощенную перцепцию ритмов рынка; для этого ей потребовались специфические «телесные настройки», чтобы собственные движения, жесты, походка, траектории и скорость передвижения, манера речи и стиль общения совпали с деловыми ритмами обыденной жизни Биллингсгейта. Попаданию в темпоритм в данном случае предшествовало ненамеренное нарушение автором сложившихся последовательностей и циклов в действиях работников и покупателей (по словам автора, она все время путалась под ногами). Именно так в первоначальном хаосе передвижений, контактов и поведенческих стратегий стали появляться повторяющиеся, завершённые и сменяющие друг друга ритмические циклы. «Благодаря воплощенному вниманию как исходному уровню моей этнографии, – пишет Лайон, – я смогла понять, как различные ритмы комбинируются друг с другом, образуя ассамбляжи, достигая пространственно-временной синхронности и / или дифференциации» [Lyon, 2020, p. 126].

Наряду с «использованием тела» в качестве камертона деловой активности рынка, автор главы интерпретировала данные, полученные в ходе полуструктурированных интервью и свободных бесед с добровольными респондентами из числа работников и завсегдатаев Биллингсгейта. Эти данные позволили сопоставить темпоритм рынка с обыденными жизненными ритмами за его пределами. В частности, Лайон выяснила, как ритмические особенности и циклы повседневной деловой жизни рынка ограничивают возможности досуга и отдыха работников, вынужденных вставать чуть свет и ложиться в то время, когда обычные люди собираются ужинать. Кроме того, оказалось, что ритмический рисунок деловой активности Биллингсгейта в значительной степени определяется внешними – сезонными и социальными – циклами (увеличение спроса перед праздниками, сроки отлова рыбы, сезонные колебания размеров улова, погодные условия, возможности транспортировки морепродуктов и их хранения и т.п.). Что же касается фиксации ритмов торгового пространства с помощью фотоаппарата, то полученная таким способом информация оказалась мало репрезентативной – вследствие ее статичности. Однако видеозаписи и коллажи послужили аутентичными источниками сведений, пригодных для последующих социологических обобщений [Lyon,

2020, p. 127–128, 133]. В заключение Лайон подчеркивает, что ритм-анализ может оказаться эффективным способом изучения «соседствующих ритмов повседневности» в терминах социальных наук, обещающая новые перспективы для социального осмысления повседневности с точки зрения ее пространственных, временных и чувственно воспринимаемых измерений [ibid., p. 134].

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография об оригинальных методах изучения обыденной жизни в современной европейской социологии, на наш взгляд, является новаторской по сути и будет полезна всем, кто интересуется теми или иными аспектами повседневных реалий современного мира.

Список литературы

Back L. Foreword : making the mundane remarkable // *Mundane methods : innovative ways to research the everyday* / ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. XIV–XVIII.

Female sexualization : a collective work of memory / ed. by F. Haug. – London : Verso, 1987. – 224 p.

Hall S.M., Holmes H. Introduction : mundane methods and the extra-ordinary everyday // *Mundane methods : innovative ways to research the everyday* / ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 1–14.

Holmes H. Material relationships : object interviews as a means of studying everyday life // *Mundane methods: innovative ways to research the everyday* / ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 66–83.

Humphries C., Smith A. Talking objects : towards a post-social research framework for exploring object narratives // *Organization*. – 2014. – Vol. 21, N 4. – P. 477–494.

Lefebvre H. Rhythmanalysis : space, time and everyday life. – London : Continuum international publishing group, 2004. – 112 p.

Lyon D. Sensing rhythm // *Mundane methods : innovative ways to research the everyday* / ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 121–136.

Mundane methods : innovative ways to research the everyday / ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – 312 p.

Widerberg K. Memory work : an approach to remembering and documenting everyday experiences // *Mundane methods : innovative ways to research the everyday* / ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 49–65.

Woodward S. Opening up material collections : adored, forgotten about, potent and mundane objects // *Mundane methods : innovative ways to research the everyday* /

ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 17–31.

Woodward S. Hidden lives of dormant things : cupboards, lofts and shelves // *Intimacies : critical consumption and diverse economics* / ed. by E. Casey, Y. Taylor. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. – P. 216–232.

Woodward S. *Why women wear what they wear*. – Oxford : Berg, 2007. – 224 p.

References

Back L. Foreword : making the mundane remarkable. *Mundane methods : innovative ways to research the everyday*. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. XIV–XVIII.

Female sexualization : a collective work of memory. Ed. by F. Haug. – London : Verso, 1987. – 224 p.

Hall S.M., Holmes H. Introduction : mundane methods and the extra-ordinary everyday. *Mundane methods : innovative ways to research the everyday*. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 1–14.

Holmes H. Material relationships : object interviews as a means of studying everyday life. *Mundane methods : innovative ways to research the everyday*. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 66–83.

Humphries C., Smith A. Talking objects : towards a post-social research framework for exploring object narratives. *Organization*. – 2014. – Vol. 21, N 4. – P. 477–494.

Lefebvre H. *Rhythmanalysis : space, time and everyday life*. – London : Continuum international publishing group, 2004. – 112 p.

Lyon D. Sensing rhythm. *Mundane methods : innovative ways to research the everyday*. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 121–136.

Mundane methods : innovative ways to research the everyday. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – 312 p.

Widerberg K. Memory work : an approach to remembering and documenting everyday experiences. *Mundane methods : innovative ways to research the everyday*. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 49–65.

Woodward S. Opening up material collections : adored, forgotten about, potent and mundane objects. *Mundane methods : innovative ways to research the everyday*. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 17–31.

Woodward S. Hidden lives of dormant things : cupboards, lofts and shelves. *Intimacies : critical consumption and diverse economics*. Ed. by E. Casey, Y. Taylor. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. – P. 216–232.

Woodward S. *Why women wear what they wear*. – Oxford : Berg, 2007. – 224 p.

КАЗАКОВА А.Ю.* ИДЕЯ ДОМА В ТЕОРИЯХ ДОМЕСТИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются переход категории доместикиции из биологии в социальные науки, направления исследований, осуществляемых с опорой на это понятие, его содержание с учетом предметной области и методологии. Общее для естественных и общественных наук содержание доместикиции определяется ее эволюционной ролью в процессах социального и социокультурного развития, что делает важнейшим методологическим подходом эволюционизм и диффузионизм. Специфика общественных наук состоит в возможности трактовки доместикиции как состояния действующего субъекта на микроуровне его социальной среды, прежде всего в пределах того пространства, которое он считает своим домом. Для психологии принципиально важным понятием становится привязанность к дому, для социологии – перераспределение функций между пространством публичным и приватным, а, следовательно, изменение структуры социального пространства и социальных коммуникаций.

Ключевые слова: доместикиция; коэволюция; диффузия; адаптация; техника; массмедиа; приватизация; пространство; дом; жилище.

Для цитирования: Казакова А.Ю. Идея дома в теориях доместикиции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 4. – С. 33–63. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.03

* Казакова Анна Юрьевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; kazakova.a.u@yandex.ru

Статья поступила: 22.09.2023.

Принята к публикации: 20.10.2023.

KAZAKOVA A.Yu. ** The idea of home in domestication theories

Abstract. The article examines the spread of the category of domestication from biology to social sciences, the directions of research based on that category, the disclosure of its content taking into account the subject area and methodology. The content of domestication common to the natural and social sciences is determined by its evolutionary role in the processes of social and socio-cultural development, which makes evolutionism and diffusionism the most important methodological approach. The specificity of the social sciences consists in the possibility of interpreting domestication as the state of an acting subject at the micro-level of his social environment, primarily within the space that one considers home. Attachment to home becomes a fundamentally important concept for psychology, the redistribution of functions between public and private space, and consequently, a change in the structure of social space and social communications are the essence of domestication for sociology.

Keywords: domestication; coevolution; diffusion; adaptation; technology; mass media; privatization; space; home; dwelling.

For citation: Kazakova A.Yu. The idea of home in domestication theories. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 4. – P. 33–63. DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.03

Received: 22.09.2023.

Accepted: 20.10.2023.

Введение

Термин «доместикация» (буквально – «одомашнивание») широко используется в биологии, сельскохозяйственных науках, археологии и этнографии, палеоантропологии и палеозоогеогра-

** Kazakova Anna Yur'evna – Doctor of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; kazakova.a.u@yandex.ru

фии, а также в лингвистике и теории перевода. Общий смысл процесса доместикации – перевод объекта из разряда «чужого» в разряд «своего» путем присвоения. Этот процесс может быть насильственным и болезненным (например, дрессура) или ненасильственным и мягким (диффузия, обмен, конверсия). Всегда обязательна модификация исходного прототипа, появление у него новых качеств и функций, отмирание старых. Это условие сохраняется и тогда, когда объектом доместикации выступает неодушевленный предмет, и когда доместикация обращена на самого человека.

Переход человечества к производящей экономике в результате доместикации животных и растений дал старт всем современным социальным процессам. Возникновение искусственного отбора, выделение в нем мировоззренческого аспекта, подчиненного религиозным представлениям [Виллерслев, Витебски, Алексеев, 2016 ; Кузьменко, 2022], является важным звеном перехода от биологической эволюции к эволюции социальной. Биологи говорят о «самодоместикации» человека как части коэволюции [Серая, 2019 ; Овчаров, 2023]. Приспосабливаясь к преобразованной им самим среде, человек становится все более просоциальным [Косовский, Глазко, 2020]. Снижение агрессии, внесезонное размножение, subtilность и изящество тела закрепляются в ходе сексуального отбора [Dixson, Brook, 2013 ; National income inequality ... , 2011]. Самодоместикация считается условием появления «сложных способностей, включая язык, культуру и совокупное технологическое развитие» [Gleeson, 2020, p. 1]. Антропогенез подчиняется социальным факторам: «большая коммуникабельность усиливает межгрупповые контакты, что в конечном итоге требует более сложных <...> языковых систем для обслуживания возникающих в результате расширенных социальных сетей <...>, два последствия самоодомашнивания – длительное детство и сложные социальные сети – приводят к возникновению новой ниши развития <...> посредством создания культуры ученичества, обеспечивающей передачу культурного и когнитивного капитала <...>, влияние самоодомашнивания на сложность языка оказывалось через нишу развития, которая способствовала обучению посредством преподавания» [Benítez-Burraco, Kempe, 2018].

Творчество и рефлексия – главные источники социокультурных изменений, генезис которых прослеживается авторами как

часть общечеловеческой линии развития, пронизывающей все сферы жизнедеятельности. Так, А. Бенитес-Буррако и А. Никольский из усилий человека по созданию вокруг себя новой культурной ниши выводят четыре стадии усложнения музыкального разнообразия, накопление которого синхронизируется с развитием другой эксклюзивной способности – к членораздельной речи. Смысл этих усилий – контроль над спонтанной агрессией, в числе прочего, с помощью музыки: культурная ниша (дом) формируется вокруг человека постепенно, за счет уменьшения реактивной, вызванной страхом или гневом, агрессии и увеличения агрессии преднамеренной, необходимой в логике целенаправленных коллективных действий (например, оборона дома) [Benítez-Burraco, Nikolsky, 2023].

Отечественный философ В.Н. Круткин прослеживает задачу одомашнивания окружающего «дикого» пространства на примере рисования, проходящего три стадии эволюции мимесиса – присутствие, презентация и репрезентация, о которой говорится «не как о возвращении отсутствующего, но скорее как об интенсификации или усилении его» [Круткин, 2022, с. 111]. Ссылаясь на подход к исследованию визуальности А. Леруа-Гурана, на магическую трактовку А. Гелла технологии изображений, «которая нацелена на обретение особой доверительности в отношении между людьми и высшими существами» [там же, с. 110], автор определяет антропологическую функцию изображений именно как форму доместикации пространства, то есть его расширения с помощью насыщения символами: «Антропологическая функция изображения состоит в том, что рисующий человек не просто отображает мир, он расширяет его пространство своей версией этого мира, осуществляет его “одомашнивание”; он не просто говорит о реальности, он говорит о мире своей реальности, говорит вслед за своим говорением» [там же, с. 111].

Очевидно, что в анализ биологической эволюции, селекции и коэволюции необходимо вписать еще и «доместицированный», преобразованный человеком, ландшафт. В целом идея дома в процессе доместикации – моноцентричной или полицентричной, спонтанной или полностью контролируемой – является изначальной и организующей по отношению к самому процессу и модифицируемым объектам, но именно она меньше всего раскрыта в ис-

следованиях как биологических, так и социальных аспектов доместикации.

Настоящий обзор ориентирован на систематизацию существующих в социологии концепций доместикации, а также уточнение трактовок в этих концепциях роли дома как такового.

Социальные смыслы доместикации

Классифицировать социологические концепции доместикации можно по разным основаниям, но наиболее продуктивными нам представляются объект, характер осуществления в оппозиции «свобода – необходимость» и собственно обязательность присутствия в рассматриваемом процессе или явлении такого элемента, как дом в значении «жилище». В зависимости от сочетания различных вариантов, исследователи, оперирующие понятием доместикации, тяготеют к различным методологическим подходам, цитируют разные работы как выражающие суть подхода, пионерские для трактовки самой доместикации.

С опорой на выделенные критерии обнаруживается огромный пласт именно социологических исследований доместикации человека как насильственного или добровольного, деструктивного или конструктивного процесса, способного рассматриваться и на макроуровне, и на микроуровне общественных отношений. На макроуровне – это восходящая к Л. Моргану и Ф. Энгельсу традиция анализа эволюции семейных социальных институтов и отношений. На микроуровне – структуралистская традиция социальной антропологии, изучающей пространство ритуалов перехода, ритуалов принятия, или воссоединения в связи с инициацией, структурой и номенклатурой родства, социальными ролями в первичных группах. В качестве типичного объекта доместикации в первом случае будет выступать субдоминантная, поработенная и эксплуатируемая или исключенная и репрессированная социальная категория, маргинальная вне любых отношений, кроме семейных и хозяйственных, вне любого пространства, кроме домашнего и сакрального: женщина, раб, домашний слуга, инвалид, ведьма, палач, проститутка, прокаженный. В качестве типичного объекта во втором случае будет выступать новобрачный при патри- или матрилокальном проживании, в современных обществах – друг,

сирота, дети от предыдущего брака, приходящие или временно проживающие домашние работники.

Доместикация человека как сегрегация, подчинение, эксплуатация

В этих концепциях сегрегированное или совместное, постоянное или временное, неравноправное или равноправное проживание принципиально значимо: оно является частью статуса, основой его выделения. Контроль за группами, исключенными путем доместикации, может осуществляться напрямую, а может быть опосредованным, в том числе – техническими средствами. Примеры широки: от «видеоняни» и камер слежения до чипирования. Интернет вещей, «умная» бытовая техника, «умные» дома, домашняя автоматизация сегодня стали предметом активных дискуссий с точки зрения кризиса индивидуальной безопасности [Северюкова, Бахтин, 2019], безопасности частной жизни в целом [Пефтиев, 2021], перспективы создания «цифрового концлагеря» [Рудык, 2022]. Пока эти дискуссии носят футурологический характер, но имеется ряд исследований уже свершившихся социальных последствий технизации и цифровизации домашнего быта, как позитивных, так и негативных.

Можно выделить роль таких элементов процесса доместикации человека, как социальная дрессура, воспитание, культивирование качеств, призванных удерживать человека той или иной социальной категории в пределах домашнего пространства и определять его социальные роли, встраивая в них саму возможность свободных перемещений между домашним и внедомашним пространством (например, «иммунный статус» и «куаризация»), сегрегированное проживание, право собственности на территорию или отсутствие такового. Процессуальную сторону доместикации как средства подавления и эксплуатации – захват, удержание, тотальный контроль, наказания и поощрения – рассматривают редко. Примером может являться работа Ларса Буура из Университета Роскилле (Дания), посвященная беспорядкам в Мозамбике, которая рассматривает «доместикацию» бунтующей толпы [Buur, 2015] как сочетание различных форм контроля и насилия в ходе острой фазы социального конфликта. В основном внимание иссле-

дователей сосредоточено на субдоминантных демографических группах: женщины и молодежь.

Т.Б. Уварова реферирует работу германского антрополога Софи Рохе «Доместикация молодежи», выполненную на полевых материалах из Таджикистана. Молодежь – это те, кто подлежит постоянному контролю и пребыванию в суженных границах личного пространства, не имеет права самостоятельно распоряжаться ресурсами до момента вступления в брак, кто должен «подчиняться старшим родственникам, проявлять терпение к различного рода ограничениям и запретам» [Уварова, 2015, с. 132]. Таким образом, здесь доместикация – это «способ сделать подрастающего мужчину членом дома (лат. *domus*), т.е. “предписать” ему определенную роль в домохозяйстве и семейном цикле демографического воспроизводства» [там же, с. 131].

Огромное количество работ и на Западе, и на Востоке посвящено эволюции, причинам, обязательности, вариативности доместикации женщин. Гендерная дифференциация территориального поведения тестируется на соответствие биологическим предпосылкам в лабораторных условиях и в натурных экспериментах. Оценка способности к ориентированию на местности показывает, что никакой биологической предрасположенности к лучшему или худшему пространственному мышлению у мужчин и женщин нет [Burke, Kandler, Good, 2012]. Современный ролевой конфликт матери-работницы, как говорят этнографы, уходит корнями в глубокую древность, равно как и типы компромиссов, с помощью которых женщины общества охотников и собирателей примиряют пищевое и родительское поведение: «ежедневное приобретение пищи супругом отрицательно связано с усилиями женщины по поиску пищи <...>, кормящие матери тратят меньше времени на поиски пищи и приобретают меньше еды, чем женщины, не кормящие грудью. Однако по мере того, как число иждивенцев у женщины увеличивается, женщины также увеличивают время добывания пищи и количество приобретаемой пищи <...> женщины пострепродуктивного возраста работают значительно больше, чем женщины репродуктивного возраста, в сезон уборки, но не в другие сезоны года» [Trade-Offs between ... , 1992].

Положение женщины в обществе можно оценить по степени их замкнутости в домашнем пространстве, которая автоматически

ведет к их маргинализации в целом, ввиду исключения из сфер труда и политической жизни [Goodman, 2001]. Контроль партнера, размеры отцовских инвестиций в воспитание детей [Liu, Jianhong, 2021], желание и возможность предотвратить воспитание неродственных детей путем охраны женской территории [Smuts, 1992] очень различны при разных уровнях оседлости и способах хозяйствования, которые отражаются в типах жилищ [Bowen, Gleeson, 2019]. Исследователи описывают эти явления для разных видов семьи: при матрилинейности [Yong, Li, 2022], при полигинии [The domestication of ... , 2023], при патрилокальном проживании [Scelza, 2011]. Степень «привязки» к дому того или иного члена семьи связана и с функцией ухода за престарелыми родителями, с отношениями и порядком наследования, с размером, разнообразиями и обязательностью межпоколенной помощи, с продолжительностью жизни разных поколений семьи [Strassmann, Garrard, 2011].

Возникают попытки выделить типовые черты доместикации как насилия. По аналогии с функциональным репертуаром «ручных» зомби из фильмов ужасов И. Чубаров, опираясь на фигуры «оборотня» (преступника) в концепции биополитики Джорджо Агамбена и «козла отпущения» Рене Жирара, уточняет социально-правовой статус современных исключенных групп, определяя их общий статус как «*homines sacri* – существа, недостойного быть принесенным в жертву, но способного быть убитым кем угодно без всяких последствий» [Чубаров, 2014]. Автор выделяет в особый раздел подтему «доместикации зомби», рассматривая киномотивы «ресоциализации» излеченных или обезвреженных зомби, которые вновь включаются в общество к качеству людей второго сорта: «стратегии в развитии нашего жанра: правоконсервативная – изоляции или уничтожения зомби, неолиберальная – их одомашнивания, возвращения в “большое” общество, но на унижительных для исключенных условиях» [Чубаров, 2014].

В новейших исследованиях круг объектов вынужденной доместикации постоянно расширяется. В него включаются изолированные медико-демографические группы – старики, инвалиды, обитатели домов престарелых [Aubrecht, Keefe, 2017]; домашние работники, от которых наряду с проживанием в семье требуется уподобление этой семье, несмотря на расовую, этническую, рели-

гиозную «инаковость» [Dawood, 2023]. Существует множество работ, авторы которых не используют термин «доместикация», но рассматривают явления того же порядка: выливающееся в геттоизацию принуждение к оседлости цыган, бродяг, бездомных [Тюрин, 2018 ; Шайдуров, Новгородский, 2020]. Небывалый всплеск исследований социальных причин и эффектов «пандемии» коснулся не только копинг-стратегий населения, его социального самочувствия и психологического состояния, но и темы жилья. Это сама возможность поддерживать социальность в условиях тотального контроля и длительного разобщения; правомерность невиданно длительного и массового домашнего заключения; качество жилищных условий, позволяющих пережить карантин относительно комфортно или делающих его невыносимым; связь жилищного неблагополучия горожан и тренда к дезурбанизации [Растегари, 2020 ; Волков, Кондратьев, 2022 ; Первый год пандемии, 2022 ; Дулина, Ануфриева, 2021 ; Кузнецова, 2022 ; Покровский, Николаева, Демидова, 2019]. Главными фигурами становятся М. Фуко, З. Бауман, Г. Маркузе и другие франкфуртцы, П. Новгородцев и школа «естественного права».

Кроме насильственного закрепления человека за домашним пространством, принудительная доместикация может принимать форму культа вещей, навязывания товаров, предметов, технологий, связанных с ведением домашнего хозяйства или устраняющих необходимость в пребывании за пределами дома. Субъектом эксплуатации здесь выступает капиталист, производитель, ритейлер, средством – реклама и сбыт, объектом – домохозяйство в целом, у которого искусственно вырабатывается ранее не существовавшая потребность.

Довольно частая тема – увеличение домашней нагрузки на женщину под влиянием покупки новой бытовой техники, вопреки исходным ожиданиям о ее сокращении [Cowan, 1983]. Интересно, как проникают в домохозяйство новинки, как распределяются потребительские роли [Cockburn, First-Dilic, 1994]. Техническая новинка, которая вызывает интерес и восторг у мужчины, предназначается им в дар женщине как конечному потребителю для облегчения тягот домашнего хозяйства. Но женщины, чьи потребительские привычки значительно более консервативны, не в восторге от появления в доме суперсложных непривычных предметов

быта. Как показало исследование «доместикации продукта», проведенное румынскими маркетологами из Политехнического университета Бухареста [Dumitrescu, Purcărea, 2023], продукт / товар, принесенный в дом, как купленный самостоятельно, так и полученный в дар, женщины значительно в большей степени, чем мужчины, склонны персонифицировать. Они дольше и четче помнят происхождение товара и обстоятельства его появления в доме, хранят ненужные подарки, выставляют дома туристические сувениры, еще на стадии принятия решения о покупке обдумывают возможность гармоничного сочетания вещей в доме. С ростом «служебного стажа» вещь становится все более значимой, вызывает привязанность, и избавиться от нее для многих становится невозможным. Логическим продолжением этой линии исследований становятся темы культа вещей и погони за потреблением.

Доместикация как диффузия технологий: инклюзия и новые неравенства

Заимствование и адаптация – основные понятия работ, рассматривающих доместикацию на основе диффузионистского культур-антропологического подхода применительно к языку и к объектам материальной среды, использующимся как семиотические системы (предметы быта, утварь, изваяния, роспись и пр.). Яркий пример приводят донецкие историки, анализируя стихийные магические практики местного – тюркского и православного – населения в отношении степных «каменных баб»: «в местную современную народную культуру вросли суеверия, которые наполнялись импровизированными обрядами. Они выражались в виде простейших символических действий: подношений скульптурам конфет, булочек и других продуктов; их одевали, белили, иногда подкрашивали губы и глаза, огораживали и т.д. Каждый владелец скульптуры понимал этот образ чужой, давно ушедшей культуры по-своему, прося ее о том, что было для него наиболее насущно на данный момент. Но если скульптура не исполняла желания, то это объяснялось обидой изваяния из-за недостатка к нему внимания или происками каких-то враждебных, таинственных сил. В последнем случае от изваяния часто избавлялись, порой очень грубо: его могли разбить на мелкие куски, использовать в хозяйственных

нуждах, закопать, утопить в реке и т.д. Одним словом, использование древних скульптур в рамках собственного макромира было сугубо прагматичным» [Евглевский, 2018, с. 288]. Ореол опасности и притягательности, которым окружен неизвестный артефакт, неминуемо будит магическое сознание. Оно направляет все дальнейшие операции и ритуалы, сопровождающие вписывание осколка чужой культуры в «домашний» культурный контекст. Самым экзотичным и самым известным явлением в этом ряду являются карго-культы, перешедшие из разряда этнографической экзотики в область общей социальной теории управления, развития техники и технологий. Современные исследователи этих систем с помощью термина «карго-культ» обозначают «отсутствие понимания технологии или методологии происходящих процессов; бесполезную трату ресурсов; абсолютную невозможность получения желаемого результата; недостижимый разрыв в развитии между оригиналом и копией, непонимание причин и исторического контекста явлений» [Смирнов, 2020, с. 306]. В Японии аналогичное понятие «муда» [Дзедик, Васильева, 2016, с. 127] означает бездумное заимствование чужих шаблонов поведения и критериев оценки деятельности, мало соответствующих этой деятельности и ее условиям. Авторы подчеркивают его типичность для современного российского социального управления и систем оценки качества [там же].

Аналогом «карго-культы» в сфере потребления новых информационно-коммуникационных технологий становится функциональная безграмотность пользователя, оппозиция «компьютеромании – компьютерофобии» и целый ряд структурных сдвигов, которые диффузия технико-технологических инноваций провоцирует в морфологии жилища, домашнем укладе семьи, пространственно-временной организации частной и публичной жизни.

Социальные эффекты новых технологий часто изучают на примере электричества ввиду его длительной культурной истории во всем мире. Работой-прототипом здесь выступает монография Грэма Гудэя 2008 г. [Gooday, 2008], которая в свою очередь опирается на подход доместикации Энтони Гидденса и Клиффорда Гирца. Речь идет о «радикализованном модерне» и культурной интерпретации неопределенных, двойственных вещей. Плодотворной для темы доместикации в теории модерна Гидденса стала идея высвобождения деятельности от локальных привязок к месту-

времени и возможности ее организации на расстоянии. Интерпретация же новых технологий осуществляется в контексте их инструментальной роли – обеспечивать связь внешнего мира и внутреннего Я человека.

В серии статей Н.В. Никифоровой рассматривается, как распространение электричества в России повлияло на сферу досуга, досуговых практик и пространств, на проведение массовых мероприятий как церемониального усиления идеи центральной власти, как средства конструирования оптимистического, рационально организованного, справедливого будущего [Никифорова, 2015 ; Никифорова, 2016 ; Никифорова, Сидорчук, 2017]. Вместе с тем круглосуточное освещение становится проводником капиталистической сверхэксплуатации, которую создает режим занятости «24/7» [Крэри, 2021]. Сувобрата Саркар рассматривает внедрение электричества в жизнь частных домохозяйств колониальной Индии, указывая на статусную асимметрию новинок, то есть их способность подчеркивать и воспроизводить властные иерархии [Sarkar, 2015]. Понятие асимметрии в ее различных вариантах вообще пронизывает работы о диффузии технологий, прежде всего мобильных. Так, Сан Сан Лим посвящает целую главу в монографии издательства «Springer» видам асимметрии, возникающей в азиатских семьях в связи с использованием мобильной связи: асимметрия власти, связанная с вопросами приобретения и оплаты гаджетов, асимметрия способности к контакту (требование родителей быть на связи круглосуточно дети воспринимают как вторжение и слежку), асимметрия доступа в транснациональных семьях, связанная с разными стандартами и качеством связи, асимметрия компетенций как наличие или отсутствие технических навыков для использования всех возможностей каналов информации и коммуникации, ценностная асимметрия, когда для одних членов семьи мобильные устройства являются инструментом академических достижений, а для других – источником лени, прокрастинации, растраты времени, нравственного разложения [Lim, 2016].

Особое место в культурной истории проникновения в дом новинок, изобретений, технологий занимает идея социальных трансформаций семьи, работы, политического участия под влиянием доместикации массмедиа, компьютеров и игровых приставок.

вок, домашних кинотеатров, Интернета, мобильных телефонов, социальных сетей. Эффекты описываются в терминах «приватизации досуга», «игромании», «цифровой зависимости», «цифровизации жилища», формирования новой «цифровой повседневности», «глокализации». Начало этому ряду работ положила самая известная социологическая концепция доместикации, возникшая в теории медиа и новых технологий Роджера Сильверстоуна и Эрика Хирша [Silvestone, Hirsch, 1992]. Она также отталкивается от теории структуризации, рассматривая внутренние трансформации уже существующих структур, вбирающих ИТ, и приспособление пользователей, в повседневную жизнь которых встраиваются новые технологии. Этапы протекания этого процесса, которые отмечают создатели концепции, – присвоение, объективация, внедрение и преобразование [Silvestone, Hirsch, 1992] – выделяются именно на основе разного состояния дома, потому что в оригинальном варианте речь шла о том, как новые технологии раздвигают границы домашнего хозяйства и организуют «моральную экономику» домохозяйств. Присвоение и преобразование осуществляются во взаимодействии с внешней средой, объективация и внедрение отражают частную, внутреннюю домашнюю жизнь (например, объекты выставляются и используются дома как символы ценностей владельцев и постепенно интегрируются в повседневный ритм домашнего хозяйства, выполняя как аффективные, так и механические функции). Исследователи из ЮАР считают необходимым добавить сюда стадии неприятия и перераспределения (переедресации) новой технологии, имея в виду возможность негативного отношения пользователя к новинке, факторы которого они выделяют на основе количественного анализа поведения представителей академического сообщества в электронных образовательных средах [Mncube, Tanner, Chigona, 2022].

Один из самых интересных вопросов в теории доместикации медиа – это репрезентации значений новых технологий пользователями и непользователями, различия между ожиданиями «на входе», до внедрения, и оценкой эффектов после внедрения. Но главное – являются ли новые информационно-коммуникационные технологии средством освобождения или дальнейшего закрепощения человека, способствуют ли они устранению или смягчению

социальной несправедливости или только порождают новые – информационные – неравенства?

Новые технологии, встроившись в домашнюю жизнь, для многих маломобильных групп облегчили доступ к потреблению социальных услуг и культурных благ. Стали возможными дистанционное образование и виртуальные экскурсии, заказ на дом товаров и электронные очереди. Однако исследователи не только сомневаются в качестве дистанционно отобранного и использованного товара (от информации до потребительских товаров), но обращают внимание на возникновение ряда побочных эффектов явно негативного свойства. Так, в здравоохранении это вылилось в массовую привычку к самолечению и подстегиваемый рекламой постоянный и бессистемный прием лекарственных препаратов [Fox, 2019]. Локдаун в связи с пандемией COVID-19 вызвал мощный виток «медиатизации православия» и резкую поляризацию клира в отношении к ней: часть священнослужителей полагала, что онлайн-литургия только усиливает единство Церкви, неподвластной пространству и времени, часть доказывала богословскую абсурдность самой идеи индивидуальной евхаристии перед телевизором или ноутбуком [Лученко, 2021]. Социальные сети плохо «приручаются» в Африке, поскольку импорт не учитывает собственные социокультурные традиции населения; главная проблема доместикации – это не доступ к технологиям, а местная «культурная экология», которой они далеко не всегда соответствуют [The Routledge handbook of media ... , 2023]. Эту «культурную экологию» нарушает и глубокая погруженность в постоянно происходящие где-то события, чаще всего негативные, в результате которой повсеместно фиксируется атомизация и рост тревожности [ibid.].

В связи с «доместикацией Интернета» [Гредновская, Дыдров, 2022] обсуждается явление дистанционной занятости, превращение домашнего пространства в «удаленное рабочее место», что прослеживалось уже основателями подхода [Хэддон, Сильверстоун, 2009]. В современном жилище, насыщенном медиатехникой, дети все больше прибегают к одинокому просмотру медиаконтента в пространстве собственной спальни, не испытывая потребности в общении с другими детьми и отдаляясь от родителей, что отражает сдвиг границ между публичным и приватным

пространством [Bovill, Livingstone, 2001]. Негативное влияние доместикации компьютерной техники и IT-технологий на семейные взаимоотношения, изменение самой модели семьи вследствие стирания границ между приватностью и публичностью вызывает тревогу и в России [Козырьков, 2016].

В итоге доместикация технических средств связи, культов, потребления массмедиа предстает как приватизация публичной деятельности, охватившая широкий ряд форм культурного, общественно-политического, гражданского участия и в корне изменившая социализацию личности. Игра, обряды, ритуалы и культы, досуг, выборы, демонстрация поддержки или протеста политических заявлений и рядовых управленческих решений осуществляются на фоне текущих бытовых занятий, вплетаясь в ткань семейных взаимоотношений и часто ее ослабляя.

Доместикация пространства: устойчивость идеи дома

В диффузионистских работах контакт предстает как итог воздействия внешней силы на часто очень мало подготовленного и пассивного реципиента. Но в работах о доместикации пространства – это процесс, вызванный инициативой самого субъекта, стремящегося к познанию и творческому преобразованию окружающей действительности. Здесь доместикация рассматривается в русле культур-антропологического, конструкционистского, феноменологического подхода. И терминология, ссылки на предыдущие исследования, и выводы в целом близки у философов, социологов, археологов, культурных и гуманитарных географов, социальных психологов.

Доместикация – это прежде всего окультуривание пространства проживания, его символизация, позволяющая сформироваться интимному чувству, которая имеет биологические корни, восходя к территориальному поведению животных. Но, по меткому замечанию философа Ю.В. Линника, человек на этом пути движется дальше: он норовит весь мир превратить в свой дом [Линник, 2016]. Этот процесс отвечает за такие состояния, как формирование привязанности к дому, ностальгия, местный патриотизм, чувство безопасности и базового благополучия. Разумеется, наиболее интенсивно их изучают психологи, разрабатывая методики и кон-

кретный инструментарий оценки благополучия человека с учетом его самочувствия в домашней среде [Резниченко, Нартова-Бочавер, Кузнецова, 2016]. Исследователи пока обращают мало внимания на производность этих процессов и состояний от социальной структуры, на дифференциацию этих социальных чувств у разных социальных классов и групп населения, поскольку главной проблемой, вызывающей беспокойство, как было показано выше, является сама сохранность идеи дома как жилища в условиях его перенасыщения техническими новинками, облегчающими вторжение извне и нарушающими личные границы.

Доместикацию как процесс обживания или обновления, ревитализации дома новыми жильцами, переезд которых из среды с другой культурой означает изменение смысла, а значит, характера использования и облика дома (интерьера или экстерьера), рассматривают московские исследователи в уже цитированной работе [Покровский, Николаева, Демидова, 2019]. Они делают это на примере второго жилья в виде «дальних дач», которые из-за их дешевизны скупают на пустеющем Севере жители мегаполисов. Основой анализа здесь также является феноменология, а главной смысловой категорией – «жизненный мир». Доместикация становится «личным творческим проектом» [там же, с. 76] обитателя-новосела, вписывающего этот жизненный мир во вновь обретенный и адаптируемый к себе дом: «Понятие “дом” порождает множественные коннотации, включая “жилище”, “убежище”, “место отдохновения и покоя”, “область независимости”, “интимности и неприкосновенности” и другие. “Дом, – подчеркивал А. Шютц, – есть исходная точка, а также конечная цель. Это нулевая точка системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы сориентироваться в нем <...> Понятие “дом” имеет труднопередаваемый эмоциональный и символический характер” <...> Жилище, дом – один из основных символов-универсалий культуры. “Дом” – экзистенциальная категория, область символического сенсуализма, интенция к трансценденции и онтолого-эстетический феномен (см. работы М. Хайдеггера, Э. Левинаса, А. Шютца, М. Бубера, А.К. Байбурина и др.). Постичь концепт “дом” феноменологически можно не только логически-рационально, но и с помощью телесного опыта и психологического восприятия. Живя в доме, важно “переживать” и “чувствовать” его физически, ощущать его тексту-

ру, материальность, его запахи и звуки. Телесные восприятия интериоризируются и соединяются с феноменологическими образами “места”» [там же, 2019, с. 74].

Однако сохраняется ли эта телесная интимность, чувственная связь с домашним пространством в условиях его цифровизации? Не теряет ли актуальности сама идея дома, если возможность общения с близкими и доступа к медиаконтенту обособилась от «телефона в прихожей и телевизора в гостиной» [Peil, Röser, 2014], сделав неважным географическое местоположение? Даже исследователи, остающиеся в поле ранее рассмотренного подхода Сильверстоуна, уверены в обратном. Так, эмпирические исследования подтверждают, что система медиапотребления семьи и соотношение в ней новых и старых технических средств коммуникации и собственно средств массовой коммуникации по-прежнему проговаривается, упорядочивается именно дома, а успешное внедрение новых медиа зависит от того, насколько они согласованы с бытовыми домашними практиками [ibid., 2014]. Американские исследователи миграции в ее возможной связи с девальвацией ценности дома утверждают, что глобальное усиление мобильности не означает утраты чувства привязанности к дому, но меняет характер идентификаций с местом, привязывая их к стадиям жизненного цикла и особому опыту поколений: «Если молодые мигранты чаще основывают свою идентичность на дружбе, семье и эмоциональных самоатрибуциях, то старшие мигранты делают это с точки зрения проживания и предыдущего опыта проживания в этом месте» [Cuba, Hummon, 1993].

Феноменология пространства, в том числе архитектурно организованного, утверждает сегодня, что чувство места устойчиво к технологическим инновациям. Чувство места формируется многомерным восприятием (запах, движение, звук и пр.) и закрепляется памятью [Spence, 2020]. Дом обеспечивает мемориальную устойчивость семьи и связь поколений именно за счет сосуществования в пространстве символов разных эпох, которыми выступают личные вещи старших родственников, унаследованная мебель и кухонная утварь, собственно мемориальные и культовые объекты, лишенные утилитарных функций.

Ярким примером является анализ Л. Бугаевой ориентированного на девочек коммерческого проекта *American girl* как стра-

тегии «введения истории в домашнее пространство ребенка, <...> интимизации чужого опыта и доместикации истории» через игру с куклой и продолжающие ее фильмы, игры, наборы игрушек [Бугаева, 2017]. Другая отечественная исследовательница показывает, как уже интериоризованный исторический опыт (практики экономически берегающего поведения – мытья целлофановых пакетов, сложившиеся у советских женщин) переосмысливаются в новом контексте (экологической повестки) молодым поколением, т.е. «как дискурс осознанного потребления “вспоминает” советское прошлое, взаимодействует с ним, и в чем прагматика таких отсылок» [Секушина, 2021, с. 161]. Более того, историко-антропологические изыскания, опирающиеся на археологические данные, показывают, что именно функция хранения исторической памяти, обеспечения социального, культурного воспроизводства, преемственности поколений – хронологически первая. Возможно, она детерминирует всю историю человеческого домостроительства. О.Р. Астапова, реферируя сборник по результатам археологических и междисциплинарных исследований неолитического поселения Чатал-Хююк, пишет: «...некоторые здания в Чатал-Хююке постепенно приобретали характер мест, предназначенных исключительно для погребения. Поскольку “время жизни” таких зданий измеряется многими поколениями, а архитектурная разработанность и число погребений возрастают с течением времени, авторы предлагают называть их “домами истории”. Возможно, “дома истории” использовались родственными кланами или соседними домами для отправления культов и находились на их продовольственном обеспечении, чем и объясняется уменьшение размеров хранилищ и производственных помещений. Всё это, полагают авторы, позволяет отнести Чатал-Хююк к категории так называемых “домовых сообществ”, т.е. таких, в которых “дом”, по определению К. Леви-Строса, представляет собой основной символ и организующий принцип социальной организации <...> В Чатал-Хююке “дома истории” служили для аккумуляции исторической памяти и на определенных фазах развития поселения находились в центре внимания сообщества» [Астапова, 2013, с. 30].

Поэтому в контексте антропологии жилища доместикация предстает не как процесс разобщения семьи и окружающего мира, а наоборот, как средство постижения истории, формирования

общности и включения в нее в результате культивирования просоциальности все большего количества «других», понимаемых как ин-группа.

Заключение

Доместикация представляет собой общенаучную категорию, понятийное наполнение которой может уточняться в разных науках в зависимости от предмета исследования и особенностей его эмпирических объектов. Изначально возникнув в естественных науках и наиболее тесно связанных с ними специальных исторических дисциплинах, далее категория доместикации уверенно вошла в понятийный аппарат исследований культурных инноваций, межкультурных коммуникаций и взаимодействия обеспечивающих эти культурные контакты семиотических систем.

Ведущими методологическими подходами к анализу доместикации в социальных науках стали эволюционизм и диффузионизм. По мере упрочения научного статуса категории поле ее рассмотрения расширяется. Это бихевиоризм (доместикация как дрессура), символический интеракционизм (доместикация как шифровка – дешифровка пространства), институциональный подход (нормативность и ограничения домашних и внедомашних активностей), феноменология (доместикация как «чувство дома», переживание местонахождения, включение пространства в «образ Я»).

В современных исследованиях доместикация предстает как заимствование и потребление – относительно пассивное, иногда недобровольное, будящее изумление, страх, гнев и сопротивление; как активное сотворение «своего» пространства в процессе познания окружающего мира человеком-творцом; как самоизоляция в домашнем пространстве (приватизация общественных ресурсов, благ, технологий и практик) и, напротив, как социализация, усиление просоциального начала в готовности индивида впустить в свое частное пространство элементы общественной жизни (доместикация медиа и глокализация). Кроме того, в концепциях «доместикации пространства» это социально-психологический процесс формирования привязанности к объектам материальной и социальной среды, их наделения дополнительными личностными смыслами и

превращения в составную часть личной, социальной, национальной идентичности.

Список литературы

Астапова О.Р. Роль религии в возникновении цивилизации (по материалам Чатал-Хююка) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – 2013. – № 4. – С. 22–34. – Реф. сб.: Religion in the emergence of civilization : Çatalhöyük as a case study / ed. by I. Hodder. – Cambridge ; New York : Cambridge university press, 2010. – XII, 360 p.

Бугаева Л. American girl как проект доместикации истории // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 1 (143). – С. 233–245.

Виллерслев Р., Витебски П., Алексеев А.А. Жертвоприношение как идеальная охота : объяснение истоков доместикации северного оленя с точки зрения космологии / пер. с англ. Н. Васильковой // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 4. – С. 154–175.

Волков С.Ю., Кондратьев А.С. Формирование цифровой диктатуры как актуальная общественно-политическая проблема // Огарёв-Online. – 2022. – № 6 (175). – URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/formirovanie-cifrovoj-diktatury-kak-aktualnaya-obshhestvenno-politicheskaya-problema> (дата обращения: 20.09.2023).

Гредновская Е.В., Дыдров А.А. Экспансия микроформатов в Интернет-пространстве : коммуникативный аспект // Российская школа связей с общественностью. – 2022. – № 26. – С. 130–144.

Дзедик В.А., Васильева С.И. Исследование влияния карго-культа на эффективность систем менеджмента качества // Бизнес. Образование. Право. – 2016. – № 4 (37). – С. 123–127.

Дулина Н.В., Ануфриева Е.В. Влияние пандемии на изменение повседневных практик жителей Волгограда : гендерные различия (по итогам прикладного социологического исследования) // Logos et praxis. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 95–109. – DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.2.12

Евглевский А.В., Андросова С.Л. Тюркские средневековые изваяния в культурном пространстве других народов : «доместикация» чужих образов // Донецкие чтения – 2018 : образование, наука, инновации, культура и вызовы современности, Донецк, 25 октября 2018 года / под общ. ред. С.В. Беспаловой. – Донецк : Издательство ДонНУ, 2018. – Т. 5. – С. 287–289.

Козырьков В.П. Социокультурная концепция семьи : факторы, формы и механизмы ее становления // вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия социальные науки. – 2016. – № 1 (41). – С. 88–96.

Косовский Г.Ю., Глазко В.И. Взаимосвязь между социализацией и доместикацией // Кролиководство и звероводство. – 2020. – Т. 2, № 5. – С. 5–18. – DOI: 10.24411/0023-4885-2020-00020

Круткин В.Л. Рисование как антропопрактика : образы и знаки в мире изображений // Визуальная антропология – 2022. Исторический город : актуализация прошлого в перспективе будущего : материалы IV Международной науч-

ной конференции, Великий Новгород, 22–23 сентября 2022 года / под редакцией С.С. Аванесова, Е.И. Спешиловой. – Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2022. – С. 107–113. – DOI: 10.34680/visant-2022-107-113

Крэри Д. 24/7 : поздний капитализм и цели сна // Экономическая социология. – 2021. – Т. 22, № 5. – С. 39–53. – DOI: 10.17323/1726-3247-2021-5-40-54

Кузнецова А.Р. Строительство жилья в сельской местности Ленинградской области в условиях пандемии COVID-19 // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2022. – № 1 (9). – С. 64–75.

Кузьменко Г.Н. Религиозный фактор доместикиции в архаичном обществе (мировоззренческий аспект) // Социальная политика и социология. – 2022. – Т. 21, № 4 (145). – С. 128–135.

Линник Ю.В. [Рецензия] // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2016. – № 7–2 (160). – С. 114–116. – Рец. на кн.: Конкка А. Карикко : деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. – 286 с.

Лученко К. Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2021. – Т. 39, № 1. – С. 39–57. – DOI: 10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57

Никифорова Н.В. Превращение электричества из диковинки в новинку : подходы к изучению культурной истории электрификации // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 4 (41). – С. 48–55.

Никифорова Н.В. Технологические новинки при императорском дворе : электричество в практиках репрезентации власти // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 145–150.

Никифорова Н.В., Сидорчук И.В. Культурная история электричества в России XIX века : электрический свет как спектакль и развлечение // Вопросы истории естествознания и техники. – 2017. – Т. 38, № 3. – С. 448–469.

Овчаров Д.А. Идеи генно-культурной эволюции в философии XX века : историко-философский аналитический обзор // Вестник МГПУ. Серия Философские науки. – 2023. – № 1 (45). – С. 79–88. – DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.6

Первый год пандемии : социальный отклик в контексте причин смерти / Семенова В.Г., Иванова А.Е., Сабгайда Т.П., Евдокушкина Г.Н., Запороженко В.Г. // Здравоохранение Российской Федерации. – 2022. – Т. 66, № 2. – С. 93–100. – DOI: 10.47470/0044-197X-2022-66-2-93-100

Пептеев В.И. Цифровизация : новые вызовы для личности и общества // Возможности и угрозы цифрового общества : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ярославль, 15 апреля 2021 года / под ред. А.В. Соколова, А.А. Фролова. – Ярославль : Общество с ограниченной ответственностью «Цифровая типография», 2021. – С. 212–214.

Покровский Н.Е., Николаева У.Г., Демидова Ю.А. Феноменология «жизненного мира» горожанина во внегородском пространстве Ближнего Севера : дом

и доместиация // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 70–80. – DOI: 10.31857/S013216250007752-0

Растегари С. Ограничения на путешествия, наложенные из-за COVID-19, нарушают международное право // Право и государство : теория и практика. – 2020. – № 12 (192). – С. 179–182. – DOI: 10.47643/1815-1337_2020_12_179

Резниченко С., Нартова-Бочавер С.К., Кузнецова В.Б. Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 3. – С. 498–518.

Рудык Э.Н. Цифровая власть как новая форма власти : опасности и риски (гуманистический аспект) // Россия : тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17, ч. 1. – С. 254–257.

Севрюкова Е.А., Бахтин А.А. Радикальные технологии в устройстве повседневной жизни : идеология управления // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2019. – № 2 (22). – С. 161–165. – DOI: 10.24151/2409-1073-2019-2-161-165

Секушина Ю.А. Воображая прошлое, преображая настоящее : культурный ресайклинг советского прошлого в дискурсе осознанного потребления // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 4. – С. 160–182. – DOI: 10.17223/2312461X/34/11

Серая О.Ю. Что такое доместиация и какие отношения она имеет к человеку? // Кролиководство и звероводство. – 2019. – № 3. – С. 55–59.

Смирнов О.А. Культурологическое значение карго-культа : от этнографии к социальным наукам // Культура и цивилизация. – 2020. – Т. 10, № 5–1. – С. 303–307.

Тюрин А.С. «Цыганская проблема» в деятельности ведомства государственных имуществ в Нижегородской губернии (1839–1866) // Вестник Пермского университета. История. – 2018. – № 3 (42). – С. 42–53. – DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-42-53

Уварова Т.Б. [Реферат]. Рохе С. Доместиация молодежи : демографический взрыв и его социополитические последствия в Таджикистане // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – 2015. – № 3. – С. 130–135. – Реф. кн.: Roche S. Domesticating youth : the youth bulges and their socio-political implications in Tajikistan. – New York ; Oxford : Berghahn, 2014. – xx, 271 p.

Хэддон Л., Сильверстоун Р. Удаленная работа и изменение отношения «дом – работа» // Информационное общество. – 2009. – Вып. 6. – С. 6–16.

Чубаров И. Исключенные : логики социальной стигматизации в массовом кинематографе // Логос. – 2014. – № 5 (101). – С. 97–129.

Шайдуров В.Н., Новгородский Т.А. Цыгане и военная служба в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 838–850. – DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-4-838-850

Aubrecht K., Keefe J. «Everybody has different levels of why they are here» : deconstructing domestication in the nursing home setting // Disabling domesticity / ed.

by M. Rembis. – New York : Palgrave Macmillan, 2017. – 355 p. – DOI: 10.1057/978-1-137-48769-8

Benítez-Burraco A., Kempe V. The emergence of modern languages : has human self-domestication optimized language transmission? // *Frontiers in psychology*. – 2018. – Vol. 551, N 9. – P. 1–8. – DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00551

Benítez-Burraco A., Nikolsky A. The (co)evolution of language and music under human self-domestication // *Human nature*. – 2023. – N 34. – P. 229–275. – DOI: 10.1007/s12110-023-09447-1

Bovill M., Livingstone S.M. Bedroom culture and the privatization of media use [online]. – London : LSE research online, 2001. – URL: <http://eprints.lse.ac.uk/archive/00000672> (accessed: 20.09.2023).

Bowen W.M., Gleeson R.E. The advent of permanent human settlements // *The evolution of human settlements*. – Cham : Palgrave Macmillan, 2019. – P. 73–94. – DOI: 10.1007/978-3-319-95034-1_4

Burke A., Kandler A., Good D. Women who know their place : sex-based differences in spatial abilities and their evolutionary significance // *Human nature*. – 2012. – N 23. – P. 133–48. – DOI: 10.1007/s12110-012-9140-1

Buur L. Sovereignty, riots, and social contestation : excess and domestication // *Conflict and society : advances in research*. – 2015. – Vol. 1, N 1. – P. 165–181. – DOI: 10.3167/arcs.2015.010113

Cockburn C., First-Dilic R. Bringing technology home : gender and technology in a changing Europe. – Milton Keynes : Open university press, 1994. – 187 p.

Cowan R.S. More work for mother : the ironies of household technology from the open hearth to the microwave. – New York : Basic books, 1983. – 257 p.

Cuba L., Hummon D.M. Constructing a sense of home : place affiliation and migration across the life cycle // *Sociological forum*. – 1993. – N 8. – P. 547–572. – DOI: 10.1007/BF01115211

Dawood Q. From dusting to «deening» : domestic workers in the South African Muslim home // *The thinker*. – 2023. – Vol. 96, N 3. – P. 61–73.

Dixson B.J., Brook R.C. The role of facial hair in women's perceptions of men's attractiveness, health, masculinity and parenting abilities // *Evolution and human behavior*. – 2013. – Vol. 34, N 3. – P. 236–241. – DOI: 10.1016/j.evolhumbehav.2013.02.003

Dumitrescu A., Purcărea M. Product domestication process perceived by end-users. – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/371016497_Product_domestication_process_perceived_by_end-users (accessed: 20.09.2023).

Fox S. Trying times : domestication of healthcare technologies amidst challenging dynamic contexts // *Social theory and health*. – 2019. – N 17. – P. 291–306. – DOI: 10.1057/s41285-019-00107-y

Gleeson B.T. Masculinity and the mechanisms of human self-domestication // *Adaptive human behavior and physiology*. – 2020. – N 6. – P. 1–29. – DOI: 10.1007/s40750-019-00126-z

Gooday G. Domesticating electricity : technology, uncertainty and gender, 1880–1914. – London : Pickering & Chatto, 2008. – 292 p.

Goodman Ph. Domestication of industrial employment // Women, sexuality and war / ed. by Ph. Goodman. – London : Palgrave Macmillan, 2001. – P. 29–51. – DOI: 10.1057/9781403914132

Lim S.S. Asymmetries in Asian families' domestication of mobile communication // Mobile communication and the family mobile communication in Asia : local insights, global implications / ed. by S.S. Lim. – Dordrecht : Springer, 2016. – P. 1–12. – DOI: 10.1007/978-94-017-7441-3_1

Liu Y., Jianhong Zh. Rural masculinities and fathering : the lived experiences of Chinese farmers // Journal of family issues. – 2021. – N 42. – P. 1–21. – DOI: 10.1177/0192513X20988070

Mncube S., Tanner M.C., Chigona W. Reconceptualisation of domestication theory through the domestication of open educational resources // Proceedings of the 14th Annual AIS SIG GlobDev Pre-ICIS Workshop, Copenhagen, Denmark, Saturday. – 2022. – Dec. 10. – URL: https://www.researchgate.net/publication/368364378_Reconceptualisation_of_Domestication_Theory_through_the_Domestication_of_Open_Educational_Resources (accessed 20.09.2023).

National income inequality predicts women's preferences for masculinized faces better than health does / Brooks R., Scott I., Maklakov A., Kasumovic M., Clark A., Penton-Voak I. // Proceedings of The Royal Society : biological sciences. – 2011. – Vol. 278, N 1707. – P. 810–812. – URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rspb.2010.0964> (accessed 20.09.2023). – DOI: 10.1098/rspb.2010.0964

Peil C., Röser J. The meaning of home in the context of digitization, mobilization and mediatization // Mediatized worlds / ed. by A. Hepp, F. Krotz. – London : Palgrave Macmillan, 2014. – P. 233–249. – DOI: 10.1057/9781137300355_14

Sarkar S. Domesticating electric power : growth of industry, utilities and research in colonial Calcutta // The Indian economic and social history review. – 2015. – Vol. 52, N 3. – P. 357–389.

Scelza B. Female mobility and postmarital kin access in a patrilocal society // Human nature. – 2011. – N 22. – P. 377–393. – DOI: 10.1007/s12110-011-9125-5

Sela Y., Shackelford T., Liddle J. A moral guide to depravity : religiously motivated violence and sexual selection // The evolution of morality / ed. by T. Shackelford, R. Hansen. – Cham : Springer, 2016. – P. 197–216. – DOI: 10.1007/978-3-319-19671-8_10

Silvestone R., Hirsch E. Consuming technologies : media and information in domestic spaces. – London ; New York : Routledge, 1992. – 256 p.

Smuts B. Male aggression against women : an evolutionary perspective // Human nature. – 1992. – N 3. – P. 1–44. – DOI: 10.1007/BF02692265

Spence Ch. Senses of place : architectural design for the multisensory mind // Cognitive research : principles and implications. – 2020. – N 5. – P. 1–26. – DOI: 10.1186/s41235-020-00243-4

Strassmann B., Garrard W. Alternatives to the grandmother hypothesis a meta-analysis of the association between grandparental and grandchild survival in patrilineal

populations // *Human nature*. – 2011. – N 22. – P. 201–222. – DOI: 10.1007/s12110-011-9114-8

The domestication of women's roles as a reflection of ancient patriarchal traditions : a reflection on the thoughts of Friedrich Engels and Fatimah Mernissi / Roibin R., As-Suvi A., Abdullah Y., Ashari Z. // *Marwah : Jurnal Perempuan, Agama dan Jender*. – 2023. – Vol. 22, N 1. – P. 53–71. – DOI: 10.24014/Marwah.v22i1.22415

The Routledge handbook of media and technology domestication / ed. by M. Hartmann. – London : Routledge, 2023. – 528 p. – DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003265931>

Trade-Offs between female food acquisition and child care among Hiwi and Ache foragers / Hurtado A., Hill K., Hurtado I., Kaplan H. // *Human nature*. – 1992. – N 3. – P. 185–216. – DOI: 10.1007/BF02692239

Yong J., Li N. Elucidating evolutionary principles with the traditional Mosuo : adaptive benefits and origins of matriliney and «walking marriages» // *Culture and evolution*. – 2022. – N 19. – P. 22–40. – DOI: 10.1556/2055.2022.00017

References

Astapova O.R. Rol' religii v vozniknovenii civilizacii (po materialam Chatal-Hyuyuka) [The role of religion in the awareness of civilization (based on the material of Cha Chatal-Khoyuk)]. Collected papers summary : Religion in the formation of civilization : Chatal-Khoyuk as a case study. Ed. by Hodder I. Cambridge ; New York: Cambridge university publishing house, 2010. – XII, 360 p. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya* [Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 5: History]. – 2013. – N 4. – P. 22–34. (In Russian)

Aubrecht K., Keefe J. «Everybody has different levels of why they are here» : deconstructing domestication in the nursing home setting. *Disabling domesticity*. Ed. by M. Rembis. – New York : Palgrave Macmillan, 2017. – 355 p. – DOI: 10.1057/978-1-137-48769-8

Benítez-Burraco A., Kempe V. The emergence of modern languages : has human self-domestication optimized language transmission? *Frontiers in psychology*. – 2018. – Vol. 551, N 9. – P. 1–8. – DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00551

Benítez-Burraco A., Nikolsky A. The (co)evolution of language and music under human self-domestication. *Human nature*. – 2023. – N 34. – P. 229–275. – DOI: 10.1007/s12110-023-09447-1

Bovill M., Livingstone S.M. *Bedroom culture and the privatization of media use* [online]. – London : LSE research online, 2001. – URL: <http://eprints.lse.ac.uk/archive/00000672> (accessed: 20.09.2023).

Bowen W.M., Gleeson R.E. The advent of permanent human settlements. *The evolution of human settlements*. – Cham : Palgrave Macmillan, 2019. – P. 73–94. – DOI: 10.1007/978-3-319-95034-1_4

National income inequality predicts women's preferences for masculinized faces better than health does / Brooks R., Scott I., Maklakov A., Kasumovic M., Clark A.,

- Penton-Voak I. *Proceedings of The Royal Society : biological sciences*. – 2011. – Vol. 278, N 1707. – P. 810–812. – URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rspb.2010.0964> (accessed 20.09.2023). – DOI: 10.1098/rspb.2010.0964
- Bugaeva L. American girl kak proekt domestikacii istorii [The American girl as a project of domestication and history]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [The new literary observer]. – 2017. – N 1 (143). – P. 233–245. (In Russian)
- Burke A., Kandler A., Good D. Women who know their place : sex-based differences in spatial abilities and their evolutionary significance. *Human nature*. – 2012. – N 23. – P. 133–48. – DOI: 10.1007/s12110-012-9140-1
- Buur L. Sovereignty, riots, and social contestation : excess and domestication. *Conflict and society : advances in research*. – 2015. – Vol. 1, N 1. – P. 165–181. – DOI: 10.3167/arcs.2015.010113
- Chubarov I. Isklyuchennyye : logiki social'noj stigmatizacii v massovom kinematographe [Excluded : the logic of social stigmatization in mass cinema]. *Logos*. – 2014. – N 5 (101). – P. 97–129. (In Russian)
- Cockburn C., First-Dilic R. *Bringing technology home : gender and technology in a changing Europe*. – Milton Keynes : Open university press. – 1994. – 187 p.
- Cowan R.S. *More work for mother : the ironies of household technology from the open hearth to the microwave*. – New York : Basic books, 1983. – 257 p.
- Crary D. 24/7 : pozdnyj kapitalizm i celi sna [24/7 : late capitalism and sleep goals]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology]. – 2021. – Vol. 22, N 5. – P. 39–53. – DOI: 10.17323/1726-3247-2021-5-40-54 (In Russian)
- Cuba L., Hummon D.M. Constructing a sense of home : place affiliation and migration across the life cycle. *Sociological forum*. – 1993. – N 8. – P. 547–572. – DOI: 10.1007/BF01115211
- Dawood Q. From dusting to «deening» : domestic workers in the South African Muslim home. *The thinker*. – 2023. – Vol. 96, N 3. – P. 61–73.
- Dixon B.J., Brook R.C. The role of facial hair in women's perceptions of men's attractiveness, health, masculinity and parenting abilities. *Evolution and human behavior*. – 2013. – Vol. 34, N 3. – P. 236–241. – DOI: 10.1016/j.evolhumbehav.2013.02.003
- Dulina N.V., Anufrieva E.V. Vliyaniye pandemii na izmeneniye povsednevnykh praktik zhitelej Volgograda : gendernyye razlichiya (po itogam prikladnogo sociologicheskogo issledovaniya) [The impact of the pandemic on the change in daily life indicators of the Volgograd population : gender differences (based on the results of a sociological study)]. *Logos et practice*. – 2021. – Vol. 20, N 2. – P. 95–109. – DOI 10.15688/lp.jvolsu.2021.2.12 (In Russian)
- Dumitrescu A., Purcărea M. *Product domestication process perceived by end-users*. – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/371016497_Product_domestication_process_perceived_by_end-users (accessed: 20.09.2023).
- Dzedik V.A., Vasilyeva S.I. Issledovanie vliyaniya kargo-kul'ta na effektivnost' sistem menedzhmenta kachestva [Investigation of the influence of cargo cult on the effectiveness of quality management systems]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law]. – 2016. – N 4 (37). – P. 123–127. (In Russian)

Fox S. Trying times : domestication of healthcare technologies amidst challenging dynamic contexts. *Social theory and health*. – 2019. – N 17. – P. 291–306. – DOI: 10.1057/s41285-019-00107-y

Gaidurov V.N., Novgorodsky T.A. Cygane i voennaya sluzhba v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX v. [Gypsies and military service in the Russian Empire in the second half of the XVIII – first half of the XIX century]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: The history of Russia]. – 2020. – Vol. 19, N 4. – P. 838–850. – DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-4-838-850 (In Russian)

Gleeson B.T. Masculinity and the mechanisms of human self-domestication. *Adaptive human behavior and physiology*. – 2020. – N 6. – P. 1–29. – DOI: 10.1007/s40750-019-00126-z

Gooday G. *Domesticating electricity : technology, uncertainty and gender, 1880–1914*. – London : Pickering & Chatto, 2008. – 292 p.

Goodman Ph. Domestication of industrial employment. *Women, sexuality and war*. Ed. by Ph. Goodman. – London : Palgrave Macmillan, 2001. – P. 29–51. – DOI: 10.1057/9781403914132

Grednovskaya E.V., Dydrov A.A. Ekspansiya mikroformatov v Internet-prostranstve : kommunikativnyj aspekt [Expansion of microformats in the Internet space : a communicative aspect]. *Rossijskaya shkola svyazej s obshchestvennost'yu* [The Russian school of public relations]. – 2022. – N 26. – P. 130–144. (In Russian)

Haddon L., Silverstone R. Udalennaya rabota i izmenenie otnosheniya «dom – rabota» [Remote work and changing the home–work relationship]. *Informacionnoe obshchestvo* [Information society]. – 2009. – N 6. – P. 6–16. (In Russian)

The Routledge handbook of media and technology domestication. Ed. by M. Hartmann M. – London : Routledge, 2023. – 528 p. – DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003265931>

Trade-Offs between female food acquisition and child care among Hiwi and Ache foragers / Hurtado A., Hill K., Hurtado I., Kaplan H. *Human nature*. – 1992. – N 3. – P. 185–216. – DOI: 10.1007/BF02692239.

Kosovsky G.Yu., Glazko V.I. Vzaimosvyaz' mezhdru socializacij i domestikacij [The relationship between socialization and domestication]. *Krolikovodstvo i zverovodstvo* [Rabbit breeding and animal husbandry]. – 2020. – N 5–2. – P. 5–18. – DOI: 10.24411/0023-4885-2020-00020 (In Russian)

Kozyrkov V.P. Sociokul'turnaya koncepciya sem'i : faktory, formy i mekhanizmy ee stanovleniya [Sociocultural concept of the family : factors, forms and mechanisms of its formation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social sciences]. – 2016. – N 1 (41). – P. 88–96. (In Russian)

Krutkin V.L. Risovanie kak antropopraktika : obrazy i znaki v mire izobrazhenij [Drawing as an anthropopractic : images and signs in the world of images]. Ed. by S.S. Avanesov, E.I. Speshilova. *Vizual'naya antropologiya – 2022. Istoricheskij*

gorod : aktualizaciya proshlogo v perspektive budushchego : materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Velikij Novgorod, 22–23 sentyabrya 2022 goda [Visual anthropology – 2022. Historical city : actualization of the past in the perspective of the future : materials for the IV International scientific conference, Veliky Novgorod, September 22–23, 2022]. Veliky Novgorod : Yaroslav Mudryi Novgorod state university, 2022. – P. 107–113. – DOI: 10.34680/vizant-2022-107-113 (In Russian)

Kuzmenko G.N. Religioznyj faktor domestikacii v arhaichnom obschestve (mirovozzrencheskij aspekt) [The religious factor of domestication in an archaic society (worldview aspect)]. *Social'naya politika i sociologiya* [Social policy and sociology]. – 2022. – Vol. 21, N 4 (145). – P. 128–135. (In Russian)

Kuznetsova A.R. Stroitel'stvo zhil'ya v sel'skoj mestnosti Leningradskoj oblasti v usloviyah pandemii COVID-19 [The state lived in rural areas of Leningrad region in the conditions of the COVID-19 pandemic]. *Ufimskij gumanitarnyj nauchnyj forum* [The Ufa humanistic scientific forum]. – 2022. – N 1 (9). – P. 64–75. (In Russian)

Lim S.S. Asymmetries in Asian families' domestication of mobile communication. *Mobile communication and the family mobile communication in Asia : local insights, global implications*. Ed. by S.S. Lim. – Dordrecht : Springer, 2016. – P. 1–12. – DOI: 10.1007/978-94-017-7441-3_1

Linnik Yu.V. Recenziya na knigu : Konkka A. Karsikko : derev'ya-znaki v obryadah i verovaniyah pribaltiysko-finskih narodov [Book review : Konkka A. Karsikko : sign trees in the rituals and beliefs of the Baltic-Finnish peoples]. Petrozavodsk : PetrSU publishing house, 2013. – 286 s.]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk state university]. – 2016. – N 7–2 (160). – P. 114–116. (In Russian)

Liu Y., Jianhong Zh. Rural masculinities and fathering : the lived experiences of Chinese farmers. *Journal of family issues*. – 2021. – N 42. – P. 1–21. – DOI: 10.1177/0192513X20988070

Luchenko K. Cifrovizaciya bogoslužebnyh praktik v period pandemii koronavirusa v kontekste mediatizacii pravoslaviya [Digitalization of liturgical practices during the coronavirus pandemic in the context of the mediatization of Orthodoxy]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. – 2021. – Vol. 39, N 1. – P. 39–57. – DOI: 10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57 (In Russian)

Mncube S., Tanner M.C., Chigona W. Reconceptualisation of domestication theory through the domestication of open educational resources. *Proceedings of the 14th Annual AIS SIG GlobDev Pre-ICIS Workshop, Copenhagen, Denmark, Saturday*. – 2022. – Dec. 10. – URL: https://www.researchgate.net/publication/368364378_Reconceptualisation_of_Domestication_Theory_through_the_Domestication_of_Open_Educational_Resources (accessed 20.09.2023).

Nikiforova N.V. Prevrashchenie elektrichestva iz dikovinki v novinku : podhody k izucheniyu kul'turnoj istorii elektrifikacii [The transformation of electricity from a curiosity into a novelty : approaches to the study of the cultural history of electrification]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development]. – 2016. – N 4 (41). – P. 48–55. (In Russian)

Nikiforova N.V. Tekhnologicheskie novinki pri imperatorskom dvore : elektrichestvo v praktikah reprezentacii vlasti [Technological innovations at the Imperial court : electricity in the practices of power representation]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin]. – 2015. – Vol. 1, N 2. – P. 145–150. (In Russian)

Nikiforova N.V., Sidorchuk I.V. Kul'turnaya istoriya elektrichestva v Rossii XIX veka : elektricheskij svet kak spektakl' i razvlechenie [The cultural tradition of electricity in Russia of the XIX century : electrical light as a phenomenon and development]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of the history of natural science and technology]. – 2017. – Vol. 38, N 3. – P. 448–469. (In Russian)

Ovcharov D.A. Idei genno-kul'turnoj evolyucii v filosofii XX veka : istoriko-filosofskij analiticheskij obzor [The genetic and cultural evolution of the Idea in the philosophy of the twentieth century : a historical and philosophical analytical review]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow state pedagogical university. Series: Philosophical sciences]. – 2023. – N 1 (45). – P. 79–88. – DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.6 (In Russian)

Peftiev V.I. Cifrovizaciya : novye vyzovy dlya lichnosti i obshchestva [Digitalization : new challenges for the individual and society]. *Vozможности i угрозы цифрового общества : материалы Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Yaroslavl', 15 aprelya 2021 goda* [Opportunities and threats of the digital society : materials of the All-Russian scientific and practical conference, Yaroslavl, April 15, 2021]. Ed. by A.V. Sokolov, A.A. Frolov. – Yaroslavl : Limited liability company «Digital printing house», 2021. – P. 212–214. (In Russian)

Peil C., Röser J. The meaning of home in the context of digitization, mobilization and mediatization. *Mediatized worlds*. Ed. A. Hepp, F. Krotz. – London : Palgrave Macmillan, 2014. – P. 233–249. – DOI: 10.1057/9781137300355_14

Pervyj god pandemii : social'nyj otklik v kontekste prichin smerti [The first year of the pandemic : a social response in the context of causes of death] / Semenova V.G., Ivanova A.E., Sabgaida T.P., Evdokushkina G.N., Zaporozhchenko V.G. *Zdravooohranenie Rossijskoj Federacii* [Healthcare of the Russian Federation]. – 2022. – Vol. 66, N 2. – P. 93–100. – DOI: 10.47470/0044-197X-2022-66-2-93-100 (In Russian)

Pokrovsky N.E., Nikolaeva U.G., Demidova Yu.A. Fenomenologiya «zhiznennogo mira» gorozhanina vo vnegorodskom prostranstve Blizhnego Severa : dom i domestikaciya [The phenomenology of the «life world» of a citizen in the non-urban space of the Near North : home and domestication]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2019. – N 12. – P. 70–80. – DOI: 10.31857/S013216250007752-0 (In Russian)

Rastegari S. Ogranicheniya na puteshestviya, nalozhennye iz-za COVID-19, narushayut mezhdunarodnoe pravo [Travel restrictions imposed due to COVID-19 prohibit the international government]. *Pravo i gosudarstvo : teoriya i praktika* [Government and the state : theory and practice]. – 2020. – N 12 (192). – P. 179–182. – DOI: 10.47643/1815-1337_2020_12_179 (In Russian)

Reznichenko S., Nartova-Bochaver S.K., Kuznetsova V.B. Metod ocenki privyazannosti k domu [Method of assessing attachment to home]. *Psihologiya*.

Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher school of economics]. – 2016. – N 3. – P. 498–518. (In Russian)

Rudyk E.N. Cifrovaya vlast' kak novaya forma vlasti : opasnosti i riski (gumanisticheskij aspekt) [Digital power as a new form of power : dangers and risks (humanistic aspect)]. *Rossiya : tendencii i perspektivy razvitiya* [Russia : trends and prospects of development]. – 2022. – N 17, part 1. – P. 254–257. (In Russian)

Sarkar S. Domesticating electric power : growth of industry, utilities and research in colonial Calcutta. *The Indian economic and social history review*. – 2015. – Vol. 52, N 3. – P. 357–389.

Scelza B. Female mobility and postmarital kin access in a patrilocal society. *Human nature*. – 2011. – N 22. – P. 377–393. – DOI: 10.1007/s12110-011-9125-5

Sekushina Yu.A. Voobrazhaya proshloe, preobrazhaya nastoyashchee : kul'turnyj resajkling sovetskogo proshlogo v diskurse osoznannogo potrebleniya [Imagining the past, transforming the present : cultural recycling of the Soviet past in the discourse of conscious consumption]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical studies]. – 2021. – N 4. – P. 160–182. – DOI: 10.17223/2312461X/34/11 (In Russian)

Sela Y., Shackelford T., Liddle J. A moral guide to depravity : religiously motivated violence and sexual selection. *The evolution of morality : evolutionary psychology*. Ed. by T. Shackelford, R. Hansen. – Cham : Springer, 2016. – P. 197–216. – DOI: 10.1007/978-3-319-19671-8_10

Seraya O.Y. Chto takoe domestikaciya i kakoe otnosheniya ona imeet k cheloveku? [What is domestication and what does it have to do with a human?] *Krolikovodstvo i zverovodstvo* [Rabbit breeding and animal husbandry]. – 2019. – N 3. – P. 55–59. (In Russian)

Sevryukova E.A., Bakhtin A.A. Radikal'nye tekhnologii v ustrojstve povsednevnoj zhizni : ideologiya upravleniya [Radical technologies in the structure of everyday life : ideology of management]. *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and socio-humanitarian studies]. – 2019. – N 2 (22). – P. 161–165. – DOI: 10.24151/2409-1073-2019-2-161-165 (In Russian)

Silvestone R., Hirsch E. Consuming technologies : media and information in domestic spaces. – London ; New York : Routledge, 1992. – 256 p.

Smirnov O.A. Kul'turologicheskoe znachenie kargo-kul'ta : ot etnografii k social'nym naukam [The cultural significance of cargo cult : from ethnography to social sciences]. *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and civilization]. – 2020. – Vol. 10, N 5–1. – P. 303–307. (In Russian)

Smuts B. Male aggression against women : an evolutionary perspective. *Human nature*. – 1992. – N 3. – P. 1–44. – DOI: 10.1007/BF02692265

Spence Ch. Senses of place : architectural design for the multisensory mind. *Cognitive research : principles and implications*. – 2020. – N 5. – P. 1–26. – DOI: 10.1186/s41235-020-00243-4

Strassmann B., Garrard W. Alternatives to the grandmother hypothesis a meta-analysis of the association between grandparental and grandchild survival in patrilineal

populations. *Human nature*. – 2011. – N 22. – P. 201–222. – DOI: 10.1007/s12110-011-9114-8

The domestication of women's roles as a reflection of ancient patriarchal traditions : a reflection on the thoughts of Friedrich Engels and Fatimah Mernissi / Roibin R., As-Suvi A., Abdullah Y., Ashari Z. *Marwah : Jurnal Perempuan, Agama dan Jender*. – 2023. – Vol. 22, N 1. – P. 53–71. – DOI: 10.24014/Marwah.v22i1.22415

Tyurin A.S. «Cyganskaya problema» v deyatelnosti vedomstva gosudarstvennyh imushchestv v Nizhegorodskoj gubernii (1839–1866) [«The Gypsy problem» in the activities of the Department of state property in the Nizhny Novgorod province (1839–1866)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. [Bulletin of the Perm University. History]. – 2018. – N 3 (42). – P. 42–53. – DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-42-53 (In Russian)

Uvarova T.B. Referat knigi : Rohe S. Domestikaciya molodezhi : demograficheskij vzryv i ego sociopoliticheskie posledstviya v Tadjikistane [Book summary : Rohe S. Domestication of youth : demographic explosion and its sociopolitical consequences in Tajikistan. – New York; Oxford: Bergan, 2014. – 271 p.]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya* [Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 5: History]. – 2015. – N 3. – P. 130–135. (In Russian)

Villerslev R., Vitebsk P., Alekseev A.A. Zhertvoprinoshenie kak ideal'naya ohota : ob'yasnenie istokov domestikacii severnogo olenya s tochki zreniya kosmologii [Sacrifice as an ideal hunt : an explanation of the origins of reindeer domestication from the point of view of cosmology]. Translated from English by N. Vasilkova. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. – 2016. – N 4. – P. 154–175. (In Russian)

Volkov S.Yu., Kondratiev A.S. Formirovanie cifrovoj diktatury kak aktual'naya obshchestvenno-politicheskaya problema [The formation of a digital dictatorship as an actual socio-political problem]. *Ogaryov-Online* [Ogarev-online]. – 2022. – N 6 (175). – URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/formirovanie-cifrovoj-diktatury-kak-aktualnaya-obshchestvenno-politicheskaya-problema> (дата обращения: 20.09.2023). (In Russian)

Yevglevsky A.V., Androsova S.L. Tyurkskie srednevekovye izvayaniya v kul'turnom prostranstve drugih narodov : «domestikaciya» chuzhih obrazov [Turk medieval sculptures in the cultural space of other people : «domestication» of foreign images]. *Doneckie chteniya – 2018 : obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti, Doneck, 25 oktyabrya 2018 goda* [Donetsk readings – 2018 : education, science, innovations, culture and challenges of modernity, Donetsk, October 25, 2018]. Ed. by S.V. Bespalova. – Vol. 5. – Donetsk : DonNU publishing house, 2018. – P. 287–289. (In Russian)

Yong J., Li N. Elucidating evolutionary principles with the traditional Mosuo : adaptive benefits and origins of matriliney and «walking marriages». *Culture and evolution*. – 2022. – N 19. – P. 22–40. – DOI: 10.1556/2055.2022.00017

УДК 64.013.2; 316.752

DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.04

НЕМИРОВСКИЙ В.Г.* СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ «ЖИЛИЩЕ»
В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется социальная ценность «жилище» и ее личностные смыслы. Жилище рассматривается как полифункциональный социальный институт, предназначенный для реализации широкого спектра человеческих потребностей. Показано, что социальная ценность «жилище» по своей значимости занимает одно из ведущих мест в иерархии ценностей жителей страны. Сделан вывод о распространённости компенсаторного личностного смысла социальной ценности «жилище». Выдвинуты перспективные гипотезы для изучения социальной ценности «жилище» в массовом сознании россиян.

Ключевые слова: социальная ценность «жилище»; массовое сознание; личностный смысл; функции жилища; значимость ценности «жилище».

Для цитирования: Немировский В.Г. Социальная ценность «жилище» в массовом сознании жителей России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 4. – С. 64–90. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.04

Статья поступила: 13.09.2023.

Принята к публикации: 11.10.2023.

* Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; valnemirov@mail.ru

NEMIROVSKY V.G.** The social value of «dwelling» in the mass consciousness of Russians

Abstract. The article analyzes the social value of “dwelling” and its personal meanings. Housing is considered a multifunctional social institution designed to fulfill a wide range of human needs. In a study of the country's residents, it is shown that the social value of “housing” occupies a prominent place in the hierarchy of values. Based on the results of the study, a conclusion is drawn regarding the prevalence of the compensatory personal meaning of the social value “dwelling”. A number of promising hypotheses have been advanced regarding the social value of “housing” in the mass consciousness of Russians.

Keywords: the value of dwelling in society; mass consciousness; personal meaning; the functions of housing; the significance of dwelling as a value.

For citation: Nemirovsky V.G. The social value of “dwelling” in the mass consciousness of Russians. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 4. – P. 64–90. DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.04

Received: 13.09.2023.

Accepted: 11.10.2023.

Введение

Понятие «социальная ценность» давно и подробно разрабатывается в социологии и смежных науках. Поэтому лишь отметим, что в наиболее общем виде под социальной ценностью мы будем понимать объект, явление, имеющее значимость и личностный смысл для социального субъекта и способное удовлетворять какие-либо его потребности. Анализ ценностей традиционно является междисциплинарной проблемой, поэтому мы будем обращаться

** Nemirovsky Valentin Gennadievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; valnemirov@mail.ru

также к публикациям, в которых социальная ценность «жилище» рассматривается с позиций психологии.

Социальная ценность «жилище» является полифункциональной ценностью, поскольку сам феномен «жилище» призван служить удовлетворению целого спектра различных потребностей. Анализ данной ценности в контексте различных классификаций ценностей, существующих в современной социологии, а также смежных с ней научных дисциплинах, не относится к числу задач данной статьи, ограниченной определенными рамками. Вместе с тем нельзя не указать на сложность однозначного отнесения ее к какой-либо категории ценностей в любых классификациях. Так, в соответствии со ставшей уже классической концепцией М. Рокича [Warner, 1976, p. 13–16], когда человек ставит перед собой цель обрести некое жилище, на первый взгляд она выступает терминальной ценностью (хотя и не входит в список ценностей, но близка по смыслу к сформулированным М. Рокичем ценностям «материально обеспеченная жизнь», «свобода», «счастливая семейная жизнь»). Вместе с тем жилище является и ценностью инструментальной, ибо может служить средством реализации ценностей М. Рокича «высокие запросы», «самостоятельность». Применяя «пирамиду потребностей» А. Маслоу для классификации социальной ценности «жилище», можно отнести ее одновременно к различным «этажам», например, в качестве манифестации физиологических потребностей, эстетических, потребности в безопасности [ibid.].

Следует подчеркнуть необходимость различать концепты «социальная ценность “жилище”» и «товарная ценность “жилище”», которые не относятся к предмету нашего исследования. Последний имеет также социальные аспекты, как это традиционно рассматривают зарубежные ученые. Например, Х. Диттмар выделяет эмоциональный комфорт, связанный с обладанием объектом, его способность выступать средством самовыражения, моральными ориентациями и др. [Dittmar, 1992], способность демонстрировать социальный статус обладателя, а также его социальные и нравственные ценности [Beckert, 2011].

Цель настоящего исследования – анализ значимости и функций социальной ценности «жилище» в массовом сознании населения России.

Предмет исследования – социальная ценность «жилище», объект – массовое сознание различных групп населения России.

В работе мы будем опираться на полипарадигмальный подход, сочетающий социологические (ценностный, институциональный, структурно-функциональный, компаративный, концепция «общества травмы» Ж.Т. Тощенко) и ряд психологических подходов.

Эмпирической базой исследования выступают данные по изучаемой теме, полученные отечественными учеными на протяжении последних лет и отраженные в научных публикациях, результаты опросов Всемирного обзора ценностей (WVS) за 2011 (шестая волна исследования) и 2017 гг. (седьмая волна исследований), некоторые материалы Федеральной службы государственной статистики.

Актуальность анализу данной социальной ценности придает ряд факторов, среди которых: низкая обеспеченность населения страны жильем, часто невысокое его качество, проживание сотен тысяч людей в коммунальных квартирах, постоянный рост цен на жилье, что делает малодостижимой мечту о собственном доме для людей с низким доходом и др.

Обращаясь к публикациям по данной проблеме, мы характеризуем используемую авторами методику, поскольку это важно для оценки качества проведенного исследования, значимости и возможности сопоставления полученных результатов. Следует подчеркнуть, что социальная ценность «жилище» в рассматриваемых нами исследованиях предстает в различных «ипостасях»: «жилище», «добротная, благоустроенная квартира», «собственное жилье», «свой дом» и др. Безусловно, все это затрудняет сравнение опубликованных данных, однако, по нашему мнению, существенно не влияет на тенденции, выявленные в исследованиях.

Тема «социальная ценность “жилище”» весьма многогранна и не может быть подробно рассмотрена в рамках отдельной статьи. Это ориентирует нас на анализ отдельных ее важных аспектов, которые мало изучены в отечественной социологии.

Жилище как социальный феномен и его ценность

В последние десятилетия в России развивается «социология жилища» («жилищная социология»). К одному из её предметов

можно отнести анализ социальной ценности «жилище». В соответствии с дефиницией Д.Б. Литвинцева, «жилищная социология (социология жилища и проживания, социология дома) – отрасль социологии, центральной категорией которой является жилище». Как показывает автор, концепции дома и домашнего очага, жилья и жилища были разработаны еще «в трудах О. Конта, Э. Дюркгейма, М. Мосса, М. Хальбвакса, П. Бурдьё, Г. Спенсера, А.Р. Рэдклифф-Брауна, Б. Малиновского, З. Баумана, Э. Гидденса, К. Маркса, Ф. Тённиса, М. Вебера, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, К. Мангейма, М. Хоркхаймера и Т. Адорно, А. Шютца, П. Бергера и Т. Лукмана, Н. Лумана, Н. Элиаса, Т. Парсонса, Р. Мертон и Т. Веблена, Дж.Г. Мида, Ч.Х. Кули, П. Сорокина, принадлежащих к разным научным школам и парадигмам» [Литвинцев, 2020б, с. 7].

Тем не менее, круг тем, относящихся к тематике социологии жилища, рассматриваемых классиками социологии, на наш взгляд был достаточно ограничен. В цитируемой статье выделено пять основных направлений в их работах: семейная жизнь в домашней группе; приватность и безопасность жилища; жилищная роскошь и неравенство; дихотомия «дом – работа»; жилище и архитектура. Современная зарубежная социология жилья обращается к значительно более широкому кругу проблем, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные публикации, посвященные социологии жилища, которые принадлежат перу зарубежных авторов, например: [Morris, Mogeу, 2013 ; Desmond, 2022 ; Wainer, Vale, 2021].

Нельзя не отметить, что в развитии отечественной социологии жилища существуют серьезные проблемы. Д.Б. Литвинцев, подробно проанализировавший значительный пласт диссертаций и публикаций отечественных социологов по тематике социологии дома, жилищной социологии, социологии жилища, социологии проживания, делает обоснованный вывод, что «развитие отечественной жилищной социологии, а также уровень интереса к ней у российского социологического сообщества остается на уровне начала 2000-х годов. Никакого существенного развития данная отрасль не получила в России за последнее десятилетие, несмотря на то что в стране активно продолжается реформа жилищно-коммунального хозяйства, установился новый жилищный класс – «собственники помещений в многоквартирном доме, владеющие и распоряжающиеся общим имуществом посредством коллективных

действий (принятия решений на общих собраниях)» [Литвинцев, 2020а, с. 4762].

Мы разделяем этот вывод; как показывает наш анализ (не включенный в данную статью, ибо она, с одной стороны, не выходит за рамки российской социологии, с другой – ограничена допустимым предельным размером публикации), в отечественной социологической литературе рассматриваются лишь отдельные вопросы, причем не всегда наиболее острые, из широкого спектра проблем, изучаемых современной зарубежной социологией жилища.

Социология жилища тесно взаимосвязана с социологией города (урбанистической социологией) и социологией села. С позиций темы данной статьи важно отметить, что, детально рассматривая урбанистическую проблематику в статьях и диссертациях российских социологов, среди прочих проблем Попов и соавторы справедливо отмечают «недостаток ценностных исследований» в этой области, а также необходимость развития междисциплинарных исследований [Попов, Замятина, Воронина, 2020, с. 125].

Социальная ценность жилья определяется его способностью удовлетворять те или иные потребности человека. Логично возникает вопрос: какие потребности реализуются через эту ценность; иными словами, каков личностный смысл этой цели? Безусловно, личностный смысл ценности «жилье» в массовом сознании корреспондируется с социальными функциями жилья. Если у одного человека превалирует один из личностных смыслов, то у другого более значимым может быть другой. Как, впрочем, у отдельного индивида может существовать целый комплекс конкурирующих между собой смыслов ценности «жилище».

Таким образом, социальная ценность «жилище» имеет сложную смысловую структуру, отражающую способность данного социального института удовлетворять различные человеческие потребности. Отсюда вытекает высокая сложность и противоречивость механизмов реализации этой социальной ценности. Так, реализация одного из ее личностных смыслов далеко не всегда влечет за собой достижение другого, а порой, напротив, препятствует этому.

В отечественной социологии уже сложилась определенная традиция анализировать жилище как социальный институт: «Жилище должно рассматриваться не как локализованное пространст-

во, а как социальный институт, который формируется обществом в целом и функционирует при взаимодействии с другими социальными институтами» [Козырьков, 2006, с. 225].

Развивая свою концепцию, В.П. Козырьков в дальнейшем рассматривает жилище уже как целый комплекс социальных институтов: «...с социологической точки зрения дом выражен социальными институтами, которые в их совокупности представляют публичные стороны домового строения: домашнее хозяйство, быт, брачно-семейные отношения, семейные традиции и др.» [Козырьков, 2009, с. 307].

Более того, в качестве социального института некоторые авторы представляют и всю жилищно-коммунальную сферу, например, М.М. Кюрджиев [Кюрджиев, 2012]. Нельзя не отметить, что жилище как социальный институт тесно взаимосвязано с другими социальными институтами (например, с институтами семьи, образования, воспитания детей и др.). Отдельные авторы настаивают на существовании единой потребности в жилище, которая при этом выполняет одновременно ряд функций: «...поскольку потребность в жилище фундаментальна и сопровождает человека на протяжении всей его жизни, выполняя, как минимум, три функции: 1) нормативно-регулятивную, направленную на формирование и регуляцию жизнедеятельности человека в процессе использования, владения и распоряжения жилищными объектами, жилищным пространством; 2) ценностно-ориентационную, позволяющую усваивать и воспроизводить систему ценностей и наделять особыми смыслами объекты материально-вещественной природы (к примеру, «мой дом – моя крепость», «храм – дом Божий»); 3) творческую, реализующуюся в процессе преобразования актором жилищного пространства в соответствии с его вкусовыми предпочтениями или мировоззренческими ориентациями (дизайн жилища, ландшафтный дизайн); организуются правила использования жилища как места рекреации и автономии личности» [Виньков, 2014, с. 42].

А.Ю. Савельев неправомерно, на наш взгляд, трактует жилье лишь как витальную потребность человека, которая, наряду с потребностями в воздухе, воде, пище, является одним из значимых факторов обеспечения его безопасности, сохранения и поддержания жизни, а также фактором, влияющим на его воспроизводство

[Савельев, 2021]. В таком случае следует вести речь и о потребности, например, в велосипеде, конной повозке или поезде (средство передвижения) и т.п. Думается все же, что более правильным было бы говорить о различных функциях жилища как полифункционального («комплексного») социального института, а не о потребности в нем самом. Именно его функции и выражают различные потребности человека.

Важные данные для понимания социальных функций жилища дают междисциплинарные исследования с применением психологических методов. Так, методологической основой работы А.А. Бочавер выступали теория мотивации А. Маслоу, когнитивная теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, было опрошено 66 респондентов, в результате собрано 1120 единиц анализа [Бочавер, 2015].

Согласно полученным результатам, представления о доме, основанные на персональном опыте респондентов, включают по меньшей мере четыре различных компонента. «Универсальный образ дома» представлен основополагающей идеей дома как безопасного пространства для семьи – она над-опытна и восходит к общему для живых существ «чувству гнезда». «Повседневный образ дома» выделяет близкие отношения, которые с учетом индивидуальных предпочтений задают оценку удовлетворенности базовыми потребностями человека (именно они создают ощущения «уют»). «Динамический образ дома» выражает возможности саморегуляции и саморазвития человека путем преобразования домашнего пространства. «Образ будущего дома» – это прагматическое представление о комфортной среде для реализации определенного образа жизни, акцентирующее в качестве наиболее значимых недостаточно удовлетворенные или ненасыщаемые потребности человека [Бочавер, 2015, с. 13–14]. На наш взгляд, важно отметить выделяемый автором факт, что «образ дома в будущем может поддерживать человека в условиях каждодневной фрустрации базовых потребностей» [там же, с. 13–14]. Это представляется весьма существенным для реализации социальной ценности «жилище» в условиях современной России как общества травмы [Тощенко, 2020].

Для более глубокого познания социальной ценности «жилище» весьма эвристичным, как показывают многочисленные иссле-

дования, является анализ его через призму категорий «жизненная среда», «среда обитания человека», «социальная среда человека» и т.п. В частности, «дом как главную жизненную среду человека, определяющую его индивидуальность, социальное взаимодействие и жизненную успешность в самом широком смысле слова» понимают авторы коллективной монографии «Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование» [Дом как жизненная среда ... , 2016, с. 6]. Ими установлено, что дом обуславливает переживание благополучия и личной безопасности человека, причем эта связь зависит от пола респондента и качества жилища. Так, проживание в доме «обеспечивает долговременные индикаторы чувства безопасности, общежитие – ситуативные; дом больше “подпитывает” юношей, общежитие – девушек» [там же, с. 8]. В ходе исследования добровольцам (66 чел.) предлагалось ответить на ряд вопросов, касающихся смысла дома, ориентиров в выборе жилья, желаний его изменить и т.д. Исследователи выделили несколько граней образа дома, которые отражают разные человеческие потребности, реализуемые через взаимодействие с домашней средой. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что авторы, опираясь на концепцию потребностей А. Маслоу, почему-то оставили без внимания такие важные потребности человека, реализуемые посредством жилища, как социально-статусные [там же, с. 83–84].

Поскольку необходимое индивиду жилище находится, как правило, не в «чистом поле», «пустынной тундре» или в «дикой тайге», его социальную ценность целесообразно рассматривать в контексте той среды (населенного пункта), в рамках которой оно находится. Социальная ценность «жилище» всегда конкретна, она выражает наличие дома (или квартиры), находящегося в конкретном населенном пункте, как реализацию потребностей для человека. Соответственно, функции жилой среды являются продолжением функций жилья и, соответственно, выступают проявлением личностных смыслов этой ценности у населения. Поэтому можно согласиться с мнением И.С. Ярмош, согласно которому «современные тенденции в проектировании жилой среды ориентированы на ее социокультурные переменные и функции, формирование жизненного пространства человека как единого социокультурного комплекса <...> Создаваемая человеком жилая среда отражает его

мировоззрение, представления о мире, обществе и самом себе, а также непосредственно влияет на процессы жизнедеятельности человека, определяет качество его жизни» [Ярмош, 2014].

Автор цитируемой статьи теоретически выделяет и характеризует ряд социокультурных функций жилой среды: «защитную, ценностную, нормативную, статусную, мотивационно-стимулирующую, интегративную, релаксационную, коммуникативную, а также функции социализации, самореализации, идентификации, презентации» [Ярмош, 2014, с. 23]. Мы полагаем, что фактически они совпадают с функциями самого жилища и соответствуют личностным смыслам социальной ценности «жилище», которые могут присутствовать у различных людей.

В социологии используется понятие «дружественная городская среда», характеризующее ее способность удовлетворять потребности человека. В одном из исследований на основании 25 глубинных интервью с экспертами, проведенных в России (Санкт-Петербург, Владивосток и Комсомольск-на-Амуре) и Белоруссии (Минск, Бобруйск, Гродно) выделены «четыре общих направления оценки дружественности городской среды: 1) «Мобильность» – удобство и безопасность перемещения по городу, возможность полноценно пользоваться его инфраструктурой; 2) «Взаимодействие» – интенсивность и содержание интеракций, типичных для городской среды; 3) «Экология» – биологическая, психологическая и социальная безопасность городской среды; 4) «Культура» – культурно-эстетическая составляющая городской среды, возможность для нравственного, гуманистического и эстетического развития личности» [Лебедева, 2020, с. 4752].

Представляется, что термин «дружественная городская среда» в значительной мере характеризует субъективное восприятие людьми качества их жилищных условий. Интерес представляет исследование А.Ю. Казаковой, в котором учитывается влияние на восприятие респондентами городской среды их территориальной идентичности. Автором установлено, что «наиболее важным из трех компонентов жизненной среды калужанина оказывается микрорайон» [Казакова, 2017, с. 82].

Использование методов математической статистики убедительно показало «независимость восприятия горожанами областного центра как общего для них, но наименее зависимого от их

желаний и действий пространства обитания, а также жилища как “результатирующей” личной социально-экономической, семейной и т.д. ситуации. Таким образом, район обеспечивает баланс “общего” и “своего”, открывая наиболее надежную перспективу социального сравнения. Именно оценки микрорайона дают максимум вариативности в восприятии комбинаций трех компонентов среды». Автор приходит к нетривиальному выводу, что «формирование позитивного или негативного образа внешней среды в Калуге не зависит от жилищно-ресурсной обеспеченности горожан» [Казакова, 2017, с. 83].

Специфика реализации социальной ценности «жилище» в определенной мере связана с двумя важными тенденциями в функционировании современного жилища как социального феномена, которые отмечает С.И. Сорокин. Одна из них – углубление доместикации культуры, связанное с усилением дома в социальной реальности. Другая – дедоместикация общества. По его мнению, жилище перестает выполнять свои основные функции: укрывать, защищать, согревать и собирать людей. Более того, оно становится даже опасным для человека. В результате грабежей и пожаров в XX в. погибли миллионы людей лишь только потому, что находились дома [Сорокин, 2020]. Однако с этим утверждением трудно согласиться. Дедоместикация общества отнюдь не снижает высокую значимость ценности жилища в массовом сознании людей, а благоприятствует её повышению (поскольку пригодного и, более того, достойного жилья в силу вышеназванных обстоятельств становится меньше, растет его социальная ценность). При этом происходит ослабление способности жилища выполнять ряд важных функций, способствующих компенсации социокультурной и психологической травмированности людей, например функции обеспечения безопасности человека.

Таким образом, мы можем сделать вывод, согласно которому жилище имеет ряд социальных функций, среди которых семейная, бытовая, статусная, функция личного пространства для самореализации и др. В последние годы жилище все чаще выполняет функцию рабочего места для реализации профессиональной деятельности, чему способствовала, в том числе, пандемия COVID-19, одним из последствий которой стало распространение работы в дистанционном режиме. Следует отметить, что процессы цифро-

визации общественной жизни также вносят существенный вклад в повышение требований работающего населения к возможности жилого помещения выполнять функцию рабочего места. Как особый вид социальных функций жилья, целесообразно, на наш взгляд, выделить его социально-экономические функции, например использование как средства «вложения» и сохранения денег, возможность завещания или дарения, способ заработка путем сдачи жилого помещения в аренду. Жилье играет также функцию отдыха и восстановления человека (рекреационную), коммуникативную (общение с семьей и друзьями, место воспитания детей), независимо от того, занимает ли человек жилье с семьей или один.

Одно из важнейших предназначений «дома» – компенсаторное – обычно упускается из виду социологами. Жизнь в современном российском обществе способствует появлению широкого круга людей, несущих в себе последствия различных психологических и социокультурных травм [Тощенко, 2020]. Фрустрированная потребность в безопасности вносит существенный вклад в высокую значимость ценности «жилища» у россиян. В результате высокая ориентация на социальную ценность «жилище» нередко отражает испытываемый человеком дефицит ощущения безопасности, попытку избежать повторения пережитых травм. То же самое можно сказать о фрустрированной потребности в свободе, самостоятельности (выражаемой в стремлении к социальной ценности «свобода»), когда человек в процессе своей социализации был лишен возможности иметь личное пространство или же находился под жестким внешним контролем. В этой связи нельзя не сказать о таком важном показателе широкой фрустрированности населения страны, как состояние тревожности, фиксируемое многими социологами. Так, результаты Всероссийского социологического исследования, проведенного в мае 2022 г. (n=4422) среди респондентов в возрасте 18 лет и старше, свидетельствуют, что после введения международных санкций состояние тревожности и неуверенности в завтрашнем дне испытывают более 58% [Фролова, Рогач, 2023, с. 162].

Социальная стратификация жилья

Рассматривая ценность «жилище», нельзя обойти вниманием и некоторые аспекты ее детерминации различными социальными и

социально-экономическими факторами. Как и любые другие ценностные ориентации в массовом сознании населения, социальная ценность «жилище» имеет неодинаковую значимость в различных социальных группах российского общества, а также разные функции и механизмы реализации.

Более двадцати лет тому назад Е.С. Шоминой был разработан не потерявший своего значения концепт «жилищная лестница», используемый для выражения взаимосвязи социального статуса человека и типа жилья, в котором он проживает [Шомина, 2001, с. 67]. Эта «лестница» состоит из семи ступеней, «каждая из которых представляет собой тот или иной статус человека в системе жилищных отношений (от бездомного до владельца собственного дома): бездомный (житель приюта); сквоттер (захватчик чужого жилища); квартиросъемщик в муниципальном доме; квартиросъемщик в частном доме; член жилищного кооператива; собственник квартиры в кондоминиуме; собственник индивидуального дома» [там же, с. 67]. При всей образности и методологической обоснованности, на наш взгляд, эта модель недостаточно полно отражает систему жилищных статусов человека, ибо собственный дом или квартира может иметь множество градаций в соответствии с социальным и экономическим статусом его владельца.

Важным показателем социальной градации жилища является структура жилищного фонда. Применяя диахронный метод, который предполагает сравнение наиболее распространенного типа жилья с особенностями экономического и социокультурного состояния общества, исследователи используют широко распространенные в массовом сознании наименования типов жилья, такие как «сталинка», «хрущевка», «брежневка» (и далее – таунхаусы, коттеджи, многоэтажные корпуса с монолитным каркасом), выделяют их подтипы, дают описание социальных групп населения, для которых они были предназначены [Федоров, Федоров, 2018, с. 81–84].

М.М. Стариковой был осуществлен анализ содержательных компонентов жилищного неравенства, описаны средовые и личностные ресурсы, способствующие и препятствующие сохранению и повышению жилищного статуса. Эмпирической базой исследования послужили результаты полуформализованного опроса горожан и экспертные интервью с риелторами, проведенные летом

2018 г. в трех городах Кировской области: Кирове, Вятских Полянах и Кирово-Чепецке. Интерес представляет вывод автора, согласно которому «жилищная мобильность горожан в основном сводится к перемещениям в пределах одного жилищного класса» [Старикова, 2019], что, по нашему мнению, является одним из свидетельств невысокой вертикальной социальной мобильности в современной России, во многом связанной с отсутствием эффективных социальных лифтов.

Согласно исследованиям московских социологов, «качество жилья заметно различается по стратам (авторы выделяют три социальные страты. – В.Н.), особенно в рамках одних и тех же типов населенных пунктов. Наиболее сильная дифференциация в качестве жилья прослеживается между представителями разных страт в малых городах и селах, где жилье относительно дешево. Что же касается второго жилья, то его обладатели в большинстве своем относятся к верхней страте, причем в наибольшей степени это характерно для Москвы и Санкт-Петербурга» [Общество неравных возможностей ... , 2022, с. 204–205].

На основе данных, полученных в процессе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (РМЭЗ)¹, В.Н. Бобков и его соавторы рассчитали численность социальных групп населения страны по их жилищной обеспеченности [Бобков, Колмаков, Одинцова, 2018]. Ученые выделили шесть страт в зависимости от степени нуждаемости людей в улучшении жилищных условий.

Было установлено, что ведущее место в общей социальной структуре населения занимают группы «наиболее нуждающихся», имеющих самые плохие жилищные условия, параметры которых ниже первого нормативного уровня – 38,6% от общей численности; «низкообеспеченные», которые не соответствуют второму нормативному уровню – 23,5%, «обеспеченные ниже среднего

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: [http:// www.cpc.unc.edu/projects/rlms](http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms) и <http://www.hse.ru/rlms>) (дата обращения: 24.08.2023).

уровня»: жилищные условия ниже средних, их параметры не достигают третьего нормативного уровня – 25,8%; «среднеобеспеченные»: показатели жилищных условий выше третьего нормативного уровня, но ниже четвертого – 10,7%; «высокообеспеченные» имеют хорошие жилищные условия, параметры которых отвечают четвертому нормативному уровню 1,4% [Бобков, Колмаков, Одинова, 2018, с. 18].

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, существуют веские объективные основания для неудовлетворенности значительной части россиян страны своими жилищными условиями, связанные с низкой обеспеченностью населения жильём и невысоким его качеством [Социальное положение ... , 2021, с. 253–265].

Как видим, уровень реализованности социальной ценности «жилище» в нашей стране оставляет желать лучшего. При этом различные исследования говорят о наличии значительных ценовых и территориальных диспропорций в развитии рынка жилищных инвестиций, рынка жилищных услуг, а также существовании регионов с низким уровнем доступности жилья. Так, в 19% регионов Российской Федерации среднестатистическому домохозяйству требуется более трех лет для покупки вновь построенного жилья без учета расходов на потребление; в 48,7% регионов расходы на аренду среднестатистической квартиры превышают 40% от доходов домохозяйства [Рабцевич, Уварова, 2020, с. 48].

Значимость социальной ценности «жилище» в массовом сознании россиян

Многочисленные социологические исследования показывают высокую значимость ценности «жилище» среди различных социальных групп населения России. В частности, благоустроенная квартира является одним из важнейших показателей статуса и уровня благосостояния человека, занимая одно из ведущих мест в ряду ценностей жизненного успеха респондентов (результаты общероссийского репрезентативного опроса 4000 работающих респондентов, проведенного ФНИСЦ РАН в мае 2017 г.). С применением методов математической статистики в структуре ценностных ориентаций опрошенных было выделено несколько факторов. Один из наиболее важных факторов был образован на базе корре-

ляций ценности самостоятельности (быть самому себе хозяином) и важности владеть престижной собственностью на фоне расхождения с соблюдением моральных принципов (честно прожитая жизнь) и получил наименование «самодостаточные собственники». Как отмечает автор, «этот фактор отличается от других не только более высоким размером личного дохода, наличием статусных признаков престижа (второе жилье, новый автомобиль), но и большей критичностью в оценках результатов своих достижений» [Темницкий, 2018, с. 139].

Несомненный научный интерес представляют данные, в соответствии с которыми для представителей категории «самодостаточные собственники» характерна более высокая, по сравнению с другими респондентами, «критичность в оценках результатов своих достижений» [Темницкий, 2018, с. 140]. По нашему мнению, это свидетельствует о невозможности многими людьми полностью компенсировать травматические состояния, которые выступают мотиваторами стремления владеть престижной собственностью и быть хозяином самому себе. У травмированного человека, перенесшего психологическую или социокультурную травму (травмы), часто остается недовольство своими социальными успехами, независимо от размеров и стоимости дорогого и престижного имущества, которым он владеет. Эта ценность, согласно терминологии Э. Фромма, выражает потребности модуса обладания, которые являются ненасыщаемыми. В тщетных попытках ее реализации «богатые собственники» могут покупать роскошные виллы, стометровые яхты, но при этом часто остаются недовольны достигнутым.

О высокой значимости ценности «жилище» свидетельствуют также данные одного из последних опросов населения (проведенные совместно банком «Открытие» и страховой компанией «Росгосстрах жизнь»)¹. Почти две трети респондентов (64%) заявили, что самой значимой материальной ценностью для них является собственный дом. Чуть более половины (53%) опрошенных назвали таковыми наличные рубли и квартиру в доме.

¹ Опрос проведен 12–19 июня 2023 г. по репрезентативной выборке среди 1000 респондентов по всей России в возрасте 18–65 лет в городах с населением свыше 100 тыс. человек. См.: Россияне назвали свои главные материальные ценности // Лента.ру. – 2023. – 27 июня. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/27/tsenno/> (дата обращения: 24.08 2023).

Схожие результаты были получены на основе авторского социологического исследования «Семья и семейные ценности: взгляд поколений» (проведен ФНИСЦ ИСПИ РАН в 2019 г., объектом выступали респонденты в возрасте от 14 до 50 лет (n=1652) из России, Белоруссии и Таджикистана) [Ростовская, Князькова, 2020, с. 81].

Поскольку инструментарий (в частности, общий перечень ценностей, предъявляемых респонденту) совпадает не полностью, то сложно сравнивать в целом всю рассматриваемую в обоих случаях структуру ценностных ориентаций двух поколений: с одной стороны – родителей, с другой – молодежи и подростков. К сожалению, в статье не выделен такой фактор, как проживание респондента в том или ином государстве. Тем не менее, полученные авторами данные позволяют сделать вывод, согласно которому ценность «материальное благополучие» у поколения родителей занимает 4-е место: 4,51 балл (66,2% отметили ее как очень важную), «иметь хорошую квартиру», соответственно, 7-е место – 4,43 балла и 63,5% респондентов. Соответственно, представители поколения молодежи и подростков назвали «иметь хорошую квартиру» 51,7% – «очень важно» (1-е ранговое место) и «материальное благополучие» – 45,6% (2-е ранговое место) [Ростовская, Князькова, 2020, с. 82].

Логично предположить, что у молодежи бóльшую значимость имеют ценности «материальное благополучие» и «хорошая квартира», поскольку взрослые частично уже решили для себя подобные проблемы.

Наряду с этим о несущественных различиях в значимости социальной ценности «жилище» для молодых людей, с одной стороны, и поколения их родителей – с другой, свидетельствует ряд других исследований. Так, у поколения родителей ценность, сформулированная в исследовании как «благоустроенное жилье», занимает 1-е место. У молодых людей «благоустроенное жилье» делит 1–2-е места с ценностью «материальное благополучие» [Доброхлеб, Зверева, 2016, с. 70].

Анализ результатов исследования, авторы которого задались вопросом: «А есть ли у населения цели?» и провели персональные интервью на основе репрезентативной выборки, в целом для России и для федеральных округов (n=700) показал, что только не-

многим более половины тех, кто ответил на вопрос о наличии цели, имеют четко выраженную жизненную цель (52,4%). Авторы делают обоснованный вывод: «Если рассматривать общество в разрезе фактически реализуемых индивидами жизненных целей, то окажется, что половина его населения не имеет явной цели и воплощаемого образа собственного будущего» [Карачаровский, Шкаратан, 2019, с. 8]. Вместе с тем у другой половины жителей нашей страны (имеющих жизненные цели) на первом месте стоит «приобретение квартиры, покупка / постройка дома или дачи»; это составляет около четверти от всех опрошенных (24,3%) [там же, с. 9].

Как видим, вне зависимости от используемых методов исследования и анализа данных, социальная ценность «жилище» занимает первое (или одно из ведущих) мест в иерархии социальных ценностей населения России.

Весьма валидным и надежным источником информации о ценностных предпочтениях россиян (а также их изменении в сравнении с ценностными ориентациями жителей других стран мира) представляются данные, полученные в результате исследования Всемирного обзора ценностей (WVS). Сравнение данных, полученных в результате проведения 6-й (2011 г.) и 7-й волны исследования (2017 г.), показывает, что положение Российской Федерации на шкале традиционно-секулярных ценностей практически не изменилось. Согласно полученным данным, на период проведения 7-й волны исследования «для россиян самыми важными факторами развития страны являются стабильная экономика, и ее рост, поддержание порядка в стране, развитие науки и техники». Наименее важными целями развития страны выступают защита свободы слова, а также улучшение внешнего вида городов и деревень [World values survey ... , 2022].

В рамках данного исследовательского проекта задавался вопрос: «Как часто за последние 12 месяцев вы чувствовали себя в безопасности от преступлений в вашем собственном доме?» в 2011 г. (6-я волна исследования). 72% респондентов ответили «никогда», 15,3% – «редко»; в 2017 году, соответственно, 80,6% и 11,8%¹.

¹ Чем живет Россия? Аналитический обзор на основе данных Всемирного обзора ценностей Инглхарта. – URL: <http://russianlife.tilda.ws/> (дата обращения: 24.08.2023). Для создания материала были использованы данные Всемирного обзора ценностей (WVS): World values survey : round seven – country-pooled data-

Приведенные результаты можно трактовать как заметное повышение значимости социальной ценности жилища в массовом сознании россиян, возможно, связанное с психологической компенсацией депривированной потребности в безопасности.

**Заключение: перспективы исследований социальной ценности
«жилище» в массовом сознании россиян**

Об испорченности советских людей квартирным вопросом писал еще М.А. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита». Наше исследование показывает, что тенденция в реализации социальной ценности «жилище», охарактеризованная классиком более 80-ти лет тому назад, сохраняется до сих пор. Опираясь на работы, опубликованные отечественными учеными за последние годы, можно сделать вывод, что социальная ценность «жилище» по своей значимости занимает в массовом сознании современного населения России одно из важнейших мест. В иерархии социальных ценностей некоторых групп населения, прежде всего молодежи и малообеспеченных слоев, ей принадлежит ведущее место.

На основе результатов исследования по проекту WVS логично сформулировать гипотезу, что невысокая значимость для россиян такой цели развития страны, как «улучшение внешнего вида городов и деревень», может свидетельствовать не столько о повсеместно высоких достижениях в благоустройстве российских городов и деревень, сколько о существовании более высокой неудовлетворенной потребности респондентов в жилье, независимо от его эстетического вида и степени комфортности поселенческой среды.

Социальная ценность «жилище» имеет различные личностные смыслы, поскольку жилище – это полифункциональный социальный институт, посредством которого реализуются различные социальные потребности людей. Логично предположить, что для представителей различных групп населения социальная ценность «жилище» выполняет неодинаковые функции: если для «малообеспеченных» и «бедных», которые в современной России составляют большинство, на первое место выдвигаются витальные

личностные смыслы этой ценности – попросту говоря, «обеспечение крыши над головой», то для «среднеобеспеченных», «высокообеспеченных» и «богатых» жилище играет важную роль показателя престижа и социального статуса его владельца.

Социологами обычно упускается из виду компенсаторная функция жилища и соответствующий ей личностный смысл данной ценности. Приведенные выше результаты исследования, согласно которым респонденты, имеющие показатели высокого статуса и достатка, при этом оказываются весьма критичны в оценке своих достижений, выказывая желание «быть хозяевами самим себе», убедительно говорят о невозможности полной социальной компенсации травматических состояний, мотивирующих стремления человека к престижу, богатству и свободе. Человек, перенёсший психологическую или социокультурную травму, часто бывает неудовлетворен своим материальным и социальным статусом.

Можно выдвинуть гипотезу, в соответствии с которой для представителей «среднеобеспеченных», «высокообеспеченных» и «богатых» групп населения важную роль в реализации ценности «жилище» играет ее компенсаторная функция, направленная на смягчение последствий разного рода психологических и социокультурных травм, полученных человеком. Эти вопросы потребуют специальных глубоких исследований с использованием методного арсенала как социологии, так и психологии.

Существенной помехой для реализации россиянами социальной ценности «жилище» является серьезная социальная и социально-экономическая дифференциация жилья. Многие люди не могут приобрести квартиру или дом желаемого качества, некоторые вообще не имеют никакого жилища. Это выступает одним из важнейших источников как социальной напряженности в обществе, так и мощным травмирующим фактором массового сознания, несущего многочисленные негативные последствия.

Эффективность реализации данной ценности не только детерминируется социально-экономическим статусом человека, но и во многом определяется поселенческими факторами. Важную роль играет среда проживания, степень ее комфортности, или «дружелюбности». Немалое влияние также оказывают разного рода социокультурные факторы, например исторические и национальные традиции, присущие конкретной социальной общности.

По нашему мнению, в этой предметной области социологической науки своих исследователей еще ждут малоизученные вопросы значимости и личностных смыслов социальной ценности «жилище» в контексте новых социальных классов российского общества, в частности, прекариата и др., а также сословной концепции социальной структуры российского общества. Учитывая современное состояние резкой социально-экономической и социокультурной турбулентности в нашей стране, целесообразно выдвинуть гипотезу о росте значимости социальной ценности «жилище» в массовом сознании населения, что вызывает необходимость проведения специальных компаративных исследований.

Список литературы

- Бобков В.Н., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В. Социальная структура российского общества по уровню жилищной обеспеченности : критериальная и количественная идентификация, ориентиры для государственной политики // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 2 (208). – С. 8–23. – DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10011
- Бочавер А.А. Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36, № 4. – С. 5–15.
- Виньков С.В. Теоретические основания концепта «жилищная социализация» // Общество. Коммуникация. Образование. – 2014. – № 3 (203). – С. 36–45.
- Доброхлеб В.Г., Зверева Н.В. Потенциал современных поколений России // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2 (44). – С. 61–78. – DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.4
- Дом как жизненная среда человека : психологическое исследование / отв. ред. С.К. Нартова-Бочавер. – Москва : Памятники исторической мысли, 2016. – 220 с.
- Казакова А.Ю. Субъективное качество жилищных условий и территориальная идентичность горожан (на материале опроса жителей МО «г. Калуга») // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23, № 1. – С. 62–87. – DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5002
- Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Разные цели одного общества // Социологические исследования. – 2019. – № 1. – С. 5–17. – DOI: 10.31857/S013216250003744-1
- Козырьков В.П. Социокультурные модели дома // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2006. – № 1. – С. 219–227.
- Козырьков В.П. Теоретические проблемы становления социологии дома // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11, № 1. – С. 301–309.

Кюрджиев М.М. Теоретико-методологические подходы к изучению процесса институционализации жилищно-коммунальной сферы // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2012. – № 2. – С. 114–117.

Лебедева Е.В. Дружественная городская среда : возможности социологического измерения // Социология и общество : традиции и инновации в социальном развитии регионов : сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров ; ред. Е.Ю. Иванова. – Москва : РОС ; ФНИСЦ РАН, 2020. – С. 4748–4754. – URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/426302432.pdf> (дата обращения: 24.08.2023).

Литвинцев Д.Б. В поисках жилищной социологии в России // Социология и общество : традиции и инновации в социальном развитии : сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров ; ред. Е.Ю. Иванова. – Москва : РОС ; ФНИСЦ РАН, 2020а. – С. 4755–4763. – URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/426302432.pdf> (дата обращения: 24.08.2023).

Литвинцев Д.Б. Категория жилища в трудах классиков социологии XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020б. – Т. 23, № 1. – С. 7–34. – DOI: 10.31119/jssa.2020.23.1.1

Общество неравных возможностей : социальная структура современной России / Тихонова Н.Е., Мареева С.В., Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. ; под ред. Н.Е. Тихоновой. – Москва : Весь мир, 2022. – 424 с. – DOI: 10.55604/9785777708731

Попов Е.А., Замятина О.Н., Воронина С.А. Урбанистическая проблематика в диссертациях социологов // Социологические исследования. – 2020. – № 1. – С. 125–131. – DOI: 10.31857/S013216250008330-6

Рабцевич О.В., Уварова А.А. Доступность жилья в регионах России : анализ и интегральная оценка // Экономика строительства и природопользования. – 2020. – № 4 (77). – С. 39–49. – DOI: 10.37279/2519-4453-2020-4-39-49

Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Система ценностей и жизненный успех : взгляд разных поколений // Социальная политика и социология. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 81–89. – DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-1-81-8352

Савельев А.Ю. Потребность в жилье как социологическая категория // Фундаментальные и прикладные научные исследования : инноватика в современном мире : сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции. – Уфа : Научно-издательский центр «Вестник науки», 2021. – С. 219–223.

Сорокин С.И. Социологическая концепция дома : социокультурная реальность и перспективы развития // Современное общество : проблемы, противоречия, решения : сборник научных трудов Межвузовского научного семинара 29 мая 2020 г. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский горный университет, 2020. – С. 195–199.

Социальное положение и уровень жизни населения России : статистический сборник. – Москва : Федеральная служба государственной статистики, 2021. – 373 с. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Soc_pol_2021.pdf (дата обращения: 24.08.2023).

Старикова М.М. Жилищная идентификация горожан как отражение жилищного неравенства (на примере трех городов Кировской области) // Logos et praxis. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 119–133. – DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.11

Шомина Е.С. Городские общественные движения на разных фазах развития гражданского общества : сравнительный анализ жилищного движения в России и за рубежом : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. – Москва : Изд-во РГБ, 2001. – 385 с.

Темницкий А.Л. Ценности жизненного успеха и их воплощение у работающего населения России // Вестник Института социологии. – 2018. – № 26. – С. 121–142. – DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.529

Тощенко Ж.Т. Общество травмы : между эволюцией и революцией. – Москва : Весь мир, 2020. – 352 с.

Федоров В.В., Федоров М.В. Аксиология жилища в диахронном измерении // Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия. – 2018. – № 2. – С. 79–86.

Фролова Е.В., Рогач О.В. Социальное самочувствие россиян весной 2022 г. // Социологические исследования. – 2023. – № 5. – С. 160–166. – DOI: 10.31857/S013216250024327-2

Ярмош Т.С. Социокультурные функции жилой среды // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. – 2014. – № 4. – С. 23–27.

Beckert J. The transcending power of goods : imaginative value in the economy // The worth of goods : valuation and pricing in the economy / ed. by J. Beckert, P. Aspers. – Oxford : Oxford academic, 2011. – P. 106–128.

Desmond M. Unaffordable America : poverty, housing, and eviction // The affordable housing reader / ed. by E. Mueller, J.R. Tighe. – London : Routledge, 2022. – P. 389–395.

Dittmar H. The social psychology of material possessions : to have is to be. – New York : St. Martin's press, 1992. – 250 p.

Morris R.N., Mogey J. Sociology of housing. – Hoboken (NJ) : Routledge, 2013. – 232 p.

Wainer L.S., Vale L.J. Wealthier-but-poorer : the complex sociology of homeownership at peripheral housing in Cartagena, Colombia // Habitat international. – 2021. – Vol. 114, N 8. – P. 102388. – DOI: 10.1016/j.habitatint.2021.102388

Warner R.S. Book review : The nature of human values, by Milton Rokeach // Contemporary sociology. – 1976. – Vol. 5, N 1. – P. 13–16.

World values survey : round seven – country-pooled datafile version 5.0. / ed. by C. Haerpfer, R. Inglehart, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin, B. Puranen. – Madrid ; Vienna : JD systems institute &

WVSA secretariat, 2022. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed: 24.08.2023).

References

Beckert J. The transcending power of goods : imaginative value in the economy. *The worth of goods : valuation and pricing in the economy*. Ed. by J. Beckert, P. Aspers. – Oxford : Oxford academic, 2011. – P. 106–128.

Bobkov V.N. Kolmakov I.B., Odintsova E.V. Social'naya struktura rossijskogo obshchestva po urovnyu zhilishhnoj obespechennosti : kriterial'naya i kolichestvennaya identifikaciya, orientiry dlya gosudarstvennoj politiki [Social structure of Russian society in terms of housing security : criterion and quantitative identification, the guidelines for state policy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population in the regions of Russia]. – 2018 – N 2 (208). – P. 8–23. DOI: 10.24411/1999-9836-2018-100112018 (In Russian)

Bochaver A.A. Predstavleniya o dome kak jelement personal'nogo opyta [Ideas about the house as an element of personal experience]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. – 2015. – Vol. 36, N 4. – P. 5–15. (In Russian)

Desmond M. Unaffordable America : poverty, housing, and eviction. *The affordable housing reader*. Ed. by E. Mueller, J.R. Tighe. – London : Routledge, 2022. – P. 389–395.

Dittmar H. *The social psychology of material possessions : to have is to be*. – New York : St. Martin's press, 1992. – 250 p.

Dobrokhleb V.G., Zvereva N.V. Potencial sovremennyh pokolenij Rossii [The potential of modern Russian generations]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny : fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes : facts, trends, forecast]. – 2016. – N 2 (44). – P. 61–78. DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.4 (In Russian)

Dom kak zhiznennaya sreda cheloveka : psihologicheskoe issledovanie [Home as a human living environment : a psychological study]. Ed. by S.K. Nartova-Bochaver. – Moscow : Monuments of historical thought, 2016. – 220 p. (In Russian)

Fedorov V.V., Fedorov M.V. Aksiologiya zhilishha v diahronnom izmerenii [Human dwelling axiology in the diachronic dimension]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Vestnik of Tver state university. Series: Philosophy]. – 2018. – N 2. – P. 79–86. (In Russian)

Frolova E.V., Rogach O.V. Social'noe samochuvstvie rossiyan vesnoj 2022 g. [Social well-being of Russians in the spring of 2022]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2023. – N 5. – P. 160–166. – DOI: 10.31857/S013216250024327-2 (In Russian)

Karacharovskiy V.V., Shkaratan O.I. Raznye celi odnogo obshchestva [Different goals of the same society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2019. – N 1. – P. 5–17. – DOI: 10.31857/S013216250003743-0 (In Russian)

Kazakova A.Y. Sub"ektivnoe kachestvo zhilishhnyx uslovij i territorial'naya identichnost' gorozhan (na materiale oprosa zhitelej MO «g. Kaluga») [Subjective housing quality and citizens' territorial identity (based on a survey of residents of the

city of Kaluga]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. – 2017 – Vol. 23, N 1. – P. 62–87. – DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5002 (In Russian)

Kozyrkov V.P. Sociokul'turnye modeli doma [Sociocultural models of the house]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Newsletter of Lobachevsky state university of Nizhnij Novgorod. Series: Social sciences]. – 2006. – N 1. – P. 219–227. (In Russian)

Kozyrkov V.P. Teoreticheskie problemy stanovleniya sociologii doma. [Theoretical problems of the formation of the sociology of the home]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. [Personality. Culture. Society]. – 2009. – Vol. XI, N 1. – P. 301–309. (In Russian)

Kurdzhiev M.M. Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniyu processa institucionalizatsii zhilishhno-kommunal'noj sfery [Theoretical and methodological approaches to the study of the process of institutionalization of the housing and communal sector]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Newsletter of North-Caucasus federal university]. – 2012. – N 2. – P. 114–117. (In Russian)

Lebedeva E.V. Druzhestvennaya gorodskaya sreda : vozmozhnosti sociologicheskogo izmereniya [Friendly urban environment : opportunities for sociological measurement]. *Sociologiya i obshchestvo : tradicii i innovacii v social'nom razviti regionov : sbornik dokladov VI Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa (Tyumen', 14–16 oktyabrya 2020 g.)* [Sociology and society : traditions and innovations in the social development of regions : collection of reports of the VI All-Russian sociological congress (Tyumen, October 14–16, 2020)]. Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow : ROS ; FNISC RAN, 2020. – P. 4748–4754. – URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/426302432.pdf> (accessed: 24.08.2023). (In Russian)

Litvintsev D.B. Kategoriya zhilishcha v trudakh klassikov sotsiologii XIX–XX vv. [The category of housing in the classical sociology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology]. – 2020b. – Vol. 23, N 1. – P. 7–34. – DOI: 10.31119/jssa.2020.23.1.1

Litvintsev D.B. V poiskah zhilishhnoj sociologii v Rossii [In search of housing sociology in Russia]. *Sociologiya i obshchestvo : tradicii i innovacii v social'nom razviti regionov : sbornik dokladov VI Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa (Tyumen', 14–16 oktyabrya 2020 g.)* [Sociology and society : traditions and innovations in the social development of regions : collection of reports of the VI All-Russian sociological congress (Tyumen, October 14–16, 2020)]. Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow : ROS ; FNISC RAN. – 2020a. – P. 4755–4763. (In Russian)

Morris R.N., Moge J. *Sociology of housing*. – Hoboken (NJ) : Routledge, 2013. – 236 p.

Obshchestvo neravnykh vozmozhnostej : social'naya struktura sovremennoj Rossii [A society of unequal opportunities : the social structure of modern Russia] / Tikhonova N.E., Mareeva S.V., Anikin V.A., Lezhnina Yu.P., Karavai A.V., Slobodenyuk E.D. – Moscow : Ves' mir, 2022. – 424 p. – DOI: 10.55604/9785777708731 (In Russian)

Popov E.A., Zamyatina O.N., Voronina S.A. Urban issues in the sociologists' dissertations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2020. – N 1. – P. 125–131. – DOI: 10.31857/S013216250008330-6 (In Russian)

Rabtsevich O.V., Uvarova A.A. Dostupnost' zhil'ya v regionah Rossii : analiz i integral'naya ocenka [Housing affordability in Russian regions : analysis and aggregate assessment]. *E'konomika stroitel'stva i prirodopol'zovaniya* [Construction economic and environmental management]. – 2020. – N 4 (77). – P. 39–49. – DOI: 10.37279/2519-4453-2020-4-39-49 (In Russian)

Rostovskaya T.K., Knyazkova E.A. Sistema cennostej i zhiznennyj uspeh : vzglyad raznyh pokolenij [Value system and life success : the view of different generations]. *Social'naya politika i sociologiya* [Social policy and sociology]. – 2020. – Vol. 19, N 1 (134). – P. 81–89. – DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-1-81-89 (In Russian)

Saveliev A.Yu. Potrebnost' v zhil'e kak sociologicheskaya kategoriya [The need for housing as a sociological category]. *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya : innovatika v sovremennom mire* [Fundamental and applied scientific research : innovatics in the modern world]. – Ufa : Vestnik nauki, 2021. – P. 219–223. (In Russian)

Shomina Ye.S. Gorodskie obshche stvennye dvizheniya na raznykh fazakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva : sravnitelny analiz zhilishhnogo dvizheniya v Rossii i za rubezhom : dokt. dis. [Urban public movements at different stages of development of civil society : comparative analysis of housing movement in Russia and abroad : doct. diss.]. – Moscow : RGB, 2001. – 385 p. (In Russian)

Social'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii [Social status and standard of living of the population of Russia]. – Moscow : Rosstat, 2021. – 373 p. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Soc_pol_2021.pdf (accessed: 24.08.2023). (In Russian)

Sorokin S.I. Sociologicheskaya koncepciya doma : sociokul'turnaya real'nost' i perspektivy razvitiya [The sociological concept of home : the socio-cultural reality and the prospects for development]. *Sovremennoe obshchestvo : problemy, protivorechiya, resheniya : sbornik nauchnykh trudov Mezhvuzovskogo nauchnogo seminara 29 maya 2020 g.* [Modern society : problems, contradictions, solutions : collection of papers of the Interuniversity scientific seminar on May 29, 2020]. – St. Petersburg : Saint Petersburg mining university, 2020. – P. 195–199. (In Russian)

Starikova M.M. Zhilishhnaya identifikaciya gorozhan kak otrazhenie zhilishhnogo neravenstva (na primere treh gorodov Kirovskoj oblasti) [Housing identification of citizens as a reflection of housing inequality (based on three cities of Kirov region)]. *Logos et praxis*. – 2019. – Vol. 18, N 2. – P. 119–133. – DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.11 (In Russian)

Temnitskiy A.L. Cennosti zhiznennogo uspeha i ih voploshhenie u rabotayushhego naseleniya Rossii [Life success values and their fulfillment for Russia's working population]. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of sociology] – 2018. – Vol. 9, N 3. – P. 121–142. – DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.529 (In Russian)

Toshchenko Zh.T. *Obshchestvo travmy : mezhdru jevoljuciej i revolyuciej*. [Trauma society : between evolution and revolution]. – Moscow : Ves' mir, 2020 – 352 p. (In Russian)

Vinkov S.V. Teoreticheskie osnovaniya koncepta «zhilishhnaya socializaciya» [Theoretical grounds of the concept «housing socialization»]. *Obshchestvo. Kommunikaciya. Obrazovanie* [Society. Communication. Education]. – 2014. – N 3 (203). – P. 36–45. (In Russian)

Wainer L.S., Vale L.J. Wealthier-but-poorer : the complex sociology of homeownership at peripheral housing in Cartagena, Colombia. *Habitat international*. – 2021. – Vol. 114, N 8. – P. 102388. – DOI: 10.1016/j.habitatint.2021.102388

Warner R.S. Book review : The nature of human values, by Milton Rokeach. *Contemporary sociology*. – 1976. – Vol. 5, N 1. – P. 13–16.

World values survey : round seven – country-pooled datafile version 5.0. Ed. by C. Haerpfer, R. Inglehart, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin, B. Puranen. – Madrid ; Vienna : JD systems institute & WVSA secretariat, 2022. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed: 24.08.2023).

Yarmosh T.S. Sociokul'turnye funkcii zhiloj sredy [Socio-cultural functions of the living environment]. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta im. V.G. Shuhova*. [Bulletin of the Belgorod state technological university]. – 2014. – N 4. – P. 23–27. (In Russian)

УДК 316.7

DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.05

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ: МОТИВАЦИЯ И ТИПЫ ТУРИСТОВ (Обзор)

Аннотация. В обзоре представлены базовые определения и основные характеристики гастрономического туризма. Рассмотрены особенности мотивации людей, приверженных гастрономическому туризму, и их основные типы.

Ключевые слова: гастрономический туризм; мотивация туристов; гастрономические традиции; продукты питания.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Гастрономический туризм : мотивация и типы туристов (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2023. – № 4. – С. 91–98. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.05

Статья поступила: 09.09.2023.

Принята к публикации: 20.10.2023.

PRYAZHNIKOVA O.N.** Gastronomic tourism: motivation and types of tourists (Literature review)

Abstract. The review presents basic definitions and key characteristics of gastronomic tourism. The features of motivation of tourists engaged in gastronomic tourism are considered, as well as their main types.

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН; olga.priazhnikova@inion.ru

** Pryazhnikova Olga Nikolaevna – Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; olga.priazhnikova@inion.ru

Keywords: gastronomic tourism; motivation of tourists; gastronomic traditions; food.

For citation: Pryazhnikova O.N. Gastronomic tourism : motivation and types of tourists (Literature review). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 4. – P. 91–98. DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.05

Received: 09.09.2023.

Accepted: 20.10.2023.

В последние годы гастрономический туризм становится одним из самых динамично развивающихся сегментов туризма и туристического бизнеса. Для туристических компаний и дестинаций гастрономия все чаще выступает направлением диверсификации туризма и стимулом местного и регионального социально-экономического развития. Кроме того, гастрономический туризм включает элементы локальных культур – ценности устойчивого развития той или иной территории и / или природного ландшафта, аутентичность местных продуктов питания, самобытность кулинарной традиции, которая обусловлена историей региона, и т.д.

Гастрономический туризм (ГТ) можно определить как посещение мест производства продуктов питания, кулинарных фестивалей, продовольственных ярмарок, фермерских рынков, кулинарных шоу, ресторанов и других мест, где основной мотивацией туристов служит дегустация блюд и / или знакомство с особенностями производства продуктов питания и кулинарией региона [Hall, Mitchell, 2001, p. 308]. ГТ – это путешествия, связанные с определенным образом жизни и приобретением определенного опыта, включающего эксперимент, изучение различных культур, приобретение знаний о кулинарных деликатесах, типичных для того или иного региона, и понимания (посредством потребления) их качеств и особенностей. В докладе Всемирной туристской организации (United Nations World Tourism Organization) представлено определение ГТ, учитывающее меняющуюся динамику мотивации к путешествиям среди современных туристов, которая приобретает все более комплексный характер. ГТ предлагается рассматривать как туристические поездки, основной целью или

целями которых служат знакомство с кухней той или иной местности или участие в практиках, так или иначе связанной с гастрономией [Global report ... , 2019, p. 7]. ГТ включает в себя множество различных подвидов продукта питания, знакомство с которым является целью поездки. Такими продуктами могут быть оливковое масло, сыр, мясо, рыба, ветчина, трюфели, шоколад, а также напитки – вино, пиво, виски, сидр, коньяк, кава, орчата, саке, чай и т.п.

Туристы в сфере ГТ – это люди, которые приезжают в дестинации, зарекомендовавшие себя как места для «экспериментов» с локальными качественными продуктами питания. Некоторые из туристов этой категории относятся к гастрономическим практикам как к маловажной составляющей своего путешествия, в то время как другие могут выбирать направления для поездки исключительно с учетом гастрономических традиций и «кулинарной репутации» региона. Такие путешественники, как правило, открыты для новых впечатлений, хотят получать новые знания и являются образованными потребителями, а также ценят «погружение» в местную культуру и участие в мероприятиях на свежем воздухе [Creative tourism ... , 2021, p. 199].

Мотивация туристов к путешествиям – это главный фактор, определяющий перечень продуктов и услуг, которые могут привлечь туристические потоки и представляют ценность с точки зрения опыта их потребления. Мотивация гастрономических путешественников связана с потребностью в получении определенного потребительского опыта и удовлетворения этим процессом. Эти элементы потребления считаются ключевыми для понимания процесса принятия туристами решений в пользу посещения определенных регионов.

В основе мотивации к практикам ГТ могут лежать: 1) физические мотивы (потребность в питании); 2) межличностные мотивы, непосредственно связанные с реализацией социальных и коммуникативных потребностей людей; 3) культурные мотивы, связанные с изучением новых мест и других культур; 4) мотивы поддержания статуса (демонстрация определенной социальной принадлежности, стремление к престижному времяпрепровождению) [Segmentation ... , 2019].

Специалисты также классифицируют мотивацию гастрономических туристов как обусловленную либо внутренними стиму-

лами («push» motivation), либо внешними раздражителями, создающими эффект «притяжения» («pull» motivation). Внутренние стимулы принято рассматривать с точки зрения формирования спроса на услуги; они часто включают в себя желание получить определенный опыт, а также удовлетворить ментальные и социальные потребности (бегство от повседневной рутины, отдых с семьей, общение и взаимодействие с новыми людьми, исследование новых мест, создание новых эмоциональных связей). Ресурсы туристической дестинации, которые выступают факторами притяжения (внешние стимулы), представляют собой культурные и природные достопримечательности, специальные мероприятия и фестивали, впечатления от потребления продуктов питания и другие возможности для отдыха и развлечений (дружелюбие и гостеприимность местных жителей, гастрономическое разнообразие и т.д.) [Global report ... , 2019, p. 8].

Рассматривая творчество как ресурс, который можно использовать в отрасли ГТ, исследователи указывают на два направления реализации творческого опыта [Pozzi, Wassler, Cavallone, 2022]. Во-первых, это создание добавленной стоимости продуктов и / или услуг путем их креативного преобразования. Сюда относятся случаи, когда специалисты в сфере гастрономии и кулинарии возрождают или преобразуют забытые традиционные блюда, кулинарные рецепты или стили их приготовления. Во-вторых, это получение новых навыков посредством совместной работы в ходе действий и практик, в рамках которых осуществляется взаимодействие и обмен знаниями между туристами и поставщиками услуг подобного рода. Здесь имеются в виду практические мероприятия, такие как кулинарные курсы и мастер-классы, участие в сборе урожая или производстве какого-либо продукта.

Связь между потребностями, которые туристы стремятся удовлетворить, и их поведением во время путешествия позволяет выделить несколько типов путешественников с гастрономическими целями. Так, туристы, демонстрирующие достаточно высокий уровень вовлеченности в гастрономические практики, склонные к взаимодействию с другими и к приобретению новых знаний, чаще потребляют оба вида продуктов и услуг в рамках направлений реализации практик ГТ, описанных выше. Другой тип туристов интересуется преимущественно ресторанными предложениями

блюд, например, творчески воспроизведенными по старинным или традиционным рецептам [Pozzi, Wassler, Cavallone, 2022].

А. Поцци, Ф. Васслер и М. Каваллоне в исследовании, посвященном выявлению связи между поведением туристов и их творческими потребностями в сфере ГТ, выделяют три группы туристов. К первой относятся «творческие искатели» (creative seekers), которые демонстрируют готовность к высокой степени вовлеченности, обучению и взаимодействию с другими. Эта группа путешественников ориентируется на предложения в сфере ГТ, которые могут удовлетворить их творческие потребности, и демонстрирует достаточно высокую вероятность участия в практиках обучения в ресторанах и предприятиях по производству продуктов питания. Они также склонны к взаимодействию с владельцами гастрономических заведений и местными жителями, а также к установлению отношений, создающих «чувство принадлежности» к местному сообществу.

Во вторую группу входят «творческие энтузиасты» (creative enthusiasts). Их поведение аналогично первой группе, но менее очевидно. Такие путешественники также ищут возможности взаимодействия с другими и обучения в рамках ГТ, однако степень их вовлеченности в гастрономические практики и потребность в самовыражении, как правило, ниже, чем у «творческих искателей».

Третью группу – «пассивные туристы» (passive tourists) – составляют путешественники, которые с меньшей вероятностью будут участвовать в творческих и интерактивных практиках в сфере ГТ. Они привержены более пассивному виду отдыха, допуская возможность ознакомления с кулинарными особенностями и гастрономическими традициями мест, которые они посещают [Pozzi, Wassler, Cavallone, 2022].

Исследователи выделяют и другие (отчасти пересекающиеся с описанными выше группами) типы туристов на рынке ГТ: туристы «на отдыхе» (recreational tourists); туристы, «ищущие разнообразия» (diversionary tourists), туристы, «ищущие экзистенциальный опыт» (existential tourists), и туристы-экспериментаторы (experimental tourists) [Gastronomy tourism ... , 2022]. Туристы «на отдыхе», как правило, выбирают привычные блюда, чтобы чувствовать себя комфортно и в безопасности. Эти путешественники посещают сети быстрого питания, ресторан отеля пребывания и заведения с

«предсказуемым» меню и / или такие, где подают блюда, типичные для их родной страны. У данной группы практически отсутствует мотивация к ГТ, поэтому они не склонны к тщательному поиску мест для гастрономических впечатлений и спонтанно выбирают ресторан или бар, проходя мимо.

Туристы, «ищущие разнообразия», предпочитают дестинации, которые предлагают развлекательные и социальные мероприятия. Они уделяют больше внимания людям, с которыми проводят время, тогда как особенности места отдыха для них второстепенны. Для «ищущих разнообразия» еда и напитки должны быть легко доступными в больших количествах, это для них важнее, чем изысканная кухня.

Туристы, «ищущие экзистенциальный опыт», предпочитают местную и региональную кухню и питаются в заведениях, которые рассчитаны на местных жителей. Данная группа путешественников выбирает простые «деревенские» рестораны, которые они предпочитают «шикарным». В поисках гастрономических впечатлений на этапе подготовки к поездке эти туристы используют аутентичные источники туристической информации, такие как личные блоги о путешествиях, а также изучают специализированную туристическую литературу и путеводители. Их также мотивирует образовательный опыт, они интересуются кулинарными школами, кулинарными курсами, поездками на рыбалку, дегустацией вин и гастрономическими фестивалями. Таким образом, возможность участия в гастрономических практиках будет в большинстве случаев основной мотивацией к путешествиям для этого типа туристов.

Наконец, туристы-экспериментаторы отслеживают модные тенденции в кулинарии, любят дегустировать новейшие блюда и изучать нестандартные методы приготовления пищи. Они выбирают рестораны с инновационным меню, которые обещают эксклюзивные гастрономические впечатления. Туристы-экспериментаторы путешествуют ради личного удовольствия и для того, чтобы насладиться роскошью изысканной кухни премиум-класса и получить эксклюзивные впечатления [Gastronomy tourism ... , 2022].

Изучение мотиваций и типов туристов в сфере ГТ имеет ключевое значение для развития креативных предложений в рамках

гастрономических путешествий. Представляется, что помимо наполнения предложений отрасли разнообразными видами практик ГТ, акцент следует сделать на процессах получения посетителями знаний, связанных с едой, на возможностях для самовыражения, взаимодействия с местными жителями и обучения на практике. По мнению ряда экспертов, перспективные исследования ГТ связаны с изучением взаимосвязей между эмоциональными реакциями туристов и особенностями мест их пребывания, а также – с анализом ожиданий туристов, их поведенческих предпочтений и степени удовлетворения как итога путешествий.

Список литературы

- Creative tourism in smaller communities : place, culture, and local representation* / ed. by K. Scherf. – Calgar : University of Calgary press, 2021. – 318 p.
- Hall M., Mitchell R. Wine and food tourism // *Special interest tourism* / ed. by N. Douglas, R. Derrett. – Sydney : Wiley, 2001. – P. 307–325.
- Gastronomy tourism market trend and analysis of traveller types, key destinations, challenges and opportunities, 2022 update // GlobalData. Report store. – 2022. – Aug. 2. – URL: <https://www.globaldata.com/store/report/gastronomy-tourism-trend-analysis/> (accessed: 06.09.2023).
- Global report on food tourism. – Madrid : World tourism organization, 2019. – 63 p.
- Pozzi A., Wassler Ph., Cavallone M. Creative needs in gastronomy tourism : a segmentation of travellers : conference paper // XIX SIM (Società Italiana Marketing) conference, Salerno, Italy. – 2022. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/364393746> (accessed: 04.09.2023).
- Segmentation based on the gastronomic motivations of tourists : the case of the Costa Del Sol (Spain) / Pérez-Priego M.A., de los Baños García-Moreno García M., Gomez-Casero G., Caridad y López del Río L. // *Sustainability*. – 2019. – Vol 11, N 2. – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/11/2/409> (accessed: 04.09.2023).

References

- Creative tourism in smaller communities : place, culture, and local representation*. Ed. by K. Scherf. – Calgar : University of Calgary press, 2021. – 318 p.
- Hall M., Mitchell R. Wine and food tourism. *Special interest tourism*. Ed. by N. Douglas, R. Derrett. – Sydney : Wiley. – 2001. – P. 307–325.
- Gastronomy tourism market trend and analysis of traveller types, key destinations, challenges and opportunities, 2022 update* / GlobalData. Report store. – 2022. – Aug. 2. – URL: <https://www.globaldata.com/store/report/gastronomy-tourism-trend-analysis/> (accessed: 06.09.2023).

Global report on food tourism. – Madrid : World tourism organization, 2019. – 63 p.

Segmentation based on the gastronomic motivations of tourists : the case of the Costa Del Sol (Spain) / Pérez-Priego M.A., de los Baños García-Moreno García M., Gomez-Casero G., Caridad y López del Río L. *Sustainability*. – 2019. – Vol 11, N 2. – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/11/2/409> (accessed: 04.09.2023).

Pozzi A., Wassler Ph., Cavallone M. *Creative needs in gastronomy tourism : a segmentation of travelers : conference paper* / XIX SIM (Società Italiana Marketing) conference, Salerno, Italy. – 2022. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/364393746> (accessed: 04.09.2023).

Special interest tourism. Ed. by N. Douglas, R. Derrett. – Sydney : Wiley. – 2001. – 475 p.

Реф. ст.: ЧЖАН ДУНЬФУ. СИГАРЕТЫ И ГОРОДСКИЕ ЖЕНЩИНЫ: ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ МЕЖДУ РИСКОМ И МОДОЙ (СЛУЧАЙ ШАНХАЯ)¹

张敦福. 香烟与都市女性：徘徊于风险与时尚之间的生活政治——以上海的访谈和观察为例 [Zhang Dun-fu. Cigarettes and urban women's life politics wandering between risk and fashion: a case study of Shanghai] // 华东师范大学学报(哲学社会科学版) [Journal of East China Normal University (philosophy and social sciences)]. – 2023. – Vol. 55, N 3. – P. 85–95.

Ключевые слова: женское курение; сигареты; образ жизни; мода; здоровье; Китай.

Для цитирования: Чэнь Сыци [Реферат]. Чжан Дуньфу. Сигареты и городские женщины : жизненная стратегия между риском и модой (случай Шанхая) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 4. – С. 99–103. – Реф. ст. : 张敦福. 香烟与都市女性：徘徊于风险与时尚之间的生活政治——以上海的访谈和观察为例 [Zhang Dun-fu. Cigarettes and urban women's life politics wandering between risk and fashion : a case study of Shanghai] // 华东师范大学学报(哲学社会科学版) [Journal of East China Normal University (philosophy and social sciences)]. – 2023. – Vol. 55, N 3. – P. 85–95.

Реферат поступил: 01.11.2023.

Принят к публикации: 15.11.2023.

¹ Автор выражает благодарность за помощь в подготовке текста и ценные замечания доктору социологических наук, профессору кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета Ларисе Григорьевне Титаренко.

Keywords: female smoking; cigarettes; lifestyle; fashion; health; China.

For citation: Chen Ciqi [Article summary]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 4. – P. 99–103. – Article summary : 张敦福. 香烟与都市女性：徘徊于风险与时尚之间的生活政治——

以上海的访谈和观察为例 [Zhang Dun-fu. Cigarettes and urban women's life politics wandering between risk and fashion : a case study of Shanghai] // 华东师范大学学报(哲学社会科学版) [Journal of East China Normal University (philosophy and social sciences)]. – 2023. – Vol. 55, N 3. – P. 85–95.

Received: 01.11.2023.

Accepted: 15.11.2023.

Профессор кафедры социологии Шанхайского университета Чжан Дуньфу предложил проанализировать курение жителей Шанхая с точки зрения конструирования жизненных стратегий, поразмышлять о выстраивании имиджа курящих женщин в контексте китайской культуры потребления и изучить связь идентичности современной китайки с потреблением сигарет.

Хотя средства массовой информации стремятся представить курение городских женщин как некое «модное», или «сексуальное» явление, эмпирические данные о жителях Шанхая показывают, что в повседневной жизни китайок курение остается преимущественно досуговой практикой и способом снятия стресса. Городским курильщикам приходится находить баланс между личными предпочтениями, правовой и политической средой, общественными ожиданиями и окружающей их атмосферой стигматизации, а также быть вдумчивыми и осторожными гражданами – потребителями сигарет. Опираясь на результаты исследований китайских женщин, автор стремился изучить феномен женского курения сквозь призму принятой в Китае культуры потребления.

Качественный эмпирический материал для данной статьи был в основном собран посредством неформальных личных интервью: информантами стал 21 человек, длительное время проживающий в Шанхае. Выбор в пользу Шанхая был сделан, потому

что это мегаполис с развитой культурой потребления и открытой социальной и культурной средой. Интервью были проведены в период с сентября 2018 по сентябрь 2021 г., время интервью с каждым информантом варьируется от 15 до 40 минут. Интервьюиrowались мужчины и женщины (пять мужчин, 16 женщин) в возрасте от 20 до 60 лет (с. 87). Информантов спрашивали об их отношении к женскому курению; у курящих женщин интересовались, сталкивались ли они со стереотипами, дискриминацией или неприязнью в повседневной жизни из-за своего пристрастия к сигаретам.

Результаты многих исследований показывают, что женское курение все больше принимается общественностью (особенно женщинами и молодежью). Так, например, в рамках Международного исследования по борьбе с курением в Китае было проведено несколько опросов: первый этап был завершен в 2006 г., а третий – в 2009 г. Результаты третьего этапа опросов показали, что около 38% курильщиков и 9% некурящих согласились с тем, что для женщин курение приемлемо; в обеих волнах опросов положительно на этот вопрос ответили почти в два раза больше женщин, чем мужчин (с. 89). На современном табачном рынке представлено множество модных, тонких и красочных «дамских» сигарет; однако часть опрошенных отметила, что некоторые молодые женщины испытывают отвращение к тонким женским сигаретам.

Проведенное исследование продемонстрировало, что женское курение – феномен, доказывающий существование равенства между мужчинами и женщинами в городах. Например, сегодня признается социально приемлемым курение женщин наравне с мужчинами в перерывах на работе. Сигареты служат для женщин потребительским продуктом при проведении досуга и «лекарством» от стресса. В повседневной жизни курильщиков курение является лишь частью обыденных привычек и в большинстве случаев не имеет ничего общего с гендерной принадлежностью. Сравнение данных выборочных опросов показывает, что в гармоничных и счастливых парах женщины с меньшей вероятностью начинают курить. Низкое качество жизни, одиночество или статус разведенной будут влиять на вероятность приобщения информанток к курению. С точки зрения социально-экономического статуса, профессиональной стратификации и социальной мобильности образ модной курящей женщины, конструируемый средствами мас-

совой информации, далек от реальной жизни. Если сравнивать профессии курящих китайянок, то автор статьи, ссылаясь на результаты схожих исследований, отмечает, что уровень курения, как правило, выше среди женщин-фермеров (3%), менеджеров (4,1%), работников сферы коммерческих услуг (1,5%), чем среди представительниц других профессий (с. 92). По данным другого исследования, достаточно много курят женщины, работа которых связана с литературным и художественным творчеством, а также те, кто трудится в сфере услуг или связей с общественностью (там же). В качестве особенности китайской аудитории автор статьи отмечает, что среди китайских курильщиков мужского и женского пола пользуется популярностью мнение о том, что курение благотворно влияет на общение.

Разработка антитабачных и тому подобных мероприятий по укреплению здоровья в современном обществе является сложной задачей и нередко вызывает ответное сопротивление. В интервью информанты чаще всего говорили, что курение женщин имеет мало общего с моралью, стигмой или с государственным контролем. Акции по борьбе с курением ограничили курильщиков: городские курильщики стараются быть цивилизованными гражданами, не беспокоить других, они соблюдают дистанцию при курении или используют жевательную резинку, духи и т.д., чтобы замаскировать запах табака. Во многих случаях курильщики готовы оценивать обстоятельства, общественные ожидания и личные предпочтения, тщательно обдумывать свои действия и учитывать чувства других, чтобы обеспечить хрупкий баланс между собственными правами и гражданскими обязательствами.

В статье делается вывод о том, что в местных СМИ нередко формируется взгляд на курение жительниц больших китайских городов как на «модный», «крутой» или красивый и элегантный образ жизни. Автор отмечает важную роль СМИ в трансляции повседневных представлений о приемлемости или даже «очаровании» женского курения: во многом от господствующего в СМИ дискурса относительно курения женщин зависит, попробует ли женщина закурить или нет. Впрочем, в повседневной жизни горожанки часто курят по личным причинам (из-за беспокойства, депрессии, одиночества и пр.), а не из желания соответствовать рекламируемым в СМИ моделям поведения. Не стоит забывать, что

сами женщины-курильщицы во многом способствуют распространению и принятию женского курения в качестве нормативного в мегаполисах. Курящим женщинам в большинстве случаев приходится иметь дело со все еще доминирующими представлениями мужчин, которые стигматизируют курение женщин. С одной стороны, сигареты в определенном смысле являются потребительским товаром, наделенным вредными и загрязняющими свойствами, а курение – личным хобби. С другой – правовая и политическая среда, общественные ожидания и мнение окружающих относительно курения становятся все более строгими. Женщины-курильщицы находятся под давлением со стороны общественного мнения, кампаний органов здравоохранения и рисков для здоровья. Курильщицы нередко чувствуют риски (не только для здоровья, но и социальные) и собственную уязвимость, когда курят в общественных местах.

*Чэнь Сыци**

* © Чэнь Сыци, реферат, 2023.

Чэнь Сыци – аспирантка факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь; schen1657@gmail.com

Chen Ciqi – PhD student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; schen1657@gmail.com

УДК 316.25

DOI:10.31249/rsoc/2023.04.06

ДАВЫДЕНКО В.А.^{*}, АНДРИАНОВА Е.В.^{**} «ТЕОРИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ» («EXISTENCE THEORY») КАК НОВЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ИССЛЕДОВАНИЯХ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (Обзор)

Аннотация. Основная цель этой статьи – исследовать ключевые идеи «теории существования» («existence theory»), предложенной Патриком Баертом, Маркусом Морганом и Рином Ушиямой в качестве многообещающего, оригинального и заставляющего задуматься подхода, претендующего на новое направление в социологической теории и исследованиях. В современной западной социологической теории появилась даже специальная аббревиатура – «модель», или «схема ВМУ», получившая название по первым буквам фамилий авторов. Авторы модели амбициозно заявили о попытке предложить контуры новой теории социального поведе-

^{*} © Давыденко В.А., Андрианова Е.В., статья, 2023.

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета; v.a.davydenko@utmn.ru

^{**} Андрианова Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; e.v.andrianova@utmn.ru

ния, которая сосредоточена вокруг временности существования в обществе. Они подчеркивают, что хотят сфокусироваться на ключевых особенностях (в форме обобщения) своих научных усилий, разрабатывая новый подход, основанный на творческом синтезе влиятельных традиций мысли: на философском уровне – экзистенциализма и феноменологии; на социологическом уровне – микро- и макроперспектив, включающих единство идей в интерпретативной, экзистенциалистской, функционалистской, критической социологиях и теории структуризации. Представлены критические суждения по поводу «модели ВМУ» как в обзорах Дэвида Инглиса и Саймона Сьюзена, так и в конкретизациях позиции авторов данной статьи.

Ключевые слова: «теория существования» («existence theory»); «модель ВМУ (Baert, Morgan, Ushiyama)»; экзистенциалистская социология; функционалистская социология; интерпретативная социология; критическая социология; теория структуризации.

Для цитирования: Давыденко В.А., Андрианова Е.В. «Теория существования» («existence theory») как новый подход в социологической теории и исследованиях : критический анализ (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 4. – С. 104–124. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.06

Статья поступила: 25.09.2023.

Принята к публикации: 10.10.2023.

DAVYDENKO V.A.^{***}, ANDRIANOVA E.V.^{****} «Existence theory» as a new approach in sociological theory and research: critical analysis (Literature review)

Abstract. The main purpose of this article is to explore the key ideas of the «existence theory», proposed by Patrick Baert, Marcus Morgan and Rin Ushiyama, as a promising, original and thought–

^{***} Davydenko Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Research Center of Tyumen State University; v.a.davydenko@utmn.ru

^{****} Andrianova Elena Vladimirovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General and Economic Sociology of Tyumen State University, Senior Researcher at the West Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; e.v.andrianova@utmn.ru

provoking approach claiming to be a new approach to sociological theory and research. In contemporary Western sociological theory, there is even a special abbreviation for this – «model» or «scheme of BMU» (by the first letters of the surnames: Baert, Morgan, Ushiyama). They ambitiously announced that they had proposed the contours of a new theory of social behavior, which is centered around the temporality of existence in society. They emphasize that they want to focus on the key features (in the form of generalization) of their scientific efforts, developing a new approach based on the creative synthesis of influential traditions of thought: at the philosophical level – existentialism and phenomenology; at the sociological level – micro- and macro-perspectives, including the unity of ideas in interpretive, existentialist, functionalist, critical sociology and structuration theory. Critical judgments about the «BMU model» are presented both in the reviews of David Inglis and Simon Susan, and in the concretization of the position of the authors of this article.

Keywords: «existence theory»; «model or scheme of BMU (Baert, Morgan, Ushiyama)»; existentialist sociology; functionalist sociology; interpretive sociology; critical sociology; theory of structuration.

For citation: Davydenko V.A., Andrianova E.V. «Existence theory» as a new approach in sociological theory and research: critical analysis (Literature review). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 4. – P. 104–124. DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.06

Received: 25.09.2023.

Accepted: 10.10.2023.

Введение

«Теория существования» («existence theory»), предложенная Патриком Баертом, Маркусом Морганом и Рином Ушиямой [Baert, Morgan, Ushiyama, 2022], неожиданно вошла в число наиболее актуальных теоретических новаций англо-американской научной литературы, собрав воедино вклады основных гуманитарных традиций в современную эпоху в амбициозное исследование с идентификацией того, где социальная теория была вчера, где находится

сегодня и куда она может устремиться завтра [Inglis, 2022 ; Susen, 2022].

Предтечей «теории существования» по «модели», или «схеме ВМУ» была фундаментальная работа Патрика Баерта, представленная в его монографии «Экзистенциалистский момент: возвышение Сартра как публичного интеллектуала» [Baert, 2015]. Несмотря на то, что существует достаточно значительный объем академической литературы по экзистенциализму, было представлено «мало систематических, не говоря уже об убедительных, комментариев относительно того, почему экзистенциализм приобрел такую известность» [Baert, 2015, p. 5]. Патрик Баерт, объясняя успех Жана-Поля Сартра в терминах «осени 1945 года», известной как «экзистенциалистское наступление» (*existentialist offensive*), которое началось после публичной лекции «Экзистенциализм как сущность человека – это гуманизм» [Sartre, 1949], прочитанной им 29 октября 1945 г., посчитал, что исходя из такой интерпретации все это сыграло ключевую роль в присвоении Сартру статуса знаменитости – первоначально во Франции, а затем и во всем мире [Baert, 2015, p. 11]. Франсуа Бонди писал, что, основываясь на прочтении многочисленных эссе, речей и интервью Сартра, у него «никогда не перестает вырисовываться простая базовая закономерность: социальные изменения должны быть всеобъемлющими и революционными», а партии, выдвигающие революционные лозунги, «могут подвергаться критике, но только теми, кто полностью идентифицирует себя со своей целью, своей борьбой и своим путем к власти», тем самым считая позицию Жана-Поля Сартра экзистенциалистской (*existentialist*) [Bondy, 1967, p. 27]. В бурные 1960-е годы имя Сартра было нарицательным, как и термин «экзистенциализм», но он оставался простым человеком с небольшим имуществом, активно преданным своему делу до конца (например, во время забастовки в Париже в мае 1968 г. он был арестован за гражданское неповиновение). Тогда вмешался французский президент Шарль де Голль и помиловал его, афористично заметив, что «Вольтера не арестовывают» [Bishop, 1987]. Сартр черпал свое вдохновение в экзистенциалистской эпистемологии (как изучающей отношение «объект – знание»), объясненной Францем Адлером следующим образом: «Человек выбирает и создает себя, действуя. Любое действие предполагает суждение о том, что он прав в

данных обстоятельствах не только для действующего лица, но и для всех остальных в подобных ситуациях» [Adler, 1949, p. 284]. Философия Ж.-П. Сартра соответствовала его позиции публичного интеллектуала. Он рассматривал культуру как очень изменчивое явление; она не является ни предопределенной, ни определенно законченной; вместо этого в истинно экзистенциальном ключе, по его словам, культура всегда понималась как процесс постоянного изобретения и переизобретения. Это говорит о Сартре не только как об интеллектуале-интеллигенте, но еще и как о прагматике, готовом двигаться и менять позицию в соответствии с обстоятельствами. Его сосредоточенность на всеобъемлющей теме свободы означало, что вся его интеллектуальная работа «подрывала основы различий между разными дисциплинами» [Kirsner, 2003, p. 13].

Из этого понимания свободы, по сути, рождается определение экзистенциальной социологии, согласно которому социологически рефлексивное начинание должно быть открытым, недогматичным и многофакторным в том смысле, что оно «с самого начала избегает навязывания слишком жестких теоретических рамок» и, более того, предпринимает как сознательные, так и эксплицитные «усилия не исключать априори любые факторы, которые могли бы сыграть определяющую роль в становлении / возникновении» социального, политического, идеологического или интеллектуального движений, находящихся под их пристальным вниманием [Baert, 2015, p. 15]. Патрик Баерт объяснял феноменальный успех Ж.-П. Сартра в терминах «расслабления морали» (*moral relaxation*) как коллективно желаемое «противоядие от репрессивных лет Виши» [ibid., p. 12]. В таком понимании Сартр – не в последнюю очередь из-за своей яростной оппозиции фашистски-коллорабационистскому режиму Виши – олицетворял ценности, принципы и практики тех, кто поддерживал французское Сопротивление против трусливо-консервативных ценностей морально репрессивных и политически оппортунистических слоев французского общества. Такая интерпретация может быть проблематичной, поскольку она основана на предположении о том, что экзистенциализм с его акцентом на радикальной свободе, пронизывающей человеческую деятельность, почти не налагал на человека никакого бремени ответственности. Вопреки распространенным заблуждениям, свобода делать выбор означает, что мы как

рациональные субъекты, способные вести себя морально, несем ответственность за все свои действия. Напротив, экзистенциалистская философия Сартра, далекая от обоснования «ослабления морали» (*relaxing of morals*), не говоря уж вовсе об отказе от морали, представляет собой систематическую попытку демонстрировать, что люди несут ответственность за свои решения и действия [Baert, 2015, p. 12]. Сартр верил в свободу человека и предпочитал сохранять объективность. Таким образом, единство своеобразного научного, политического и художественно-творческого подхода Ж.-П. Сартра позволяло ему перенести идеалы свободы, равенства и братства в плоскость экзистенциальной философии, которая получила широкую академическую и общественную поддержку сначала во Франции, а затем – в мире.

В свою очередь, проект одного из авторов модели ВМУ Патрика Баерта, реализуемый в его книге об экзистенциализме, являлся также амбициозным: его цель была в «объяснении интеллектуалов» [Baert, 2015, p. 158–189]. Исследование П. Баерта, таким образом, состояло не просто в описании, анализе, интерпретации или оценке интеллектуалов, но и, в более фундаментальном смысле, в объяснении их существования и, следовательно, в разъяснении и толковании социально-исторических условий, лежащих в основе их «появления на свет» и становления. Более того, П. Баерт стремится дать всестороннее объяснение, то есть представить многофакторный подход, который принимает во внимание многочисленные аспекты, имеющие определяющее значение для развития интеллектуальных областей и их главных действующих лиц. Тем самым возникает «более широкая социологическая теория интеллектуалов», которая делает особый акцент на роли «сетей», «конфликтов» и «позиционирования» в формировании не только процесса создания, эволюции, распространения и восприятия социальных идей, но и исторических условий, в которых они складываются и могут стать влиятельными. В этих многосекторных направлениях с поразительной ясностью и красноречием П. Баерт проводил экзистенциальный анализ в отношении эпистемической обоснованности доминирующих нарративов, касающихся как самой сущности, так и ключевых функций интеллектуалов в современных обществах. Отсюда он логически вышел на концептуальные инструменты для исследования того, как определенные

интеллектуалы посредством вмешательства могут приобрести институциональные или символические преимущества (вскрывающие недостатки конкурентов) на культурной и политической аренах в современном мире [Baert, 2015, p. 160].

Результаты исследования

Рассматриваемая здесь экзистенциальная теория открывает концептуальное пространство для исследования социальных механизмов, благодаря которым одни интеллектуалы добиваются известности, а другие – нет. Такой подход специально подчеркивает, что хотя трудно (или даже бесполезно) «рассуждать о мотивах, стоящих за интеллектуальным выбором», с социологической точки зрения полезно сосредоточиться на последствиях интеллектуальных действий, которые – в отличие от скрытых намерений или желаний – могут быть эмпирически изучены и измерены [Baert, 2015, p. 161]. В этом пункте представления предлагаемой парадигмы «теория существования» выявляется такая очень важная проблема, как проблема структурной предвзятости (*structural bias*), относящаяся к проблемам, возникающим в результате попыток объяснить индивидуальные решения социологическими детерминантами. «Мягкая» версия этой предвзятости иллюстрируется утверждением, что индивидуальные решения *формируются* структурными силами, тогда как «жесткий» вариант отражен в утверждении о том, что индивидуальные решения *определяются* структурными силами. Обычно пытаются раскрывать множество структурных сил: социальных, культурных, экономических, демографических, политических, идеологических или лингвистических – и это только некоторые из них. Хотя, если следовать дюркгеймовской традиции социологического анализа, социальные факты должны рассматриваться в связи с другими социальными фактами, это не означает, что, несмотря на их влияние со стороны социальных сил, индивидуальные мотивации, намерения или желания могут быть сведены к социальным фактам. Важность этого различия лежит в самой основе дюркгеймовского различия «социальных фактов» (*social facts*) и «индивидуальных случаев» (*individual instances*). Согласно теории существования, было бы ошибочно объяснять философскую или идеологическую ориентацию интеллектуала ис-

ключительно с точки зрения социальных фактов; нельзя смешивать или объединять социологические и индивидуальные объяснения, давать структурные объяснения, не учитывая индивидуальные убеждения, ценности, установки, которые лежат в субъективации действия или поведения [Baert, 2015, p. 161].

Другой тип предвзятости – предвзятость аутентичности (*authenticity bias*), которая относится к проблемам, связанным с ошибочным предположением о том, что интеллектуалы имеют четкое представление о своей идентичности и ценностях, и эти представления о себе определяют их деятельность. Соблазнительно было бы принимать за чистую монету все, что интеллектуалы говорят о себе, особенно если кто-то симпатизирует им или находит их работу увлекательной. Необходимо противостоять искушению идеализировать интеллектуалов, восхваляя их научные работы, романтизируя их общественную и / или частную жизнь. Правда в том, что большинство интеллектуалов сами создают о себе нарративы, которые они представляют как себе, так и другим; можно даже собрать доказательства, подтверждающие подозрение, что эти нарративы формируют их творческую продукцию или творческий результат.

Однако это не означает, что интеллектуалы всегда поведенчески и идеологически последовательны, а их действия полностью синхронизированы с их идентичностью, убеждениями, ценностями и мировоззрением, не говоря уже об их повседневном поведении. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что интеллектуальное поле, как и другие социальные поля, представляет собой сферу острой борьбы между асимметрично расположенными агентами. В университете, академии, институте или за их пределами интеллектуалы действуют в условиях жесткой конкуренции, борясь за символическое и институциональное признание и за ограниченные финансовые ресурсы. Имеет смысл признать, в какой степени их вмешательство – посредством книг, статей или выступлений – является неотъемлемой частью этой борьбы за власть, а не выражением какого-то более глубинного Я (*some deeper self*), отмечает Баерт [Baert, 2015, p. 162]. Интеллектуальное поле отмечено постоянной борьбой за признание – не меньше, чем другие социальные поля, которые формируются властной динамикой ранжирования, конкуренции и приобретения статуса. Если и существует

главная характеристика существования интеллектуалов, так это их погружение в борьбу за власть, то есть в конфликты за доступ к символическим, а также к материальным и институциональным ресурсам. Крайне важно установить критическую дистанцию по отношению к тому, как группы интеллектуалов представляют себя своей аудитории. Такой подход позволяет подвергнуть сомнению обоснованность потенциально обманчивых сигналов, посылаемых интеллектуальными выступлениями на переднем плане, вместо них сосредоточившись на том, что не было высказано прямо и проявилось на – часто скрытом – фоне обычных практик. Задача экзистенциальных социологов состоит в том, чтобы демистифицировать стремление интеллектуалов изображать собственный профессиональный и жизненный путь незапятнанным материальными, символическими и институциональными ограничениями [Susen, 2007, p. 158–167].

Таким образом, с опорой на приведенные выше позиции Патриком Баертом, Маркусом Морганом и Рином Ушиямой была выстроена следующая категориально-понятийная система «теории существования» [Baert, Morgan, Ushiyama, 2022]. Эта теория исходит из предположения о том, что люди организуют свою жизнь вокруг ограниченного набора «экзистенциальных вех» (*existential milestones*). Культурные ожидания таковы, что без достижения определенных целей люди могут воспринимать свою жизнь как незавершенную. Примеры «экзистенциальных вех» могут включать получение формального образования, прочное партнерство и создание семьи, но в целом вехи, важные для отдельных людей, и их точное определение будут зависеть от множества культурных и структурных факторов. Достижение «экзистенциальных вех» часто зависит от достижения других аналогичных явлений, создавая тем самым то, что Баерт, Морган и Ушияма называют «экзистенциальной лестницей» (*existential ladder*). Они также уточняют значение понятия «экзистенциальная срочность» (*existential urgency*), подчеркивая, что из-за множества факторов (биологических, культурных и структурных) существуют временные ограничения в том, как должны быть достигнуты определенные «экзистенциальные вехи». Отмечается, что в современном обществе индивиды, похоже, имеют больше выбора в отношении того, какие вехи для них важны и когда они могут быть достигнуты, и подчеркивается, что

указанная гибкость распределена недостаточно равномерно. Предлагаемая конструкция «теории существования» может стать трамплином на пути к изучению динамики власти и неравенства в опыте или достижениях тех или иных «экзистенциальных вех».

Наконец, «теория существования» помогает осмыслить множество современных социальных явлений, таких как популизм в политике, вынужденная миграция, пандемия новой коронавирусной инфекции, военные действия в разных странах мира. Контуры предлагаемой новой теории социального поведения фокусируются на временности существования в обществе. Научный вклад авторов «теории существования» представляет собой не столько полностью завершенную модель, сколько конструктивную попытку обрисовать контуры нового видения социального порядка и действия, которое нуждается в дальнейшем развитии. Свое название «теория существования» получила из-за связи ее основных идей с ключевыми понятиями экзистенциализма. Стоит признать, что некоторые аспекты этого теоретического подхода обнаруживают сходство не только с философией Мартина Хайдеггера или Жана-Поля Сартра, но и со взглядами Альфреда Шютца, Джорджа Герберта Мида и Карла Ясперса, поскольку эти исследователи также, хотя и каждый по-своему, обратили внимание на центральную роль времени в понимании человеческого опыта. Значимый вклад авторов «теории существования» заключается в том, что они стараются увидеть в социальном фактор, который как способствует, так и ограничивает феноменологическое существование индивида, группы, сообщества или общества. Учитывая социальную и индивидуальную значимость «экзистенциальных вех», акторы обычно прилагают исключительные усилия для их достижения, и это стремление оказывает важное структурирующее воздействие на их жизнь. При необходимости индивиды, группы и общности будут более или менее сознательно разрабатывать стратегию для достижения основных этапов. Иногда эту стратегическую роль берут на себя члены семьи или близкие друзья, нередко с ведома или согласия заинтересованных лиц.

Выделяются четыре типа «временных ограничений» (*temporal constraints*) для индивидов, достигающих соответствующих экзистенциальных рубежей: 1) биологические факторы, включая основной факт человеческой смертности, а также различ-

ные формы снижения физических возможностей; 2) социально-институциональные факторы; 3) физическая среда; 4) «специфические нормы конкретных обществ», которые «структурируют социальные ожидания относительно соответствующего возраста или жизненного этапа, на котором должна быть достигнута определенная “экзистенциальная веха”», и нарушение таких норм может привести к социальным санкциям» [Baert, Morgan, Ushiyama, 2022, p. 12].

Подобно подходам Дж.Г. Мида и А. Шютца, авторы «теории существования» признают большое значение «мотивов порядка» (*order motives*) и «проекции» (*projection*), стоящих за запланированными действиями, посредством чего воображение индивидов и общностей «действует» в рамках будущего совершенного времени, т.е. проецирует ожидаемое завершение действий до того, как приступить к ним. Авторы «теории существования» помещают эту ориентированность на будущее в более широкую картину мира, в которой воображение людей об общей продолжительности их жизни влияет на принимаемые ими решения; этот темпоральный и экзистенциалистский подход связывается с более традиционными структурными проблемами, касающимися власти и неравенства, учитывая, что социологи и социальные теоретики часто скептически относились к ценности экзистенциалистской и феноменологической философии именно из-за их предполагаемого игнорирования динамики власти и социального неравенства. Предлагаемая «теория существования» помещает в центре внимания структурные особенности непреодолимого неравенства сил. Не углубляясь в полномасштабное содержание этой теории, важно подчеркнуть, что она предлагает эмпирические переменные для измерения существования – и во временном аспекте, и в эмоциональном, когда оцениваются различные варианты будущего, которые может повлечь за собой каждое решение. Важная особенность «теории существования» состоит в том, что, согласно ее принципам, люди воображают или чувствуют свое «будущее прошлое»: завершенное прошлое с различных точек зрения на будущее; с учетом осведомленности социального субъекта о шансах и непредвиденных результатах – такое «будущее прошлое» может быть множественным для одного решения. С экзистенциальной точки зрения, люди обладают способностью размышлять о своей жизни как о воспри-

нимаемом целом с точки зрения прогнозируемых траекторий – то есть они могут и иногда воспринимают свои личные биографии как «завершенные проекты» (*accomplished projects*). Они могут представить, как будут выглядеть истории их жизни, если они будут вести их определенным образом, и часто организуют свое поведение вокруг проекции этих реализованных проектов; воображение здесь играет решающую роль. Осознание людьми необратимости времени и конечности существования регулярно влияет на то, как они действуют и принимают решения. Решения нельзя откладывать навсегда, а то, что не выполнено к определенному моменту, может вообще никогда не быть достигнуто. В «теории существования» индивиды понимаются как организующие свою жизнь вокруг ограниченного набора социально обусловленных «экзистенциальных вех», под которыми подразумеваются события, считающиеся настолько важными для вовлеченных в них людей (и их непосредственных сообществ), что без их достижения жизнь будет восприниматься как неполная и тяжелая.

Поскольку такой опыт полноты или неполноты жизни по своей сути предполагает суждение о том, какие события следует считать весьма значимыми для социальных субъектов, авторы «теории существования» понимают свои идеи и предложения как вклад в работу, которая призывает серьезно относиться к смыслу во всех социальных науках. Имеется в виду, что есть веские основания полагать, что отказ в возможности реализовать или спланировать такие социально специфичные вехи (*specific milestones*) ставит под угрозу способность жить полноценной человеческой жизнью. Отсутствие самой возможности экзистенциальных проектов – через потерянность или апатию, открытое или скрытое разрушение самооценки, насилие или угрозу насилия, социальную изоляцию и неравенство – угрожает человечности самым фундаментальным образом. Тем самым предложение авторов «теории существования» можно рассматривать как вклад в возрождение критического гуманизма в социологии.

Некоторые «экзистенциальные вехи» также могут зависеть от других. Например, в определенных контекстах «законная» биологическая репродукция человека зависит от брака, а брак считается возможным только в контексте материальной безопасности, которая, в свою очередь, зависит от других основных «экзистенци-

альных вех» (достижение подходящего возраста, достижение оплачиваемой работы, нахождение безопасного жилья и т.д.). В таких случаях мы имеем то, что авторы теории существования назвали «экзистенциальной лестницей», согласно которой каждая «экзистенциальная веха» является предпосылкой для достижения следующей «ступени». У этой «экзистенциальной лестницы» есть временное измерение: «экзистенциальные вехи», расположенные ниже, должны произойти раньше во времени. Нормативное и изменчивое в культурном отношении измерение «экзистенциальных вех» тесно связано с тем, как сочетание их и временных ограничений придает экзистенциальную актуальность. Под «экзистенциальной актуальностью» («срочностью» – *existential urgency*) авторы «теории существования» подразумевают ожидание от людей того, что им, возможно, придется отказаться от конкретной «экзистенциальной вехи», если она не будет достигнута в определенный момент. Например, можно ожидать, что учащиеся старших классов из социальных групп, в которых получение высшего образования считается нормой, будут, еще находясь на школьной скамье, стремиться к выбору специальности в бакалавриате. Вероятно, результаты этого выбора могли бы быть другими, если бы школьникам был предоставлен более длительный период времени для обдумывания будущей карьеры.

«Экзистенциальная срочность» может привести к тому, что люди в индивидуальном или коллективном порядке будут принимать решения, которые могли бы быть отложены или, возможно, не были бы приняты. «Экзистенциальная срочность» может стать более интенсивной, поскольку люди осознают, что отказ от одной конкретной «экзистенциальной вехи» может привести к отказу от последующих вех. Таким образом, экзистенциальные решения, принятые «здесь и сейчас», ограничиваются или допускаются решениями, принятыми в прошлом, и в свою очередь ограничивают или допускают те, которые могут быть приняты в будущем. В итоге ветвистая структура такого экзистенциального принятия решений действует вокруг зависящих от жизненного пути принципов, которые ограничивают или расширяют жизненные возможности кумулятивным и социально неравным образом.

Авторы «теории существования» время от времени переходят к бурдьезианским темам и терминологии; например, это про-

исходит, когда они пишут, что неспособность достичь определенной «экзистенциальной вехи» может привести к тому, что человек будет объяснять причину неудачи своими личными качествами, а не подвергать сомнению легитимность таких вех или не привлекать внимание к структурным условиям, которые расширяют возможности или препятствуют им. Формы самоисключения можно рассматривать через концепцию «символического насилия» Бурдьё. Такое поведение помогает воспроизводить доксические (*doxic*) нормативные условия внутри общества [Baert, Morgan, Ushiyama, 2022, p. 16, 19].

Зарождение «современного модерна» (*contemporary modernity*) в определенных регионах и для определенных групп можно охарактеризовать как усиление «обратимости времени» (*reversibility of time*), в то время как для других групп в других регионах может иметь место обратное, и первое может быть внутренне связано со вторым, в смысле опоры на него. Даже если кто-то не достиг заданных «экзистенциальных вех» к определенному времени, могут существовать возможности для их достижения на более позднем этапе. Каждый социальный порядок, по-видимому, имеет и в некоторой степени вращается вокруг определения «экзистенциальных вех» для отдельных лиц и групп, а также достижения (или нет) этих вех такими лицами. Характерно, что «современные» социальные формации умножают варианты и, следовательно, двусмысленности, а также возможные формы нетрадиционных мыслей и действий. Если традиционно определенные вехи все еще принимаются, они могут быть стратегически отложены до более поздних моментов времени, особенно теми, кто обладает ресурсами, или могут осуществляться опосредованно через других, часто через потомков. Необходимо признать отсутствие в современной социальной формации «совершенной гомологии между “экзистенциальными вехами” индивида и доминирующими ожиданиями общества в отношении таких вех» [Baert, Morgan, Ushiyama, 2022, p. 12]. Утверждается, что это признание придает динамизм концепции авторов и позволяет объяснить несовершенные социальные модели или то, что можно было бы назвать эмпирическим «беспорядком» социальной жизни. Такой фокус объединяет микро- и макроуровни анализа: необходимо «развить лучшее понимание того, когда и как организованное сопротивление “экзистенци-

альным вехам» накапливается до точки инициирования более широких социальных изменений, тем самым соединяя микросоциальное (ощущение себя) и макросоциальное (политические изменения, правовая реформа)» [Baert, Morgan, Ushiyama, 2022, p. 12–13]. Соответственно, современный социальный порядок характеризуется «умножением систем ценностей и связанным с этим увеличением зачастую противоречивых экзистенциальных вех» [ibid., 2022, p. 14]. Такая ситуация может составить социальную основу для усиления основной черты экзистенциальной философии – тревоги, вызванной одновременной необходимостью и невозможностью выбора во все более плюралистическом мире, в котором мы «обречены быть свободными» [ibid.].

«Противоречивые вехи» – те, относительно которых отдельные люди, пары или, возможно, более крупные группы не могут принять решения, не имея ресурсов для достижения всех из них; решение достичь некоторых из вех приходится отложить или отказаться от них вовсе. В современном общественном порядке, вероятно, существует больше возможностей для индивидуальных и групповых инноваций. В стремлении к «аутентичности» некоторые люди стремятся установить свои собственные «экзистенциальные вехи», будь то завершение интеллектуального или художественного проекта, приключение, финансовая независимость или спортивные достижения. От определенных вех или конкретных способов их достижения можно пассивно отказаться или активно противостоять им на индивидуальном или групповом уровне, в том числе за счет действий, которые бросают вызов «ожиданиям и переопределяют нормативные конвенции» [Baert, Morgan, Ushiyama, 2022, p. 16–17]. Баерт, Морган и Ушияма позиционируют «теорию существования» как способ решения важных проблем. Они используют при этом современную социальную теорию в качестве помощи для конкретизации своей теории, в том числе с точки зрения объяснения того, почему определенные важные явления становятся такими, какие они есть.

Существуют различные примеры потерянных «экзистенциальных вех», которые в современном мире возможно восстановить (например, с помощью вспомогательных репродуктивных технологий лечится бесплодие, недостаток образования можно восполнить в зрелые годы). Эта обратимость времени отчасти зависит от

доступа к новым технологиям и возможностям, которые сами по себе являются функцией социальной власти и привилегий.

Акцент «теории существования» на отношениях актора со временем в высшей степени совместим и дополняет методы исследования, включая помимо прочего биографические и автобиографические методы, этнографические подходы и другие качественные методы, ориентированные на лонгитюдную традицию. Количественные методы (типа ивент-анализа) могут также выявить исторические моменты, в которых «частные» проблемы, связанные с личными «экзистенциальными вехами», становятся общественными проблемами, решение которых достигается посредством социальных протестов и политических действий. Более того, количественные демографические подходы к сравнительным исследованиям жизненного пути тоже весьма актуальны для уточнения «теории существования». С их помощью ученые изучают, существуют ли нормы, влияющие на выбор жизненного пути, и исследуют способность людей планировать и реализовывать свои жизненные планы.

Каким бы ни было методологическое применение «теории существования», ее авторы утверждают, что акцент на «экзистенциальных вехах» позволяет систематически анализировать социальные силы, и делает это таким образом, чтобы избежать создания овеществленного образа социальной структуры как вещи, существующей «где-то там». Фокус на «экзистенциальных вехах» раскрывает систематическую структуру социальной жизни двумя основными способами. Во-первых, изучение доминирующих ожиданий относительно того, каким должен быть экзистенциальный рубеж для конкретной категории социальных субъектов, в какой конкретный момент или на каком жизненном этапе этот экзистенциальный рубеж должен быть достигнут, раскрывает ключевой элемент нормативной структуры, специфичной для конкретного общества на протяжении всей жизни индивида. Такие нормы реализуются не только в результате ожиданий, но и в следовании поведенческим паттернам большинства членов данного общества. Например, при неспособности достичь определенной «экзистенциальной вехи» человек может объяснять причину неудачи своими личными качествами, а не подвергать сомнению обстоятельства, которые этому препятствуют. Такое поведение помогает воспро-

изводить доксические нормативные условия внутри общества. Во-вторых, надо иметь в виду, что в то же время нормативные ожидания не совсем стабильны.

Рассмотрение как репрессивного, так и освободительного потенциала «экзистенциальных вех» может помочь лучше понять, когда и как организованная оппозиция «экзистенциальным вехам» накапливается до такой степени, что инициирует более широкие социальные изменения, тем самым соединяя микросоциальное (ощущение себя) с макросоциальное (политические изменения, правовые реформы). Можно утверждать, что при прочих равных условиях более привилегированные акторы или группы в конкретной социальной сфере будут делать выбор в пользу более амбициозных в нормативном плане «экзистенциальных вех» и обладать повышенной способностью их достигать; кроме того, эти субъекты имеют большую способность переопределять «экзистенциальные вехи» для себя и других. Авторы «теории существования» предлагают исследовательскую программу, которая может осуществляться ими самими и / или другими людьми и включает сравнительное изучение «экзистенциальных вех». Этот подход «позволяет понять и обеспечить систематические межкультурные и межисторические сравнения нормативной архитектуры, уникальной для конкретных обществ» [Baert, Morgan, Ushiyama, 2022, p. 17].

Хотя отдельные случаи несоблюдения социальных норм можно отвергнуть как аномалии или неудачи, скорее всего нормативные изменения могут возникнуть вследствие накопленных случаев несостоявшихся ожиданий. К примеру, широко распространенная и длительная нехватка финансовых ресурсов у молодых людей может привести к тому, что они вернутся в дом своих родителей или просто отложат сепарацию от родительской семьи, хотя другие переменные, такие как культура, этническая принадлежность и режим социального обеспечения влияют на то, насколько распространено подобное явление. В некоторых странах Южной Европы совместное проживание детей и родителей становится нормой, однако введение в обиход уничижительных прозвищ типа «дети-бумеранги» показывает, что независимая жизнь молодежи по-прежнему считается нормативно предпочтительной моделью поведения. В других случаях причиной нормативных сдвигов становится не неспособность людей достичь «экзистенциальных вех»,

а сознательный вызов ожиданиям, переопределяющий нормативные соглашения. Например, знакомство с друзьями, родственниками или коллегами, имеющими нетрадиционные семейные модели (включающие, допустим, полиаморные отношения), может побудить людей придерживаться менее традиционалистских взглядов на семейное устройство и впоследствии породить более широкие изменения в общественном мнении. Более того, социальные нормы, касающиеся «экзистенциальных вех», могут бросить вызов посредством коллективной мобилизации, сделав «личное» политическим, как это видно, например, в волнах развития феминистского движения, имеющих довольно длительный и последовательный характер.

Подводя предварительные итоги, следует подчеркнуть, что принципы «теории существования» даются в свете двух основных тем: общего описания человеческого существования и более эмпирической социологии «экзистенциальных вех». Оба элемента оцениваются сквозь призму экзистенциальной философии и более ранних попыток создания экзистенциальной социологии 1970-х и 1980-х годов; последняя в первую очередь была популярна в американской социологии и имеет некоторое сходство с исследованиями повседневной жизни. В то же время авторы «теории существования» по сравнению с социологами-экзистенциалистами исследуют «более длительную временную перспективу, особенно обращая внимание на то, как индивиды организуют свою жизнь» [Baert, Morgan, Ushiyama, 2022, p. 8]. Предлагаемый подход стимулирует начать: 1) больше думать об «экзистенциальных вехах» как о важном фокусе социологии и смежных дисциплин (эмпирическое достижение); 2) больше учитывать то, как акторы представляют себя в дальнейшем, каковы станут их социальные позиции, что и как они будут хотеть делать при планировании своей жизни (социологическое достижение); 3) поразмышлять над тем, как экзистенциальная философия и предыдущие попытки создания экзистенциальной социологии могут снова стать полезными для социальной теории (теоретическое достижение).

Выводы

Нельзя сказать, что анализируемая нами «теория существования» – это что-то сверхновое на горизонте англо-американской социальной науки. Как отмечал еще Г. Абенд, теория может иметь значение как мировоззрение (*Weltanschauung*) [Abend, 2008, p. 179], которое характеризуется набором идей, касающихся фундаментального взгляда на мир, его возможности и вызовы, а также нарративов об исторических тенденциях. Данный элемент теоретизирования являлся частью полемики Р. Мертона против грандиозного теоретизирования Т. Парсонса. Как подчеркивала М. Краузе, в контексте этой традиции теоретизирование может быть связью нового социального акта с исторической тенденцией, с вопросами прогресса / упадка, свободы / власти или с «экзистенциальной проблемой» [Krause, 2016, p. 24], что возвращает нас к исходному пункту «теории существования». Данная практика формирует социологическое понимание общественных вопросов и часто присутствует в том, что М. Сэвидж называл «эпохальными направлениями социальной мысли» [Savage, 2009, p. 217], а Ф. Осреки – «диагностикой времени» (*Zeitdiagnose*) [Osrecki, 2011, p. 9]. В этом контексте социологическое теоретизирование заключается в создании оригинальных концепций в отношении эмпирического наблюдения новых явлений. Имеется в виду то, что делал М. Вебер, когда размышлял о различиях в типах власти, или то, что делал П. Бурдьё, когда писал о культурном капитале. Этот аспект теоретизирования особо подчеркивал Р. Сведберг, советуя дать феномену «новое имя» [Swedberg, 2016, p. 7].

На наш взгляд, то, что предложили авторы, еще не является теорией в полном смысле этого слова. Социальная теория, как известно, требует проработанных объяснений многих вещей, в том числе: того, что находится «внутри» каждого человеческого существа (разум, эмоции, самость, познание, рациональность, аффективное действие, агентность, тело, телесность); того, что существует между ними (различные виды социальных отношений, формы взаимодействия, способы общения); того, что (возможно) существует над ними и вне их (структуры, системы, культурные образования, коллективные воспоминания, исторические влияния); того, как они связаны с различными типами нечеловеческих существ

(разнообразными объектами, технологиями и их возможностями, животными, не являющимися людьми, физической средой); того, в каких социальных формациях живут люди (преимущественно и условно домодернистские и современные варианты). Теория также должна объяснять, почему что-то происходит. В настоящее время «теория существования», предложенная авторами, еще не находится на той стадии, когда она выработала свои позиции по всем этим вопросам, но ей придется это сделать, чтобы дать читателям действительно широкомасштабное описание множества аспектов существования. Только таким образом она сможет сделать то, для чего предназначены социальные теории: определить, что происходит в человеческом (и нечеловеческом) существовании, а также дать убедительное объяснение того, почему это происходит [Inglis, 2022, p. 36] и что за этим кроется.

Список литературы

- Abend G.* The meaning of «theory» // Sociological theory. – 2008. – Vol. 26, N 2. – P. 173–199.
- Adler F.* The social thought of Jean-Paul Sartre // American journal of sociology. – 1949. – Vol. 55, N 3. – P. 284–294.
- Baert P.* The existentialist moment : the rise of Sartre as a public intellectual. – Cambridge : Polity press, 2015. – 231 p.
- Baert P., Morgan M., Ushiyama R.* Existence theory : outline for a theory of social behaviour // Journal of classical sociology. – 2022. – Vol. 22, N 1. – P. 7–29.
- Bishop T.* Superstar of the mind // The New York times. – 1987. – Section 7. – P. 11.
- Bondy F.* Jean-Paul Sartre and politics // The journal of contemporary history. – 1967. – Vol. 2, N 2. – P. 25–48.
- Inglis D.* Existentialising existence theory and expanding the sociology of existential milestones // Journal of classical sociology. – 2022. – Vol. 22, N 1. – P. 30–48.
- Kirsner D.* The schizoid world of Jean-Paul Sartre and R.D. Laing. – Brisbane : University of Queensland press, 2003. – 197 p.
- Krause M.* The meanings of theorizing // British journal of sociology. – 2016. – Vol. 67, N 1. – P. 23–29.
- Osrecki F.* Die Diagnosegesellschaft : Zeitdiagnostik zwischen Soziologie und medialer popularität. – Bielefeld : Transcript Verlag, 2011. – 380 p.
- Sartre J.-P.* Existentialism and humanism / translation and introduction by Ph. Mairet. – London : Methuen, 1949. – 70 p.
- Savage M.* Against epochalism : an analysis of conceptions of change in British sociology // Cultural sociology. – 2009. – Vol. 3, N 2. – P. 217–238.

Susen S. Critical remarks on existence theory : between existentialism and phenomenology // *Journal of classical sociology*. – 2022. – Vol. 22, N 1. – P. 49–84.

Susen S. The foundations of the social : between critical theory and reflexive sociology. – Oxford : Bardwell press, 2007. – 360 p.

Swedberg R. Before theory comes theorizing or how to make social science more interesting // *The British journal of sociology*. – 2016. – Vol. 67, N 1. – P. 5–22.

References

Abend G. The meaning of «theory». *Sociological theory*. – 2008. – Vol. 26, N 2. – P. 173–199.

Adler F. The social thought of Jean-Paul Sartre. *American journal of sociology*. – 1949. – Vol. 55, N 3. – P. 284–294.

Baert P. *The existentialist moment : the rise of Sartre as a public intellectual*. – Cambridge : Polity press, 2015. – 231 p.

Baert P., Morgan M., Ushiyama R. Existence theory : outline for a theory of social behaviour. *Journal of classical sociology*. – 2022. – Vol. 22, N 1. – P. 7–29.

Bishop T. Superstar of the mind. *The New York times*. – 1987. – Section 7. – P. 11.

Bondy F. Jean-Paul Sartre and politics. *The journal of contemporary history*. – 1967. – Vol. 2, N 2. – P. 25–48.

Inglis D. Existentialising existence theory and expanding the sociology of existential milestones. *Journal of classical sociology*. – 2022. – Vol. 22, N 1. – P. 30–48.

Kirsner D. *The schizoid world of Jean-Paul Sartre and R.D. Laing*. – City Brisbane : University of Queensland press, 2003. – 197 p.

Krause M. The meanings of theorizing. *British journal of sociology*. – 2016. – Vol. 67, N 1. – P. 23–29.

Osrecki F. *Die Diagnosegesellschaft : Zeitdiagnostik zwischen Soziologie und medialer popularität*. – Bielefeld : Transcript Verlag, 2011. – 380 p.

Sartre J.-P. *Existentialism and Humanism*. Translation and introduction by Ph. Mairet. – London : Methuen, 1949. – 70 p.

Savage M. Against epochalism : an analysis of conceptions of change in British sociology. *Cultural sociology*. – 2009. – Vol. 3, N 2. – P. 217–238.

Susen S. Critical remarks on existence theory : between existentialism and phenomenology. *Journal of classical sociology*. – 2022. – Vol. 22, N 1. – P. 49–84.

Susen S. *The foundations of the social : between critical theory and reflexive sociology*. – Oxford : Bardwell press, 2007. – 360 p.

Swedberg R. Before theory comes theorizing or how to make social science more interesting. *The British journal of sociology*. – 2016. – Vol. 67, N 1. – P. 5–22.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

УДК 316.346

DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.07

РАРЕНКО А.А.* БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЕЖИ И ПРОБЛЕМЫ
БЕЗРАБОТИЦЫ (Обзор)

Аннотация. Благополучие молодежи – одна из актуальных проблем современности. Как показывают социологические исследования последнего десятилетия, безработица среди молодого населения растет. Для описания незанятого молодого населения используется термин NEET (Not in employment, education, or training, букв. «не работает, не учится и не проходит профессиональную подготовку»). В обзоре представлены работы современных западных социологов, анализирующих причины социального неблагополучия молодежи в европейских странах.

Ключевые слова: молодежь; благополучие; качество жизни; NEET; безработица.

Для цитирования: Раренко А.А. Благополучие молодежи и проблемы безработицы (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 4. – С. 125–136. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.07

Статья поступила: 03.10.2023.

Принята к публикации: 27.10.2023.

RARENKO A.A.** Youth's well-being and unemployment (Literature review)

* Раренко Андрей Алексеевич – младший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; andrej97@rambler.ru

** Rarenko Andrey Alekseevich – Junior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; andrej97@rambler.ru

Abstract. The well-being of young people is one of the urgent problems of our time. As sociological studies of the last decade show, unemployment among the young population is growing. The term NEET (Not in employment, education, or training) is used to describe the unemployed young population. The review presents the works of contemporary Western sociologists analyzing the causes of social disadvantage of young people in European countries.

Keywords: youth; well-being; quality of life; NEET; unemployment.

For citation: Rarenko A.A. Youth's well-being and unemployment (Literature review). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2023. – N 4. – P. 125–136. DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.07

Received: 03.10.2023.

Accepted: 27.10.2023.

Вопрос о благополучии молодежи – сегодня один из актуальных для разных стран мира. Об этом свидетельствует не только число социологических и статистических исследований на данную тему, но и появление особого термина – NEET (Not in employment, education, or training, в пер. с англ. «не работает, не учится и не проходит профессиональную подготовку») для описания не вовлеченной в социальную жизнь молодежи в возрасте примерно от 15 до 34 лет.

В статье Х. Рахмани и В. Гроота (Школа бизнеса и экономики, Маастрихтский университет, Нидерланды) рассматриваются проблема молодежной безработицы и факторы риска для наиболее ее уязвимой группы, относящейся к NEET [Rahmani, Groot, 2023]. Авторы отмечают, что привлекательность концепции NEET-молодежи обусловлена предполагаемой возможностью ее использования при анализе широкого спектра проблем молодежи, включая опасения по поводу безработицы, раннего ухода из школы и разочарования на рынке труда. Авторы отмечают, что все эти проблемы требуют внимания, поскольку молодежь сталкивается с последствиями экономического кризиса, особенно в промышленно развитых странах, а также кризисов глобальных [Rahmani, Groot, 2023].

Показатель NEET – относительно новый и только начинает привлекать внимание политиков и средств массовой информации. В 2021 г. уровень занятости молодежи упал на 8,7% по всему миру, это сильно опережает средний показатель занятости среди взрослого населения в целом (в этой группе уровень занятости сократился всего лишь на 3,7%). Это неравенство, по мнению авторов, – результат последствий пандемии COVID-19 для молодежи. Как справедливо замечают Рахмани и Гроот, если не будут приняты меры для решения этой проблемы, шансы молодежи на трудоустройство ухудшатся. В развивающихся странах концентрация представителей NEET-сообщества ниже: там молодежь не может долго оставаться без заработка и чаще готова заниматься небезопасной и низкооплачиваемой работой в неформальном секторе.

Авторами было проведено исследование, основанное на всестороннем обзоре литературы о NEET-молодежи. Обзор основан на критериях исследования PRISMA, где выявляются и сопоставляются данные о факторах риска быть выключенным из социальной жизни среди молодежи. В обзоре обобщены данные 91 научной работы, опубликованной в период с 2000 по 2022 г. Большинство проанализированных в обзоре работ было выполнено в скандинавских странах, Англии, Италии и Испании.

По словам авторов, ими подготовлена первая публикация, в которой представлен масштабный систематический обзор факторов риска NEET-молодежи. Выводы обзора несколько ограничены значительными различиями в методологиях исследования, характеристиках выборки, способах измерения изучаемых признаков, представления результатов и выводов различных исследований, однако широкий охват работ все равно позволил выявить некоторые общие факторы. Среди ключевых переменных, связанных с принадлежностью к NEET-сообществу, авторы выделяют индивидуальные характеристики, имеющееся образование, опыт работы, состояние здоровья, наличие или отсутствие вредных привычек, социальные, семейные и экологические факторы.

Рахмани и Гроот также указывают, что применяемые при исследовании феномена NEET-молодежи методы не всегда дают точный результат. Так, например, в исследованиях представителей NEET часто не хватает информации о важнейших социально-психологических причинах их положения (например, личных про-

блемах, опыте безработицы и статусе родителей), следовательно, необходимы дополнительные качественные исследования для изучения NEET-сообщества. Сбор качественных данных о NEET-молодежи также сопряжен с рядом трудностей.

По наблюдениям авторов, образование и переменные, связанные с семьей, оказывают решающее влияние на попадание в категорию NEET-молодежи. В целом авторами рассматриваемого обзора были проанализированы такие факторы риска, как стоимость обучения, длительная безработица, возраст, проблемы со здоровьем, вредные привычки, специфические поведенческие паттерны, особенности семейного положения. Вероятность стать NEET значительно возрастает с возрастом. Если в 15–19 лет таковых немного, то в 20–24-летнем возрасте количество представителей NEET значительно повышается. Мужчины реже пополняют ряды NEET: в европейских странах в 2020 г. число представителей NEET среди юношей составляло 15,3%, среди девушек – 31,1%.

В заключение авторы подчеркивают, что согласно полученным результатам, основными факторами риска для социально уязвимой молодежи являются проблемы с получением образования и трудоустройством, сложное материальное положение и низкий социальный статус семьи, трудности с физическим и психическим здоровьем. Авторы признают, что потребуются значительные усилия для дальнейшего изучения феномена NEET из-за недостатка качественной и достоверной информации об этой группе молодежи.

Ж. Йонгблуд и Ж.-Ф. Жире (Бургундский университет, г. Дижон, Франция) в статье «Качество жизни NEET-молодежи в сравнительной перспективе: субъективное благополучие во время транзита от юности к взрослой жизни» отмечают, что молодежь, которая не работает и не получает образования или профессиональной подготовки, стала заметной социальной группой в дискуссиях о нюансах европейской социальной политики [Jongbloed, Giret, 2022]. Возрастной диапазон представителей NEET-сообщества варьируется в зависимости от исследовательского замысла; например, Евростат определяет возрастные границы этой группы как 15–34 года (в некоторых исследованиях нередко встречаются возрастные границы от 20 до 34 лет) [Jongbloed, Giret, 2022, p. 322]. Уровень показателя NEET обычно определяют как процент молодежи, которая не вовлечена в какую-либо социальную актив-

ность. Феномен NEET-молодежи находится в центре внимания исследователей разных стран мира приблизительно с 2015 г.

Основная цель исследования состоит в том, чтобы сравнить социальную политику разных европейских стран в отношении наиболее уязвимой части молодежи, включая представителей NEET. Авторы на основе данных Европейского социального исследования (ESS) изучают субъективное благополучие (SWB) молодежи, относящейся и не относящейся к категории NEET, в 24 странах Европы. Особое внимание уделяется анализу различных уровней доступной социальной защиты с точки зрения распределения социальных благ. Также учитываются благосостояние семей молодых людей, готовность родных участвовать в поддержке молодежи в период взросления, принятые в различных странах нюансы организации транзита от школы к работе и социокультурные нормы, регулирующие переход во взрослую жизнь.

Исследователи предположили, что уровень благополучия NEET-молодежи будет выше там, где обеспечена более комплексная социальная защита, а уровень социального неравенства между обычной молодежью и представителями NEET будет минимален в странах, для которых социальной нормой является длительный и плавный транзит от юности к взрослости.

В результате исследования было подтверждено, что различия в разных странах в индивидуальном благополучии NEET-молодежи в значительной степени обусловлено гипотезой: NEET-молодежь чувствует себя лучше в обществах с сильной социальной поддержкой и нередко в случаях, когда государственная поддержка подкрепляется семейной. Кроме того, NEET-статус связан с более низкими уровнями личного и социального благополучия. У NEET-молодежи по сравнению с обычной молодежью, как правило, небольшая удовлетворенность жизнью, более слабое физическое и ментальное здоровье.

В исследовании отмечается, что классификация стран по показателям и результатам исследований NEET-молодежи фиксируют различные закономерности в моделях, характерных для Скандинавии, континентальной Европы, англосаксонского мира, Южной Европы и постсоциалистических стран. Некоторые формы государственной поддержки смягчают негативное воздействие безра-

ботицы, например, благосостояние безработной молодежи лучше в условиях более высоких пособий по безработице.

Исследователи в своей работе используют концепцию о различных типах режимов взросления молодежи в европейских странах: универсалистском, либеральном, ориентированном на занятость, субзащитном и посткоммунистическом. Эта классификация учитывает институциональную и политическую специфику того или иного общества: государственную систему образования, профессиональной подготовки и социального обеспечения, особенности регулирования сферы занятости, государственную политику в отношении взросления молодежи и культурные нормы социума.

В универсалистских странах наблюдается самый высокий уровень участия женщин на рынке труда, но также здесь явно выражена вертикальная и горизонтальная профессиональная сегрегация по гендерному признаку. Либеральные страны, наоборот, характеризуются низкими показателями профессиональной сегрегации. В ориентированных на занятость (консервативных) странах большое внимание уделяется обучению и профессиональной подготовке, которые, согласно нормативным представлениям жителей этих стран, должны предшествовать трудоустройству. Субзащитные режимы отличаются высоким уровнем безработицы и наибольшей долей представителей NEET среди молодежи. Посткоммунистическим странам свойственно достаточно большое количество не вовлеченных в трудовую и социальную деятельность молодых женщин, хотя в прошлом женщины социалистических стран были активными участницами местных рынков труда [Jongbloed, Giret, 2022, p. 324–325].

Авторы статьи в ходе исследования стремились проверить три гипотезы.

1. Уровень благополучия представителей NEET-сообщества будет ниже, чем у обычной молодежи, но оно также будет существенно различаться в различных подгруппах (работающие, студенты, безработные и пр.).

2. NEET-молодежь живет лучше в странах с универсалистской моделью и странах, ориентированных на занятость, поскольку там доступны комплексные меры социальной защиты.

3. Относительное неравенство между NEET и обычной молодежью будет сведено к минимуму в странах, где длительный

переход от учебы к работе является нормой и где преобладает семейный режим социального обеспечения, например, в субзащитных и посткоммунистических странах [Jongbloed, Giret, 2022, p. 325–326].

В целях достижения исследовательских задач были выделены пять групп молодежи: 1) те, кто работает; 2) те, кто учится на дневном отделении; 3) те, кто временно безработен; 4) «хронические безработные»; 5) те, кто официально не работает и ведет домашнее хозяйство.

Главный исследовательский интерес состоял в том, чтобы изучить, как благополучие молодых людей зависит от их NEET-статуса и режимов взросления и социального обеспечения, принятых в странах их проживания. Как ожидалось, результаты исследования обнаружили различия в подгруппах NEET-сообщества. Например, оказалось, что те, кто занят ведением домашнего хозяйства, как правило, демонстрируют достаточно высокий уровень субъективного благополучия (в отличие от безработных). Гипотеза о том, что NEET-молодежи лучше живется в универсалистских государствах и странах, ориентированных на занятость, была полностью подтверждена. Предположение же о стирании неравенства между NEET и обычной молодежью в странах с традиционно продолжительным периодом транзита и сильной семейной поддержкой не подтвердилось.

Подводя итог, исследователи отмечают, что неравенство в благополучии между NEET и обычной молодежью зависит не только от объема государственной поддержки, но и от жесткости организации и стремительности транзита от юности к взрослости. Уровень социального благополучия молодежи традиционно является самым высоким в странах с универсалистским режимом социального обеспечения, однако и степень неравенства между наиболее уязвимыми группами молодежи, включая представителей NEET, и остальной молодежью выше всего там же. Несмотря на то что страны Северной Европы обычно хвалят за эффективные механизмы социального обеспечения, оказывается, что эти механизмы на самом деле могут быть вредны в отношении слаборесурсной части молодежи, которая по каким-либо причинам не развивает свой человеческий капитал, так как щедрость социальных пособий

не устраняет негативного воздействия безработицы на жизнь и самоощущение молодежи.

А. Рокка (Неаполитанский университет Партеопы, Италия), Г. Неагу (Румынская академия, г. Бухарест, Румыния) и Дж. Тосун (Гейдельбергский университет, Германия) в статье «Переход представителей NEET от учебы в школе к работе: сравнительный анализ европейских стран» задаются вопросом, почему современная молодежь не заинтересована в получении университетского образования и что заставляет ее бросать учебу в вузах [Росса, Neagu, Tosun, 2022]. В рассматриваемой работе изучается связь между причинами, по которым молодые люди принимают решение оставить университет, и исследуется влияние этого решения на вероятность пополнить ряды NEET-сообщества разных европейских стран.

Усилия по созданию уникального европейского рынка труда и сокращению социально-экономического неравенства в целом можно считать успешными: рынок труда в странах – членах Европейского Союза (ЕС) сегодня характеризуется различными возможностями для молодежи, тем более для той ее части, которая, получив образование, ищет свое первое место работы и не обладает фактически нулевым опытом работы. Однако это не отменяет проблемы безработицы в отдельных европейских странах. Существует распространенное мнение о том, что молодежь сталкивается с наибольшими трудностями, в том числе с проблемами при трудоустройстве или даже невозможностью найти работу, после получения образования в странах Южной и Восточной Европы, тогда как в странах Западной Европы переход от учебы к работе происходит менее травматично. Исторически сложилось так, что в странах Южной и Восточной Европы феномен NEET более распространен, особенно это было заметно в период экономического и финансового кризиса, развернувшегося в 2008 г. Считается, что это является результатом сложного взаимодействия индивидуальных, институциональных и структурных факторов, определяющих вектор развития этих стран.

Рассматриваемая авторами работа опирается на данные специального модуля исследования рабочей силы (Labour force survey,

LFS) «Молодежь на рынке труда» (2016)¹, который содержит информацию об образовательных траекториях молодых людей и об их трудовом опыте после окончания обучения, а также сведения о потенциальных объясняющих детерминантах типа социально-демографических характеристик (пол, уровень образования и степень урбанизации), семейного происхождения (размер семьи и уровень образования родителей) и др.

Авторы изучают причины, вынудившие или побудившие студентов с разным объемом социальных ресурсов оставить университет, а также то, как это решение влияет на вероятность стать NEET в будущем. Также ими сравниваются аналогичные данные разных стран, что позволяет учитывать те или иные социальные контексты, специфичные для конкретного государства. Исследование охватывает страны, которые образуют относительно однородные группы. В выборке есть Австрия, Германия и Швейцария как представители континентального режима STWT (*school-to-work transition*, букв. «переход от школы к работе»); Италия и Греция, где действует дополнительный защитный режим STWT; а также Болгария и Румыния, относящиеся к группе восточноевропейских стран со сложными для описания режимами взросления.

Чтобы выбрать страны для каждого типа режима STWT, был проведен кластерный анализ с более широким набором стран, в выборку из стран Восточной Европы вошли также Чехия, Венгрия и Словакия, из стран Средиземноморья – Португалия и Испания. Переменными, выбранными для кластерного анализа, были: доля тех, кто не окончил школу, доля выпускников высших учебных заведений, доля молодых людей со средним уровнем образования, уровень занятости среди людей в возрасте от 15 до 24 лет, доля NEET-молодежи, а также уровень безработицы среди взрослого населения, уровень рождаемости и средний возраст при рождении первого ребенка.

Молодые люди становятся NEET в случае, когда их транзит от школы до получения профессии по каким-либо причинам происходит неудачно. Взаимосвязь между политикой на рынке труда,

¹ См.: Labour force surveys // ILO survey catalogue. – URL: <https://www.ilo.org/surveyLib/index.php/catalog/LFS/?page=1&from=2016&to=2016&ps=15&repo=LFS> (accessed: 01.10.2023).

экономическим ростом и уровнем безработицы в стране сложна: обычно высокий уровень безработицы увеличивает число относящихся к NEET, но снижает количество не окончивших школу (ESL; букв. *early school leavers*) (в отсутствие конкретных возможностей трудоустройства семьи школьников не поощряют их покидать школу). В 2016 г. около 11% молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет в ЕС относились к ESL, их доля колебалась от примерно 5% в Швейцарии и до 18% – в Румынии [Росса, Neagu, Tosun, 2022, р. 134S]. Такая высокая доля не только наносит ущерб экономическому потенциалу страны, но и имеет серьезные социальные и финансовые последствия для европейских обществ. ESL составляют значительную долю NEET в Европе. Несколько факторов, по словам авторов статьи, имеют отношение к взаимосвязи между решением досрочно покинуть школу и вероятностью стать NEET. К ним относятся, прежде всего, такие характеристики, как низкий социально-экономический статус семьи (в зоне риска дети из семей мигрантов), успеваемость, в отдельных случаях женский пол и пр. [ibid.].

Авторы сравнивают уровни безработицы среди молодежи (15–24 года) и взрослого населения (25–64 года). Соотношение между этими двумя показателями представляет степень относительного неблагополучия молодежи: по сравнению со средним показателем по ЕС (2,46) самые высокие значения демонстрируют Румыния (4,12) и Италия (3,71), а минимальное – Германия (1,82) [Росса, Neagu, Tosun, 2022, р. 134S]. Эти цифры подтверждают распространенное мнение о том, что в некоторых европейских странах молодые люди бросают школу и переживают плавный переход, тогда как в других им трудно найти работу.

Что касается причин раннего прекращения учебы, то в странах континентальной Европы и Средиземноморья большая вероятность стать NEET обусловлена семейными причинами, в то время как в странах Восточной и Южной Европы преобладают причины, связанные со здоровьем. В странах Южной и Восточной Европы молодые женщины имеют более высокий риск стать NEET по семейным обстоятельствам. В то же время, если молодой человек оставил образование из желания поскорее начать работать, то он вряд ли пополнит ряды NEET-молодежи. Исходя из этого, ав-

торы статьи делают вывод о том, что отказ от получения высшего образования «ради работы» является осознанным выбором.

Авторы статьи отмечают, что отказ от высшего образования нередко имеет «наследственную» природу: молодые люди, отцы которых имеют более низкий уровень образования и происходят из многодетных семей, имеют более высокий риск попасть в число NEET [Росса, Neagu, Tosun, 2022, р. 144S]. По словам авторов, результаты данного исследования согласуются с результатами других схожих исследований европейской молодежи, согласно которым у родителей, не имеющих проблем с трудоустройством, как правило, взрослые дети также не испытывают проблем с поиском работы.

Как говорилось выше, на транзит молодежи «от школы к работе» влияют социально-экономические характеристики страны или региона, особенности местных программ занятости и социальной политики, принятой системы образования. В Западной Европе, где рынок труда регулируется, вероятность стать NEET ниже, чем в других частях Европы. В обладающих субзащитными социальными системами странах Южной и Восточной Европы, в которых случаи раннего ухода из школ более распространены, молодежь имеет более высокий риск «потеряться» на рынке труда. В странах Западной Европы доля выпускников высших учебных заведений относительно низка по сравнению со средним показателем по Европейскому Союзу. Континентальный режим STWT требует от молодых людей очень раннего выбора будущей профессии, в то время как в странах Восточной и Южной Европы системы образования являются достаточно оторванными от рынка труда, а профессиональное обучение не в состоянии обеспечить навыки, необходимые работодателям. Именно это становится причиной очень высоких показателей NEET и безработицы в молодежной среде в Италии, Греции, Румынии и Болгарии [Росса, Neagu, Tosun, 2022, р. 145S–146S].

Затраты на обучение – еще один вопрос, над которым должны задуматься европейские политики. Например, в Италии высшее образование влечет за собой высокие затраты со стороны обучающихся, а стипендии не могут покрыть все расходы. Высокая стоимость обучения в университетах может сыграть ключевую роль в решении небогатой молодежи (например из сельской местности)

не получать высшее образование, поэтому следует на государственном уровне поощрять доступ к высшему образованию для молодежи, пишут авторы статьи [Росса, Neagu, Tosun, 2022, p. 146S].

В заключение отметим, что решение проблемы безработицы и уменьшение доли тех, кто не вовлечен в профессиональную и социальную жизнь, среди молодежи возможны лишь при привлечении специалистов разных уровней и из разных сфер. Кроме того, феномен NEET-молодежи заслуживает большего внимания со стороны социальных исследователей.

Список литературы

Jongbloed J., Giret J.-F. Quality of life of NEET youth in comparative perspective : subjective well-being during the transition to adulthood // *Journal of youth studies*. – 2022. – Vol. 25, N 3. – P. 321–343. – DOI: 10.1080/13676261.2020.1869196

Rahmani H., Groot W. Risk factors of being a youth not in education, employment or training (NEET) : a scoping review // *International journal of educational research*. – 2023. – Vol. 120. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0883035523000629?via%3Dihub> (accessed: 01.10.2023). – DOI: 10.1016/j.ijer.2023.102198

Rocca A., Neagu G., Tosun J. School-work transition of NEETS : a comparative analysis of European countries // *Youth and society*. – 2022. – Vol. 54, N 2 (supplement). – P. 130–152. – DOI: 10.1177/0044118X211051761

References

Jongbloed J., Giret J.-F. Quality of life of NEET youth in comparative perspective : subjective well-being during the transition to adulthood. *Journal of youth studies*. – 2022. – Vol. 25, N 3. – P. 321–343. – DOI: 10.1080/13676261.2020.1869196

Rahmani H., Groot W. Risk factors of being a youth not in education, employment or training (NEET) : a scoping review. *International journal of educational research*. – 2023. – Vol. 120. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0883035523000629?via%3Dihub> (accessed: 01.10.2023). – DOI: 10.1016/j.ijer.2023.102198

Rocca A., Neagu G., Tosun J. School-work transition of NEETS : a comparative analysis of European countries. *Youth and society*. – 2022. – Vol. 54, N 2 (supplement). – P. 130–152. – DOI: 10.1177/0044118X211051761

УДК 316.334

DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.08

ПОНАМАРЕВА А.М.* ИТОГИ КОНФЕРЕНЦИИ ФАКУЛЬТЕТА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА И ФАКУЛЬТЕТА БЕЗОПАСНОСТИ БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «БАЛКАНСКИЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОПОРЯДКА» (20 октября 2023 г.)

Аннотация. На современном этапе Балканы, традиционно воспринимаемые в качестве территории геополитического разлома, вновь становятся пространством борьбы между Востоком и Западом, сохраняя одновременно свою субъектность в международных отношениях. Участники конференции «Балканский диалог в условиях трансформации миропорядка» (20 октября 2023 г.), объединившей российских и сербских экспертов обсудили: проблемы обеспечения военно-политической безопасности на Балканах; вопросы онтологической безопасности и их влияние на политическую идентичность стран Западных Балкан; политические последствия споров о национальной автокефалии на Балканах; перевод в сферу безопасности проблем исторической памяти в балканских государствах как фактор, повышающий риски возобновления застарелых конфликтов.

Ключевые слова: Балканы; мировой порядок; военно-политическая безопасность; историческая память.

Для цитирования: Понамарева А.М. Итоги конференции факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова и факультета безопасности Белградского университета «Балканский диалог в условиях транс-

* Понамарева Анастасия Михайловна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН; amp1982@mail.ru

формации миропорядка» (20 октября 2023 г.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 4. – С. 137–149. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.08

Статья поступила: 01.11.2023.

Принята к публикации: 13.11.2023.

PONAMAREVA A.M.** Results of the conference of the Faculty of World Politics of Moscow State University named after M.V. Lomonosov and Faculty of Security Studies of University of Belgrade «Balkan dialogue in conditions of transformation of the world order» (October 20, 2023)

Abstract. At the present stage, the Balkans, traditionally perceived as a territory of a geopolitical rift, are once again becoming a space of struggle between East and West, while maintaining their subjectivity in international relations. The participants of the conference «Balkan dialogue in the context of the transformation of the world order» (October 20, 2023), which brought together Russian and Serbian experts, discussed the problems of ensuring military and political security in the Balkans; issues of ontological security and their impact on the political identity of the countries of the Western Balkans; the political consequences of disputes over national autocephaly in the Balkans; the transfer to the security sphere of problems of historical memory in the Balkan states, as a factor that increases the risks of the resumption of long-standing conflicts.

Keywords: the Balkans; world order; military and political security; historical memory.

For citation: Ponamareva A.M. Results of the conference of the Faculty of World Politics of Moscow State University named after M.V. Lomonosov and Faculty of Security Studies of University of Belgrade «Balkan dialogue in conditions of transformation of the world order» (October 20, 2023). Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign

** Ponamareva Anastasiya Mikhailovna – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Centre for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; amp1982@mail.ru

literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 4. – P. 137–149.
DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.08

Received: 01.11.2023.

Accepted: 13.11.2023.

20 октября 2023 г. в онлайн-формате прошла организованная факультетом мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова и факультетом безопасности Белградского университета Международная научная конференция «Балканский диалог в условиях трансформации миропорядка»¹. Мероприятие было проведено в рамках празднования 270-летия основания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Приветственное обращение в адрес участников и организаторов направили Чрезвычайный и полномочный посол России в Республике Сербия А.А. Боцан-Харченко и председатель Комитета Государственной думы России по международным делам, президент факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор экономических наук Л.Н. Слуцкий. Как отметил Леонид Эдуардович, «российская дипломатия имеет значительный потенциал в Сербии, с которой нас объединяют история, культура, религия и экономика. Проведение подобного рода совместных конференций помимо того, что позволяет представителям академического сообщества “сверить часы” и сопоставить свои представления о складывающейся на мировой арене ситуации, вносит вклад в укрепление отмеченных связей».

С пленарными докладами выступили декан факультета безопасности Белградского университета, профессор, доктор социологических наук Владимир Цветкович и декан факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент, кандидат исторических наук А.А. Сидоров.

Темой доклада профессора Цветковича стала «Трансформация мирового порядка и положение Балкан». В своем сообщении он констатировал очередное обострение конфликта между коллективным Западом и полицентричным Востоком, которое неизменно

¹ Видеозаписи докладов доступны на YouTube-канале факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <https://www.youtube.com/@user-ho2re7je7r/videos> (дата обращения: 01.11.2023).

ставит в затруднительное положение Сербию, находящуюся «на границе двух миров». В данном контексте в полной мере проявляется фактор «географии как судьбы». Однако не меньшее значение имеет историческая память, и профессор Цветкович представил краткую ретроспективу вековой борьбы великих держав за контроль над Балканами. Переходя к оценке современной ситуации, он отметил: «Сегодня мы являемся свидетелями возвращения России и вступления в игру Китая – государства-цивилизации – нового, невиданного ранее игрока на Балканах. <...> Экономическая и политическая судьба Балкан, включая Сербию, будет решаться в гораздо больше степени событиями из внешнего мира, а не внутреннего». К таким факторам внешнего воздействия эксперт отнес: динамику развития ближневосточного конфликта и СВО ВС РФ на Украине, пертурбации внутри Европейского союза, продолжение или заморозку роста КНР, модальность внешнеполитической стратегии США. В заключение профессор Цветкович обозначил два принципиальных вывода: «Все великие державы современности неоднократно нападали, оккупировали или бомбили Сербию на протяжении XX века. Единственное исключение – Россия. Международное положение Сербии всегда было стабильным, когда Россия была стабильной страной».

Проблематика внешнего воздействия на Балканы, затронутая деканом факультета безопасности Белградского университета, получила развитие в выступлении декана факультета мировой политики МГУ А.А. Сидорова «Рах Americana и современная Европа». Обозначив ключевые составные элементы концепции «Рах Americana», сформировавшейся к 1945 г., Андрей Анатольевич отметил, что до распада СССР она была реализована в лишь в рамках так называемого свободного мира, противостоявшего социалистическому устройству, но не в глобальном масштабе. С поражением Советского Союза в холодной войне концепция «Рах Americana» обрела искомый глобальный масштаб. Выстроился новый миропорядок, где Соединенные Штаты достигли значительных высот в укреплении глобализма через регионализм. Однако предложить миру жизнеспособную парадигму развития после распада социалистической системы они не смогли, и в настоящее время мировой порядок переживает стремительные трансформации, которые непосредственно отражаются на системе междуна-

родной безопасности. Та модель стратегической стабильности, что возникла в разгар холодной войны, после Карибского кризиса 1962 г., ушла в прошлое по объективным причинам. Мы вступили во вторую холодную войну. Ее можно назвать гибридной, но суть от этого не изменится. В подтверждение наличия трансатлантического консенсуса в понимании вышеозначенных обстоятельств Андрей Анатольевич процитировал сентябрьское выступление госсекретаря США Энтони Блинкена в Школе перспективных международных исследований Университета Джонса Хопкинса: «То, что мы переживаем сейчас, – это больше, чем испытание на прочность миропорядка, сформировавшегося после холодной войны. Это его конец». И администрация Байдена ничего для спасения этого миропорядка сделать не сможет, заключил эксперт.

По словам А.А. Сидорова, возникает множество вопросов. Каково же в этих условиях место Европы? И какой именно Европы? Атлантической, т.е. следующей в фарватере НАТО? Европейской – объединенной в рамках ЕС? Или Европы национальных государств? В отношении первой основные идеи и ожидания были зафиксированы в Декларации Мадридского саммита НАТО (2022), где Россия была официально объявлена «наиболее значительной и непосредственной угрозой безопасности союзников». Что касается «второй Европы», то после превращения в экономическое объединение с элементами государственности дальнейшие ее перспективы развития выглядят туманно, тем более в контексте прихода к власти атлантистов. Евросоюз утратил собственную цель, и этот фактор еще больше усложняет построение прогнозных сценариев в отношении «третьей Европы». «В условиях универсализации Рак Америки и перехода на трансатлантические позиции, по крайней мере, руководства Евросоюза, – добавил Андрей Анатольевич, – объединенная Европа грозит превратиться в полуостров великого евразийского континента».

С обозначением концептуальных рамок обсуждения в пленарных докладах участники конференции перешли к рассмотрению отдельных сюжетов, заявленных в программе.

Первый выступающий – заместитель заведующего кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук В.А. Веселов – сфокусировал свое внимание на инструментальной стороне про-

цесса формирования мирового порядка. В докладе «Фактор военной силы в трансформации современного миропорядка» он констатировал нарастание конфликтности в современной мировой политике, обусловленное неготовностью оставшихся после завершения холодной войны на положении единственной сверхдержавы США смириться с процессом становления многополярности, или полицентричности. Василий Александрович отметил, что Соединенные Штаты не просто делают ставку на противодействие формированию многополярности, но взяли курс на сознательное выстраивание нового биполярного порядка по линии противостояния так называемой демократии так называемому авторитаризму. По крайней мере, именно так главный стратегический вызов XXI века был сформулирован президентом Дж. Байденом.

Однако навязываемая миру биполярность демократий и недемократий противоречит объективным историческим процессам, количественному и качественному разнообразию игроков. Меры, которые используют Соединенные Штаты в попытке удержать свой «однополярный момент», недалеко ушли от концепции «организованной политической войны», предложенной еще Дж. Кеннаном. Выстраивание альянсов, санкционное давление, пропаганда – тот инструментарий, которым официальный Вашингтон успешно манипулировал в период холодной войны, и от которого он не отказался с ее завершением. Но в третьем десятилетии XXI в. мы наблюдаем возрождение силовой компоненты в формате гибридных войн. «Потенциал эскалации должен ограничивать спектр политических целей, – отметил эксперт, – но гибридизация позволяет ставить радикальные политические цели, не рискуя эскалацией».

С докладом «Сербия на новом геополитическом перекрестке и особенности выбора российского направления» выступил профессор факультета безопасности Белградского университета, доктор политических наук Мирослав Младенович. Он отметил, что слабая государственность как итог разрушения «сегментарного государства», в рамках которого Сербия «растворилась» в югославянстве и волей маршала Тито утратила значительную часть своих исторических территорий, сформировала стратегическую уязвимость Белграда. Узкое пространство маневра подталкивает Сербию по примеру большинства постсоциалистических стран к выбору «империи по приглашению», готовой на жестких условиях

взять на себя бремя наставника и защитника. Однако Белград старается проводить политику многовекторности, позволяющую сохранять устойчивость политического режима, балансируя между интересами ведущих игроков мировой политики (Россия, ЕС, Китай, США). Профессор Младенович наметил три возможных направления геополитической ориентации новой Сербии: евроатлантическая интеграция, ставшая с начала 2000-х годов приоритетом для ведущих политических структур страны; балансирование за счет укрепления сотрудничества с Россией; обращение за поддержкой к Китаю, отличающемуся от всех остальных игроков на Балканах отсутствием стремления спекулировать на исторической памяти и фобиях балканских народов. КНР традиционно наращивает свое присутствие преимущественно экономическими методами и отличается политической нейтральностью. По отношению к Евросоюзу и США Россия имеет значительные преференции, признал эксперт, которые, однако, превышают ее реальное присутствие в регионе. России требуется более четко определить собственные национальные интересы на Балканах и оставаться более последовательной в их реализации, не ограничиваясь методами одной лишь государственной политики, но также применяя инструменты общественной дипломатии.

Переходя к проблеме обеспечения военно-политической безопасности на Балканах, с докладом «Возможности для Балканского диалога в контексте нынешнего состояния европейской безопасности» выступил доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ, кандидат исторических наук А.Ю. Малов. Он начал с рассмотрения двусторонних российско-сербских отношений в период обрушения всей архитектуры безопасности в Европе. Оценив обострение ситуации в Косове как инструмент давления Запада на Сербию, Андрей Юрьевич отметил, что официальная Москва неизменно поддерживала устремления сербской стороны к урегулированию ситуации на основании резолюции СБ ООН 1244.

Докладчик констатировал, что к началу 2020 г. сфера контроля над обычными вооруженными силами в Европе оказалась в глубоком кризисе. Произшедший после распада СССР в 1991 г. слом первоначальной зонально-групповой системы ограничения обычных вооружений в Европе по географическому принципу в

рамках ДОВСЕ фактически выхолостил его. Соглашение 1999 г. об адаптации ДОВСЕ к новым военно-политическим реалиям постбиполярной Европы так и не вступило в силу из-за отказа большинства его участников из числа государств НАТО от ратификации. Вступление Финляндии в НАТО и процесс приема в альянс Швеции стали «последней каплей», сделавшей неизбежным выход России из ДОВСЕ. В то же время следование принципам, заложенным в рамках инструментов «мягкого» информационно-верификационного контроля – в частности, Венского документа 2011 г. о мерах укрепления доверия и безопасности – также оставляет желать лучшего. Не работает и «структурированный диалог» по вызовам безопасности – идея Штайнмайера о создании новой архитектуры безопасности в Европе; по словам докладчика, «структурированный диалог превратился в пропагандистский ор». Остался Форум ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности, но обсуждение содержательных вопросов на этой площадке уступило место обсуждению вопросов паллиативных: гендера, экологии и т.п. На фоне полного разрушения режимов европейской безопасности мы видим, что НАТО начинает работать иначе. Уже давно сфера ответственности данного военно-политического блока была расширена за пределы Евро-Атлантического региона; сегодня же НАТО подключается к многодоменным и многосферным операциям. С 2020 г. НАТО реализует свои планы психологической войны, которые должны быть поставлены наравне с предыдущими пятью направлениями деятельности военного альянса (суша, вода, воздух, космос, киберпространство). В документах НАТО говорится о «когнитивной» – ментальной войне. Потенциал НАТО все больше затачивается под обработку общественного сознания.

Новый, непривычный для сторонников структурного реализма взгляд на вопросы безопасности на Балканах предложил заместитель директора по научной работе ИНИОН РАН доктор политических наук Д.В. Ефременко, выступивший с докладом: «Сербский крест, русская доля: проблемы онтологической безопасности Сербии и России»¹. В начале своего выступления Дмит-

¹ Доклад был подготовлен в рамках реализации исследовательского проекта РНФ № 22-28-00726.

рий Валерьевич подчеркнул, что в рассуждениях о динамике мировой политики мы выделяем несколько ее измерений. И первое – это измерение пространственное. Но о каком пространстве идет речь? Это, как минимум, четырехмерное пространство, включающее в себя темпоральное измерение, т.е. к географии и геополитике добавляется история. Однако для понимания вопросов геополитики требуется ввести еще одно измерение – пространство политического воображаемого; то, что транслирует субъект принятия политических решений, размышляя о себе, своем отношении к государству, нации, значимым другим. В данном контексте особую остроту и актуальность приобретает проблематика онтологической безопасности.

Апеллируя к Э. Гидденсу, под онтологической безопасностью докладчик предложил понимать уровень уверенности социальных акторов в окружающем их мире, в том, что отсутствуют значимые угрозы их образу жизни и идентичности, постоянству окружающей природной и материальной среды. «Поддержание онтологической безопасности, – отметил эксперт, – требует усилий, направленных на формирование и закрепление определенного нарратива, который может быть назван биографией государства, включая отбор и толкование значимых исторических событий, создание определенной системы биографических маркеров».

В Сербии ключевую роль в конструировании национального нарратива играет народное предание, связанное с битвой на Косовом поле. Видовдан 28 июня 1389 г. представляется поворотным пунктом в истории республики, и коллективная память о сражении сербов и османской армии задает рамки интерпретации принимаемых на современном этапе политических решений. В этом контексте докладчик упомянул пронизанную риторикой косовского мифа речь Слободана Милошевича, произнесенную 28 июня 1989 г. у памятника Газиместану на Косовом поле, про то, что Косово – это Сербия, и своими страданиями сербы заслужили право отвоевать для себя эти земли. Как отметил Дмитрий Валерьевич, применительно к евроатлантической интеграции сербские лидеры всякий раз останавливаются у последнего рубежа, когда приходит понимание, что следующий шаг в данном направлении означает отказ от собственной национальной идентичности через отказ от Косова и Метохии. Признание официальным Белградом независимости

Косова обернулось бы кризисом онтологической безопасности и привело бы к утрате легитимности власти.

В заключение эксперт пунктирно наметил основные вехи в выстраивании современной Россией своего биографического нарратива и отметил, что Мюнхенская речь В.В. Путина обозначила переход к определению онтологической безопасности в системе координат конфронтационной по отношению к Западу, но более привычной русскому человеку. Не получив в диалоге с так называемым коллективным Западом искомого статуса равноправного партнера, Россия встала на путь противостояния, предполагающего готовность поступиться безопасностью физической ради сохранения собственного Я и безопасности онтологической. Таким образом, даже объяснение решения о начале СВО целесообразно искать не в парадигме реализма, а в той модели описания международных отношений, где во внимание принимаются вопросы онтологической безопасности макрополитического сообщества.

«Роль Балкан в системе европейской безопасности» осветил в своем выступлении профессор кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук А.В. Фененко. В своих рассуждениях Алексей Валериевич оттолкнулся от тезиса о том, что, разрабатывая концепцию европейской безопасности, великие державы всегда изначально апробировали ее на Балканах, и само политическое устройство Балканского полуострова было результатом дискуссий великих держав об архитектуре европейской безопасности. Докладчик выделил этапы смены моделей безопасности, разрабатываемых для Балкан ключевыми акторами мировой политики, начиная с 1945 г., отметив, что для России важным уроком должна была стать необходимость вновь и вновь возвращаться в своем планировании к старым, конфронтационным разломам.

Об опасности разломов, которые рождаются в результате попыток элит различных конфессий подкрепить свои националистические притязания посредством спорного отождествления гражданского (политического) и церковного суверенитета говорила в своем докладе «Украинский кризис как вызов мировому православию» доцент кафедры информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук Т.В. Скорospelова. В заключе-

ние она отметила, что «единство православных церквей, прежде всего Русской православной церкви (РПЦ) и Сербской православной церкви (СПЦ) – залог преодоления кризиса мирового православия и уврачевания раскола».

В блоке, посвященном треугольнику «история – политика – наука», с докладами выступили действительный член Сербской академии наук и искусств (САНУ), профессор, доктор исторических наук Славенко Терзич и доцент факультета безопасности Белградского университета Милош Томич.

Профессор Терзич представил доклад на тему «Россия и сербский вопрос во второй половине XIX века: исторические уроки», обозначил, что без решения сербского вопроса невозможна стабильность на Балканах и призвал Россию активнее использовать как экономическое, так и гуманитарное влияние в регионе, обращая больше внимания на вопросы культуры, науки, сотрудничества ученых. Одним из элементов русской «мягкой силы» он назвал историческое самосознание сербского народа, общность истории, языка, религии.

Милош Томич выступил с докладом «Решение “сербского” вопроса на Балканах: случай Косово и Метохии и Республики Сербской», в котором рассмотрел исторический контекст возникновения «сербского вопроса» и его экспликации в современной международной среде. Он отметил факт традиционного союзничества России и Сербии и выразил надежду, что становление многополярности, в котором заинтересованы обе республики, обеспечит уважение интересов малых стран и достижение ими внутреннего экономического и материального благополучия.

Тему «Стратегическая культура Сербии: региональные и глобальные аспекты» осветил доцент факультета безопасности Белградского университета Душан Кесич, отметивший, что сербы представляют собой «пограничную нацию», а «косовский пакт» является краеугольным камнем национальной идентичности страны.

Роль механизмов политического использования прошлого в обеспечении устойчивости российско-сербских отношений рассмотрела в своем докладе «Возможности и ограничения российско-сербского альянса памяти» старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН, кандидат

социологических наук А.М. Понамарева¹. Проследив эволюцию политики памяти России и Сербии в отношении наследия Второй мировой войны, начиная с 1945 г. и до настоящего времени, Анастасия Михайловна отметила, что триггером к сближению официальных исторических нарративов двух республик стало разрастание конфликта вокруг Косово и Метохии. Изначально в данном вопросе Россия взяла на себя роль политического и мнемонического союзника Белграда. Однако в современных условиях, после сепарации Крыма, вхождения в состав России Донецкой и Луганской народных республик, а также Херсонской и Запорожской областей, попытки российских политических лидеров провести аналогии между Косовом и Донбассом негативно сказываются на отношениях Белграда и Москвы. Хотя формально Сербия занимает нейтральную позицию, операция по «денацификации» Украины подорвала ее надежды на улучшение своего регионального и глобального статуса с помощью России. В данном контексте российскому высшему политическому руководству остается акцентировать антинаатовскую составляющую своего отношения к «прецеденту Косова», рассчитывая на сохранение поддержки если не официального Белграда, то сербского общества, и не педалировать тему права на самоопределение. Успешность мнемонической дипломатии будет определяться не ценностной общностью, но наличием у взаимодействующих акторов тесных, пусть даже асимметричных, экономических связей, взаимной геополитической заинтересованности и общего видения будущего. При отсутствии этого фундамента комплементарные исторические нарративы утрачивают силу притяжения и оказываются перед вызовом трансформации, соответствующей новой трактовке национальных интересов в условиях смены союзников и противников.

Завершило конференцию выступление старшего научного сотрудника Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН кандидата политических наук А.В. Белинского с докладом на тему «Политика Австрии на постъюгославском пространстве 1990–2022 гг.». Он предложил от анализа поведения крупных игроков перейти к рассмотрению роли небольших государств, которые также имеют

¹ Доклад был подготовлен в рамках реализации исследовательского проекта РНФ № 22-28-00726.

свои интересы и оказывают влияние на политические процессы в Сербии. Влияние официальной Вены определяется не столько экономикой и политикой, сколько историей. Историческое прошлое подкрепляется работой дипломатов, и здесь докладчик упомянул три знаковых имени – Валентин Инцко, Вольфганг Петрич и Альберт Роган, – кратко прокомментировав связь каждого с Сербией.

Рассматривая эволюцию австрийской политики на пространстве бывшей Югославии, Андрей Викторович выделил три этапа трансформации позиции Вены. Было отмечено, что в начале 1990-х годов Австрия после некоторых колебаний выступила в поддержку независимости Словении и Хорватии. Австрийские консерваторы, контролировавшие МИД, симпатизировали католичеству Хорватии. Страна приняла несколько сотен тысяч беженцев из Югославии. Поддержка независимости республик была направлена на скорейшее преодоление последствий гражданской войны. Второй этап, пришедшийся на середину 1990-х годов и до середины «нулевых», эксперт назвал временем стабилизации, когда основные усилия были направлены на урегулирование ситуации в Боснии и Герцеговине и Косове, и Австрия активно работала на этом треке посредством дипломатических контактов. С 2010 г., после непродолжительного, обусловленного как внешними, так и внутренними причинами затишья, начался новый этап активизации австрийской политики на Балканах. Австрия выступила одним из инициаторов «Берлинского процесса», предполагающего проведение регулярных встреч представителей Европейского союза и стран Балканского полуострова с целью стимулирования экономического сотрудничества. В заключение Андрей Викторович указал, что, вмешиваясь в «балканские дела», Австрия, с одной стороны, стремится обеспечить стабильность на границах, а с другой – сыграть роль «честного маклера» и несколько снизить влияние России, Турции и Китая в регионе.

Доклады сопровождались активным обсуждением, и работа конференции завершилась предложением продолжить продуктивный диалог российских и сербских экспертов в рамках новых совместных мероприятий факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова и факультета безопасности Белградского университета.

УДК 316.3

DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.09

ЯДОВА М.А.* ДОКЛАД А.С. БУЛАТОВА «ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ: ПЕРЕЛОМ ТЕНДЕНЦИЙ» НА СЕМИНАРЕ ЦЕНТРА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНИОН РАН: ОБЗОР МЕРОПРИЯТИЯ (29 марта 2023 г.)¹

Аннотация. В докладе А.С. Булатова анализируются важнейшие тренды, произошедшие во внешнеэкономических отношениях России в последние годы. Он подчеркивает, что совершившийся в 2022 г. перелом в глобализации российской экономики имеет преимущественно политические, а не экономическими причинами.

Ключевые слова: внешнеэкономические связи; Россия; российская экономика; глобализация.

Для цитирования: Ядова М.А. Доклад А.С. Булатова «Внешеэкономические связи России: перелом тенденций» на семинаре Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН: обзор мероприятия (29 марта 2023 г.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 4. – С. 150–155. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.09

Статья поступила: 30.10.2023.

Принята к публикации: 14.11.2023.

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

¹ Видеозапись семинара доступна на YouTube-канале ИНИОН РАН: <https://www.youtube.com/watch?v=Y-YHfTDv4ko> (дата обращения: 30.10.2023).

YADOVA M.A. ** Report of A.S. Bulatov «Foreign economic relations of Russia: reversal of tendencies» at the Seminar of the Centre for Interdisciplinary Research of INION RAN: event overview (March 29, 2023)

Abstract. A.S. Bulatov analyzes the most important trends in the foreign economic relations of Russia in recent years. He emphasizes that the turning point in the globalization of Russian economy that occurred in 2022 was caused by political, not economic reasons.

Keywords: foreign economic relations; Russia; Russian economy; globalization.

For citation: Yadova M.A. Report of A.S. Bulatov «Foreign economic relations of Russia: reversal of tendencies» at the Seminar of the Centre for Interdisciplinary Research of INION RAN: event overview (March 29, 2023). Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 4. – P. 150–155. DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.09

Received: 30.10.2023.

Accepted: 14.11.2023.

29 марта 2023 г. на семинаре Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН выступил с основным докладом доктор экономических наук, профессор МГИМО Александр Сергеевич Булатов. Его доклад «Внешекономические связи России: перелом тенденций» был посвящен важнейшим тенденциям, затронувшим внешнеэкономические отношения России, и перелому в глобализации отечественной экономики в последние годы.

Свой доклад профессор А.С. Булатов начал с рассказа об основных макроэкономических показателях мировой экономики, включая российскую. Он отметил, что со второй половины прошлого десятилетия динамика мировой экономики существенно снизилась, и в последующие годы этот тренд усилится. В первую очередь речь идет о развитых экономиках, но и развивающиеся

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

экономики, как правило, уже не демонстрируют такой динамики, которая была у них на рубеже веков. Снизившаяся динамика мировой экономики ведет к замедлению традиционных потоков экономических ресурсов – капитала, товаров и услуг. Более того, в отличие от предыдущих десятилетий, когда рост объемов мирового экспорта товаров, услуг и капитала опережал рост ВВП, прошлое и нынешнее десятилетия отмечены противоположными трендами, что также можно считать переломом ранее сложившихся тенденций в глобализации мировой экономики.

Что касается России, то, по словам докладчика, начавшийся в 1990-е годы переход к активной глобализации экономики нашей страны был достаточно эффективным. Глубокий кризис, вызванный распадом СССР и неудачным переходом России к рыночной экономике, начал преодолеваться за счет возвращения нашей страны в мировую экономику в конце 1990-х (например, за 1999–2008 гг. ВВП страны вырос почти на 60%). Этот тренд сопровождался радикальным насыщением внутреннего рынка недорогим и качественным импортом (доля товаров по импорту в товарных ресурсах розничной торговли достигла 40% в 2000 г. и выросла до 44% в 2010 г.), который оплачивался быстрым ростом экспорта. Производство товаров и услуг стало переходить на более передовые (по сравнению с отечественными) машины, оборудование и транспортные средства. Последовавший за этим приток в страну иностранных инвестиций способствовал модернизации многих отраслей российской экономики (но преимущественно по производству потребительских товаров и услуг). Обострившаяся в стране нехватка рабочей силы была во многом компенсирована большим притоком иностранной рабочей силы (правда, преимущественно неквалифицированной) из ближнего зарубежья. Заметно увеличился приток в Россию знаний, как правило, из развитых стран, не только в виде передовых технологий, но и расширившихся возможностей обучения за рубежом и совместных научных исследований. В ходе глобализации российская экономика оказалась в роли поставщика в мировую экономику прежде всего сырья, топлива, материалов и полуфабрикатов как наиболее эффективных для нашей страны по рентабельности. В то же время, подчеркнул А.С. Булатов, представители российской власти вплоть до последних лет практически не занималось промышленной политикой и

одновременно слишком широко открыли экономику для иностранных товаров, в результате чего некоторые отрасли оказались на грани выживания (авиапром, легкая промышленность и др.), а ряд других – в чрезмерной зависимости от иностранных компонентов (ТЭК, автопром и др.).

Вместе с тем в 2022 г., в период острого российско-украинского конфликта, сопровождающегося волной западных санкций, можно говорить о начавшейся деглобализации российской экономики, полагает А.С. Булатов. По словам докладчика, совершившийся в 2022 г. перелом в глобализации российской экономики вызван преимущественно политическими, а не экономическими причинами и, скорее всего, приведет к тяжелым последствиям для экономики России. В 2022 г. произошло сокращение вывоза капитала из России в форме прямых (многие российские МНК продали или лишились своих зарубежных активов) и портфельных инвестиций (отечественные активы отечественных западных ценных бумаг были заморожены), в то же время наблюдалось «бегство капитала» из России за счет роста зарубежных депозитов и накопления иностранной валюты у фирм и населения. В условиях введенных правительством РФ ограничений на вывоз капитала это было вызвано желанием россиян застраховаться от социально-экономических рисков и потрясений. В будущем, по словам А.С. Булатова, можно ожидать дальнейшее сокращение импорта и экспорта капитала и российских обязательств и активов.

Кроме того, в 2022 г. произошел перелом в отечественных миграционных процессах: число выезжающих из страны на постоянное место жительства сравнялось с количеством въезжающих, хотя совсем недавно (данный тренд фиксируется со второй половины 1970-х годов) баланс был в пользу приезжающих. Это вызвало нехватку специалистов в ряде отраслей и способствовало рекордно низкому уровню безработицы в кризисном 2022 г.

Положительным аспектом наметившейся деглобализации А.С. Булатов считает то, что она подталкивает российскую экономику к более активному импортозамещению. На этом поле могут быть достигнуты успехи, в том числе за счет роста машиностроения и металлообработки (ОПК, гражданского авиа- и судостроения, производства дорожной техники, электроники), а также иных отраслей (фармацевтики, нефтепереработки и др.). Вместе с тем,

по мнению докладчика, скромные успехи импортозамещения в прошлом десятилетии не позволяют надеяться на быстрые и значительные достижения сегодня. Если в более благоприятные годы нынешнее российское руководство не смогло активно использовать большие внешнеэкономические поступления на импортозамещение, то в наступающие более тяжелые годы с их уменьшающимися доходами от внешнеэкономических связей оно вряд ли сможет радикально усилить процесс импортозамещения. К тому же импортозамещение будет происходить в условиях резкого сокращения притока современных технологий в Россию. Даже резкое расширение расходов на российскую науку (хотя об этом ничего не слышно) не сможет полностью компенсировать этот сократившийся приток, полагает докладчик. Переориентация российских внешнеэкономических связей на развивающиеся страны также не сможет в этом помочь. Кроме Китая, остальные развивающиеся страны не обладают большим ассортиментом собственных современных технологий. К тому же, по словам А.С. Булатова, Китай пока лишь догоняет Запад, и нет уверенности в том, что он его догонит в ближайшие годы по ассортименту новых знаний. Кроме того, докладчик отметил, что сильно выросшая в прошлом году зависимость России от торговли с Китаем и перевод этой торговли в юани вызывают у него опасения, связанные со сползанием российской экономики в китайскую экономическую орбиту. А.С. Булатов полагает, что частично смягчить тяжелую внешнеэкономическую ситуацию в России могло бы усиление связей нашей страны с другими странами ЕАЭС, а также расширение этого регионального объединения за счет новых стран-членов и создания межрегиональных зон свободной торговли.

Представленный доклад был очень тепло встречен и вызвал большой интерес слушателей. После своего выступления профессор А.С. Булатов ответил на заинтересовавшие коллег вопросы (об экономическом понимании термина «новая нормальность», возможностях и ограничениях отечественного «разворота на Восток», новых трендах в экономических отношениях России и Китая и пр.). В частности, он подчеркнул, что болезненность адаптации российской экономики к изменившимся реалиям жизни объясняется неожиданной и резкой сменой внешнеполитического курса нашей страны. По его мнению, в будущем экономическое сотруд-

ничество России со странами «глобального Юга» продолжится и усилится, но отношения с этими государствами будут скорее партнерскими, чем родственными (это прежде всего касается взаимодействия с Китаем).

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

РЕДФИЛД Р. ИСКУССТВО СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ (Перевод с англ.)¹

REDFIELD R. The art of social science // American journal of sociology. – 1948. – Vol. 54, N 3. – P. 181–190.

Ключевые слова: социальная наука; формальный метод; искусство; гуманистическое образование.

Для цитирования: Редфилд Р. Искусство социальной науки / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 4. – С. 156–174.

Перевод поступил: 01.07.2023.

Принят к публикации: 14.07.2023.

Keywords: social science; formal method; art; humanistic education.

For citation: Redfield R. The art of social science. Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 4. – P. 156–174.

Received: 01.07.2023.

Accepted: 14.07.2023.

Лет десять назад я был членом комиссии социальных ученых по социально-научному методу, которой было поручено оценить

¹ Лекция, прочитанная в Чикагском университете в мае 1948 г.

выдающиеся публикации в области социально-научных исследований. Нашей задачей было найти какие-нибудь хорошие публикации в области социально-научных исследований и выяснить, в чем состоят их методологические достоинства. Первую часть нашей задачи мы передали сообществам самих социальных ученых. Мы попросили экономистов назвать какую-нибудь выдающуюся работу в их области, социологов – подобрать работу по социологии и т.д. Мы ограничили выбор публикациями здравствующих социальных ученых. Из книг или монографий, получивших наибольшее число выдвижений, три далее были подвергнуты анализу и обсуждению. Я участвовал в изучении методологических достоинств «Польского крестьянина» Томаса и Знанецкого и «Великих равнин» Уэбба. Это были книги, номинированные как поистине выдающиеся соответственно социологами и историками.

Произошло нечто любопытное. Герберт Блумер, анализировавший для комиссии «Польского крестьянина», пришел к заключению, что метод в этой книге на самом деле неудачен, поскольку общие положения, выдвинутые в работе, невозможно установить в опоре на приведенные конкретные факты. Комиссии пришлось согласиться. И все-таки у нее осталось впечатление, что это очень выдающаяся и важная работа. Уэббовской истории культурной трансформации американского Запада в руках молодого историка, который ее анализировал, повезло не больше. Он отметил множество явных неудач автора «Великих равнин» в использовании и полноте истолкования ряда свидетельств. И снова у большинства членов комиссии осталось впечатление, что книга Уэбба поистине вдохновляющая, оригинальная и достойна похвал.

Разумеется, никто не делает из этого опыта вывод, что неспособность фактов целиком или частично подтвердить гипотезы – добродетель в социальной науке и что ее надобно рекомендовать. Несомненно, эти книги ценились бы еще выше, если бы этих недостатков в них не оказалось. Но не наводит ли этот опыт на мысль, что в социальной науке есть нечто такое, что является благом – возможно, даже существенным, – независимо от успеха в формальном методе, что эти работы содержат достоинства, не зависящие всецело от успешности, продемонстрированной в выполнении оговоренных и формализованных операций с ограниченными и точно установленными данными?

Мне вспоминается комментарий, сделанный выдающимся социальным ученым (назову его А) в отношении другого выдающегося социального ученого (назову его Б). А сказал о Б: «Он очень успешен, вопреки своему методу». Так вот, А придавал особое значение преданности исследователя точным методам работы с ограниченными данными, а Б был этим озабочен гораздо меньше. Тем не менее А восхищался Б, и успех, который он за ним признавал, был вовсе не житейским успехом, а успехом в развитии нашего понимания и контроля над человеком в обществе. Наверное, А чувствовал, что успех Б создает проблему для его взглядов на важность формального метода. Но при этом А, человек добрый и талантливый, признавал в Б как крупном исследователе человека в обществе некоторую доблесть, и эта доблесть – не методологическая безупречность.

Но что же тогда это такое? Пытаясь ответить здесь на этот вопрос, я не предлагаю разведения двух способов работы в научном изучении общества. И не отрицаю, что социальная наука зависит от формального метода. Скорее я пытаюсь направить внимание на некую сторону плодотворной работы в социальной науке, которая требуется, вдобавок к формальному методу, для того чтобы социальная наука была максимально продуктивной.

Давайте попытаемся здесь кое-что выяснить относительно природы этой неформальной стороны социальной науки, рассмотрим три книги об обществе, давно признанные важными, влиятельными и весьма достойными: «Демократию в Америке» де Токвиля, «Народные обычаи» Самнера и «Теорию праздного класса» Веблена. От почти полувека до века эти книги интересовали многих социальных ученых и влияли на них. Веблен и Самнер были экономистами, но книги, написанные ими, важны для социологов, антропологов, историков и прочих социальных ученых. Книга Токвиля – труд, интересный как историкам Америки, так и политическим ученым, но в равной мере это и работа по социологии, поскольку Токвиль стремился не столько дать отчет о происходившем в Соединенных Штатах в 1830 г., сколько определить своего рода естественный общественный тип – демократическое общество, – включив в этот тип не просто его политические институты, но также его моральные, семейные и «культурные» институты и установки, трактуемые как единое целое.

Ни одна из этих книг не сообщает сколько-нибудь подробно о методе исследования, не учит специальным процедурам работы с определенными видами данных. Ни в одной из них нет ничего о счете родства, о выборке, о структурированных интервью или о пределах погрешности. Нигде в них не отыскать ни одной процедуры, ни одного вида работы с фактами для получения выводов, которые не могли бы прийти в голову любому умному и образованному человеку. Самнер делал заметки об обычаях экзотических народов, читая о них. Методы Веблена, представленные в «Теории праздного класса», формальны не более, чем у Самнера. Фактуальное содержание книги Токвиля – хроника его собственных наблюдений, которые он делал, путешествуя по Америке, глядя на то, что происходит вокруг, и разговаривая со встреченными людьми. Если в этих книгах и есть достоинства, то точно не в силу каких-то изобретений или ухищрений в области метода, ибо ничего такого в них нет. И вместе с тем это книги, многие годы глубоко влиявшие на развитие социальной науки и внесшие вклад в наше понимание человека в обществе. Они могли бы быть даже еще более важными, если бы также внесли вклад в формальный метод или посредством формального метода, но коль скоро это не так, мы можем узнать из них кое-что о той части изучения общества, которая не является формальным методом.

Возможно, это не исследовательские труды. Возможно, для кого-то «исследование» всегда означает специальные процедуры работы, которым нужно учиться, или анализ какого-то небольшого набора фактов или очень ограниченной проблемы. Если вы понимаете исследование так, то я не буду с этим спорить. Тогда эти три книги – просто не исследовательские работы. Но что такое в них есть, чем восхищаются и что является ценным для изучения человека в обществе, не будучи зависимым от формального метода?

Если эти три классические книги – не книги по социальной науке, то что это тогда? Это определенно не романы, не журналистика и совершенно точно не беллетристика. То, что в них есть качества литературного стиля, верно, и не надо это осуждать; даже книга Самнера впечатляет эффектной итерацией коротких ярких предложений. Однако ценность этих книг для исследователя общества кроется не в том, что они вызывают к эстетическим чувствам, а в том свете, который они проливают на природу человека и

на природу общества. Правда, великие романы тоже это делают. Но имеются, конечно, важные различия между названными книгами, с одной стороны, и, скажем, «Войной и миром» или «В поисках утраченного времени» – с другой. Последние для социальных ученых являются произведениями, о которых они могут знать и из которых могут чему-нибудь научиться, но это не труды по социальной науке. Ведь ни книга Пруста, ни книга Толстого не являются генерализованным описанием природы общества, сделанным на некотором отдалении от личного опыта писателя. Де Токвиль вел личные наблюдения, но результаты излагал объективно, в обобщенных и аналитических терминах, облегчающих их сравнение с другими наблюдениями и выводами. Толстой писал о реальной России во время реальных наполеоновских войн, но его Пьеры и Наташи – вымышленные, индивидуальные, личные, интимные и необобщенные. Нетрудно отличить великие анализы общества, сделанные объективно и представленные в обобщенных выводах, от личных произведений и плодов свободного творческого воображения.

Являются ли эти три книги «объективными» описаниями общества? В разных степенях, но в какой-то мере каждая. Вероятно, де Токвиль, в наименьшей степени среди трех бывший профессиональным социальным ученым, больше всего поражает духом суровой отстраненности, готовностью смотреть на это социальное существо – демократическое общество – без порицания или восхваления. Труд де Токвиля представляется настолько объективным, насколько может желать быть объективным социальный ученый. Самнер тоже описывает, а не оценивает, хотя в «Народных обычаях» чувствуется подспудный оттенок спокойного презрения к иррациональности человека, к покорности человека перед любой глупостью, которую может провозгласить его традиция. Веблен выглядит наименее объективным. Под формами его научного анализа кроется учтиво и иронично припрятанное осуждение моралиста. Как сформулировал недавно один автор, писавший о Веблене, он использовал «реалистическую атрибутику учености» для атаки на мораль капиталистического общества¹. Тем не менее даже книга

¹ Aaron D. Thorstein Veblen : moralist and rhetorician // Antioch review. – 1947. – Vol. 7, N 3. – P. 390.

Веблена являет нам свежее описание части современного общества, и это описание сделано не творчески воодушевленным художником, а человеком, который реагирует на изученные факты и факты, поддающиеся проверке.

Эти три книги – не романы, они мало что говорят о формальных процедурах исследования, и тем не менее они проливают свет на человека в обществе, более или менее объективно представляя обобщенные выводы из изучения отдельных обществ. С этих сторон они соответствуют тому, что, по крайней мере некоторые люди, называют «научным». Что такого сделали их авторы, что образует их вклад в понимание человека в обществе?

Разумеется, нельзя сказать, что эти авторы оказались правы во всем. На самом деле в каждом случае есть моменты, в которых они, как впоследствии выяснилось, оказались неправы. Описание Веблена слишком акцентирует конкурентность в рамках потребления и принимает много расхожих мнений в отношении человеческого рода и стадий социальной эволюции, которые теперь неприемлемы. Концепция нравов Самнера, каким бы стимулирующим ни было в прошлом ее влияние, преувеличивает беспомощность людей перед традицией и особенно неадекватна как понятие для понимания современных обществ, что недавно показал Мюрдаль. И хотя оставленное де Токвилем описание раннего американского общества проницательно на грани чуда, в нем определенно содержится путаница необходимых черт демократии с особенностями фронта, того, что должно быть характерно для любой демократии, с тем, что исторически сложилось в англо-американской традиции.

Эти книги, ничему не учащие нас в плане формального метода, в трех отношениях вносят огромный вклад в понимание человека в обществе.

Прежде всего, каждая является выражением некоторого восприятия человеческой природы. В каждом случае автор взглянул на людей в обществе или во многих обществах и напрямую уловил в их способах мышления и чувствования что-то такое, что характерно для человеческого рода при этих особых обстоятельствах. Его основной интерес был прикован не к какому-то второму или третьеразрядному индексу или признаку человеческой природы, не к каким-то контрольным отметкам на шкале или измеримым

количествам чего-то. Он смотрел на людей с видением собственной человечности.

Не все из того, что зовут социальной наукой, относится к человеческой природе. Исследования населения не интересуются ею, пока не заходит речь о вопросах демографической политики. Маржинальный анализ в экономике занимается столь тонким срезом человеческой природы, столь искусственно отрезанным от всего остального, что тоже нерепрезентативен для исследований человеческой природы. Это же с необходимостью касается и археологии североамериканских индейцев в значительной ее части.

Названные виды исследования, какими бы достойными они ни были, репрезентируют особые или пограничные случаи, помечающие периферию изучения человека в обществе. Сущностная природа человека в обществе – это его человеческая природа и то, как она выражена в отдельных институтах. Для выяснения природы и значимости человеческой природы незаменима человеческая природа самого исследователя. Он должен использовать свою человечность для понимания человечества. Чтобы понять чужие институты, он должен пытаться найти в них соответствия и отличия, которые они проявляют по отношению к тем институтам, с которыми он знаком ближе. Для понимания чужой культуры не нужно сперва учиться проведению интервью или изготовлению анкет для подомового опроса, как бы ни были важны эти умения. Первым делом нужно освоить в опыте какую-нибудь культуру – культуру, которая будет служить пробным камнем в понимании этой новой культуры.

Одна из граней великого достоинства трех упомянутых работ состоит в том особом внимании, которое у Самнера, Веблена и Токвиля направлено на человечность их предмета, и в том успехе, которого достиг каждый из них в понимании отдельной стороны этой человечности, как ее сформировали и обусловили окружающие обстоятельства. Самнер, смотря в особенности на небольшие длительно обособленные общества или на более поздние мало меняющиеся общества, возникшие из первобытных условий, нашел в итоге создание в каждом родившемся и воспитанном индивиду мотивов и планов жизни, заключенных в обычаях общества, явленного ему в опыте. Он узрел в человеческой природе необычайную пластичность и приоритет обычая над привычкой. Веблен

взглянул свежим взглядом на поведение потребителей, увидел их как людей, действительно покупающих и потребляющих в своих семьях и своих сообществах, и заметил недостаточно до тех пор осознанные грани человеческой природы в обществе. Де Токвиль застал американцев в эпоху их самоуверенности и увидел во множестве подлинных наблюдений, что означает для них их поведение и почему. Просто сравните его успех в том, как он с воображением, но и с отстраненностью воспользовался своей человечностью, с тем фиаско, которое потерпела в понимании тех же самых людей миссис Троллоп.

Именно в этой точке методы социальных наук – здесь мы говорим о «методе» в самом широком смысле, включая сюда все способы мышления и даже чувствования в отношении изучаемого предмета, – приближаются к методам творчески настроенного художника. Как и романист, научный исследователь общества должен проецировать симпатическое понимание, коим он располагает в отношении людей, вкупе с мотивами, желаниями и моральными оценками, в предмет, который он истолковывает. Без этого дара, без этого средства понимания не могут обойтись ни тот, ни другой. Но если романист может отпустить воображение в свободное плавание, как только личный опыт и чтение дадут ему толчок, то научный исследователь должен постоянно возвращаться к конкретным людям, к конкретным обществам, отобранным для исследования, сверять с ними свои догадки и сообщать эти конкретные факты с такой точностью, чтобы тот, кто придет следом, мог повторить эту проверку. Несмотря на это существенное различие, территории гуманитарного знания и научного изучения человека в обществе частично совпадают. Предметом того и другого является прежде всего человек как человеческое существо. Человеческие существа не являются предметом физики и химии. Поэтому было бы ошибкой строить социальную науку по образу и подобию физики или химии. Социальная наука – не то же самое, что гуманитарное знание, и не то же самое, что физические науки. Это способ познания человека в обществе, использующий точные процедуры и объективность, характерные для физики, насколько они помогают в изучении человеческих существ, но не более того, и в то же время с необходимостью использующий то личное прямое пони-

мание человеческих качеств поведения и институтов, которое присуще и романисту.

Теперь можно привести второе замечание о трех отобранных книгах. В каждой из них выдвигаются значимые обобщения. В случае книги Веблена общие концепции, известные по выражениям «денежное соперничество», «демонстративное потребление» и т.д., так же как и понятия из «Народных обычаев», именуют прозрения, раскрывающие постоянные и повсеместно проявляющие себя стороны природы человека в обществе. Читая эти книги, мы улавливаем проблески вечного в свете эфемерного. Мы видим себя примерами заложенных в природе паттернов. Социальную науку заботят единообразия. Эти единообразия выводятся во весь рост; они превосходят партикулярность реального опыта и исторического события; они претендуют на большее, чем позволил бы каждый факт, взятый сам по себе. Они говорят: «Если бы всё и в самом деле было так, то это был бы паттерн». Де Токвиль тоже предлагает такие паттерны, выходящие за рамки отдельных фактов. Случай де Токвиля в этом отношении даже особенно ясен; ибо он настолько стремится представить систему связных обобщений касательно необходимой природы демократического общества, что во многих пассажах вообще не ссылается на то, что видел в Соединенных Штатах, а выводит обобщение по поводу демократического общества, как он его мыслит, из какого-то другого, уже выдвинутого ранее. Следовательно, ему нельзя отказать во вкладе в научное понимание общества, ведь эти дедукции связаны с обобщениями, покоящимися в свою очередь на многочисленных конкретных наблюдениях множества конкретных людей и событий. Понятие, как и роман, – продукт творческого воображения, но это продукт, более тесно и публично связанный с конкретными фактами наблюдения и документации.

Как и понимание по-человечески значимого, получение обобщений – работа воображения. Самнер выяснил, что есть такая вещь, как нравы, не за счет освоения и применения какого-то метода исследования. Он открыл это, глядя на окружающих и используя наблюдения, сделанные другими, а затем мысленно перепрыгнув через многочисленные различия к пониманию той степени единообразия, которая заслуживает термина «нравы». В достижении значимого обобщения о человеке в обществе мы видим осуществ-

ление дара понимания – дара настолько личного и неуловимо творческого, что нельзя ожидать его проявления просто от применения какого-то формального метода исследования.

Три книги показывают нам мыслителей, которые, изучая человека в обществе, достигли какого-то нового обобщенного понимания человеческой природы или человеческих институтов. Им удалось передать это понимание так, что мы видим его важность и истинность. В том смысле, что доступны факты, его подтверждающие. Это, разумеется, не вся истина и, возможно, появится какое-то другое понимание, которое окажется «более истинным», т.е. еще более проясняющим в отношении некоторого набора обстоятельств.

Есть еще одно качество в мышлении и творчестве трех авторов, само по себе достойное признания; это свежесть и независимость точки зрения, с которой каждый смотрел на свой предмет. Читая любую из трех книг, чувствуешь, насколько автор видел то, что он видел, своими глазами, как если бы прежние взгляды на это были под подозрением, просто потому что они были прежними. В случае каждого автора возникает недовольство тем, как в то время рассматривался соответствующий аспект человека в обществе, здравая готовность принять другой взгляд на вещи. Присутствует готовность сделать рассматриваемую вещь подлинной частью собственного бытия наблюдателя, выйти за рамки подчинения уже существующим трудам на эту тему. Де Токвиль был недоволен взглядами на демократию, бывшими в ходу в его время: страстными осуждениями и столь же страстными одобрениями. Он поехал в страну, где этот ангел или чудовище действительно пребывали в развитии, и невозмутимо решил не искать там ни чудовища, ни ангела; он смотрел на то, что находил, и схватывал его в целостном и естественном состоянии, как если бы смотрел на впервые найденный вид животного. Уже потом он мог взвесить хорошее и плохое, придя к пониманию естественных обстоятельств, породивших это создание. Книга Самнера, с одной стороны, подтверждает точку зрения, бывшую в его время в ходу, с другой – является реакцией против нее. Коль скоро народные обычаи возникают не в силу человеческого планирования, а через случайные взаимодействия людей и состязание альтернативных решений, то они согласуются с той концепцией неограниченной индивидуалистиче-

ской конкуренции, которую Самнер поддерживал в экономической сфере. Но в то же время «Народные обычаи» читаются как реакция против Эпохи Разума. Книга словно говорит, что люди, в конце концов, не решают свои проблемы путем рациональных подсчетов полезностей. Увиденные по-новому, обычаи людей предстают не разумными, а неразумными и определяются уже имеющимися обычаями и моральными суждениями, в свете которых подсчеты полезностей выглядят абсурдом. С этой точки зрения данная книга есть бунтарский акт. Экономист ищет себя на целостной человеческой сцене и говорит – несомненно, подчеркнуто – то, что нужно сказать для исправления предыдущего видения. Нечто не столь уж отличающееся можно сказать и о свежем взгляде, принятом Вебленом.

Могут возразить, что качеств, находимых в этих трех книгах, можно ожидать лишь от случайной книги, написанной каким-нибудь необычным умом. Эти книги вышли за пределы социальной науки либо вообще далеки от нее; и скромный виноградарь не может ожидать от них прояснения чего-то такого, что помогло бы ему в уходе за лозами его более ограниченных гипотез или в выдвигании вина его более ограниченных выводов.

Между тем все три качества, обнаруживающиеся в этих работах, могут быть переняты исследователем любого аспекта жизни человека в обществе. Не только в значительных трудах обнаруживается та человеческая симпатия, которая необходима для постижения человеческой реальности. Применение этой способности нужно в каждом исследовании сообщества; оно нужно при каждом рассмотрении института, в котором люди с мотивами и желаниями, подобными нашим, выполняют составляющие его роли и службы; оно нужно в каждом интервью. Человека можно научить выстраивать ход расспросов, наносить на карту сообщество или разносить по таблицам и статистически трактовать голоса, поданные на выборах; но знание того, как делаются эти вещи, – еще не гарантия значимых выводов. Помимо этих умений, нужна еще способность вникать с воображением, дерзко и в то же время самокритично, в тот маленький кусочек человеческой комедии, с которым приходится научно иметь дело. Нужно стать частью изучаемых человеческих связей, держась в то же время чуть в стороне, чтобы подвесить суждение о ценности своих первых прозре-

ний. Затем исследователь смотрит на сцену снова, возможно, руководствуясь чем-то, что ему уже известно или было прочитано о людях в какой-то сопоставимой ситуации, в другом месте или в другую эпоху, и тогда он может обрести второе прозрение, лучше выдерживающее повторное рассмотрение и проверку конкретными наблюдениями. Эта процедура – называйте ее методом, не методом или как угодно – является существенной частью почти всей социальной науки, великой и малой.

Что касается применения способности видеть общее в частном, то разве она не требуется так же от любого, кто принимает научную установку в отношении чего-то в человеческой природе или обществе? Ограниченность представляющих нам фактов во времени и пространстве не освобождает нас от обязательства искать то, что может обладать широкой истинностью. Самнер, разумеется, не ждал понимания нравов, пока не собрал пять сотен страниц примеров. Малиновский дал более ясное понимание природы мифа – в его сходстве с народным преданием и отличии от него, – исходя из того видения, которое сложилось у него в отношении рассказанных историй и того, как они рассказывались, в небольшом сообществе Южных морей. Уэбб – скорее историк, чем один из тех исследователей общества, что так падки на обобщения, воспринимаемые как широко применимые, – в своих «Великих равнинах» вообще не изрекает никаких обобщений; но ценность этой работы для многих состоит в том, что она легко прочитывается как иллюстрация тенденции институтов, приспособленных к одной среде, к изменению при переносе в новую среду, а также последствий изменений в технологии для человеческих отношений. Социальный ученый всегда призван использовать свое воображение в отношении того общего, которое может быть заключено в непосредственных частностях. Формальный метод тоже может вести его к этим обобщениям; накопив множество случаев или проведя тесты, он может впервые увидеть какие-то соответствия, побуждающие к обобщению. Но не менее часто случается так, что он видит обобщение задолго до применения формальных методов; а уже потом применение формального метода может проверить ценность его догадки. Значимое обобщение может появиться без формального метода. Концепции предельной полезности в экономике и маргинального человека в социологии, возможно, иллюстрируют

развитие понятия в одном случае в тесной зависимости от формального метода, а в другом – без такой зависимости. В последнем случае Парк был поражен сходствами в поведении конкретных мужчин и женщин, с которыми он сталкивался: американских негров, азиатов, воспитанных в миссиях, и иммигрантов второго поколения. Человеческое озарение, направляемое научным воображением, создало затем понятие.

Третье качество хорошей социальной науки в ее менее формальных аспектах – свежесть взгляда. Это такое видение того, что изучается, как если бы все мировое понимание его зависело исключительно от собственного взгляда исследователя. Принимая такой взгляд, исследователь не игнорирует воззрения на этот предмет или на какой-то схожий, принятые другими. Но он бросает вызов этим прежним воззрениям. Возможно, говорит он, это не то, что, как мои учителя говорили мне, я должен найти. Я буду смотреть сам. Возможно, кто-то что-то слышал о народном обществе. Но в этом конкретном обществе, которое меня интересует, я буду смотреть сам. Может, никакого народного общества здесь нет. Возможно, есть что-то другое, гораздо более близкое к истине.

Учителям, развившим собственные взгляды на некий аспект человека в обществе, трудно учить своих последователей принятию какого-то иного взгляда на него. Возможно, этому вообще нельзя научить. И все же каждое поколение социальных ученых должно как-то взращивать следующее поколение мятежников. При этом мятеж плохо встраивается в преподавание формальной процедуры. Более того, исключительный акцент на формальной процедуре может привести к атрофии научного воображения. Тренировка человека в технике может обернуться тем, что его вполне устроит владение техникой. Узнав много всего о процедуре полевой работы, о статистике, о разных ситуациях, в которых проводят и записывают интервью, о критике документов, новоиспеченный социальный ученый может почувствовать, что узнал до конца все, что ему нужно. Он может успокоиться в довольстве своей компетентностью. Компетентность – это здорово, но она должна сочетаться с творческой неудовлетворенностью. В маленьких исследованиях, как и в крупных, изучаемая ситуация требует взгляда целостного и свободного.

Столь же сомнительна возможность научить применению человеческой прозорливости или узнаванию общего в частном, когда эта общность не навязывает себя исследователю явным статистическим преобладанием. Эти качества социально-научного исследователя зависят, по всей видимости, от случайной природной одаренности. Человеческая прозорливость – это дар. Понятие – произведение творческого воображения; понятливость – это дар. Когда, говоря о хорошей социальной науке, подчеркивают необходимость того, чтобы исследователь мыслил и рассуждал независимо и свободно, когда подчеркивают, что хорошая социальная наука опирается на личные и человеческие качества исследователя, речь идет как будто бы не о науке, а об искусстве, словно говорят, что социальная наука – это тоже искусство. Это искусство, поскольку социальный ученый изобретательно творит, исходя из собственных человеческих качеств, приведенных в связь с предстающими ему фактами. Это в куда большей степени искусство, чем физика или химия, ведь от исследователя атома или химического элемента при столкновении со своим предметом не требуется становиться персоной среди персон, творением традиции и установки в сообществе, существующем в традиции и установке. Одной половиной своего существа социальный ученый подходит к своему предмету с отстраненностью, которую разделяет с физиком, другой половиной – с человеческой симпатией, которую разделяет с романистом. И это в большей мере искусство, чем физика или химия, еще и потому, что связи между частями персоны или общества, по сравнению с физическими связями, гораздо меньше поддаются определениям: в них куда меньше ясности и машинной точности. Несмотря на огромный прогресс социальной науки в формальном методе, понимание устойчивых и общих связей во многом зависит от быстрого схватывания, а оно интуитивное и не зависит, или не полностью зависит, от какого-либо формального метода. Развивая социальную науку, мы изобретаем и практикуем техники и – в то же время – культивируем гуманистическое искусство.

Природа социальной науки двояка. В кругу знания ее место примыкает к естественным наукам, с одной стороны, и к гуманитарным знаниям – с другой. То, что политологов и антропологов можно найти как в Совете по социально-научным исследованиям,

так и в Американском совете научных обществ, – не результат чрезмерных политических амбиций; это признание двойственности социальной науки. С одной стороны, исследователь общества призван постигать значимые общие характеристики человеческих существ с примерно такой же человеческой проницательностью, какую практикуют романист или драматург. С другой стороны, он обязан делать свои наблюдения и умозаключения такими же точными и проверяемыми, а свои обобщения – такими же эксплицитными и связными, как это имеет место в образцовых естественных науках и насколько это позволяют сделать его отличающиеся материалы.

Именно образцу естественных наук социальные ученые в целом стремились подражать. В короткой истории социальной науки ее практики устремляли восхищенный взор на соседей с научной стороны. Они смотрели туда, возможно, потому, что естественные науки преуспевали. Они смотрели в ту сторону, разумеется, потому, что, когда исследователи человеческой природы в обществе стали сознать себя представителями одной или более дисциплин с профессорами и должностями в университетах и национальных советах, социальная наука была не очень научной: она была спекулятивна и неточна. Для достижения идентичности нужно было дистанцироваться от создания самолично придуманных систем абстрактной мысли. Требовалось научиться строить камень за камнем и разрабатывать процедуры, которые бы сделали это строительство публичным и подчиненным проверке.

Но сегодня изобретение и преподавание особых процедур получили в занятии социальной наукой и подготовке социальных ученых слишком уж исключительный акцент. Местами изобретение и преподавание специальных процедур ушли далеко вперед, оставив позади возможность нахождения с их помощью чего-то по-настоящему значимого. Быть точными определенно желательно, но столь же нужно быть точными в отношении чего-то такого, что стоит знать. Учить мужчин и женщин, собирающихся стать социальными учеными, применению инструментов наблюдения и анализа, разработанных в их дисциплине, – хорошее дело. Но нет ничего хорошего в пренебрежении другой, столь же важной стороной социальной науки.

Слишком тесно идентифицировать социальную науку с физическими науками – значит, принять определенный взгляд на образование социальных ученых: мыслить это образование главным образом в терминах формального метода и формального знания общества, уже достигнутого и подлежащего передаче. Тогда программы подготовки социальных ученых будут состоять из обучения техникам и возможности поучаствовать в каком-нибудь исследовании, в котором процедуры уже определены, а проблемы заданы каким-нибудь признанным наставником. Тогда обладатель стипендии будет посещать учебное заведение, где способ работы хорошо известен и строго фиксирован, и приобретать процедурные компетенции, преподаваемые в этом заведении.

Если все, что мы делаем для молодых исследователей общества, будет сведено к этому, то у нас будут умелые технические специалисты, но вряд ли появятся великие социальные ученые и вряд ли будет много книг, которые были бы столь же просвещающими и влиятельными, как книги Самнера, Веблена и де Токвиля.

Стоило бы уделять некоторое внимание и гуманистическому аспекту социальной науки. Частью подготовки хороших социальных ученых является гуманитарное образование. Поскольку образование, называемое общим или свободным, – это по большей части образование гуманитарное, то отсюда следует, что социальный ученый заинтересован в свободном образовании в двух смыслах. Как и физика, как и вообще любому человеку, свободное образование нужно социальному ученому в его роли гражданина. Но, кроме того, свободное образование нужно ему в его роли социального ученого.

Искусство социальной науки невозможно просто привить извне, но, как и прочие искусства, его можно стимулировать. Развитию этого искусства может содействовать гуманитарное образование. Если социальный ученый хочет глубоко, широко и правильно постичь личности, общества и культуры, ему необходим прямой или косвенный опыт соприкосновения с личностями, обществами и культурами. Этот опыт частично приходит через ознакомление с историей, литературой, биографией и этнографией. А если философия дает опыт в искусстве формулирования и осмысления широких обобщений, то социальному ученому необходимо знакомство и с философией. Нет больше нужды бояться фи-

лософии. Время, когда социальная наука боролась за то, чтобы сделаться чем-то отличным от философии, прошло. Теперь социальная наука уже нечто отличное. Теперь социальным ученым нужно учиться у философии – не для того, чтобы стать философами, а для того, чтобы стать лучшими социальными учеными. Знакомство с литературой, биографией, этнографией и философией, приобретаемое в ходе общего образования, которое дают в средних школах и колледжах, вероятно, недостаточно богато и глубоко для некоторых из тех, кто желает стать социальным ученым. Возможности более продвинутого образования для людей, которые как исследователи человека в обществе выглядят особенно одаренными, могли бы состоять в изучении китайской или остиндской культуры, романа в западной литературе или истории демократии.

Гуманистический аспект социальной науки – тот ее аспект, который сегодня недооценивается. Социальная наука по сути своей научна, ведь ее положения описывают в общих терминах естественные явления, и она снова и снова возвращается к особому опыту для верификации и модификации этих обобщений. Она рассказывает о том, что есть, а не о том, что должно быть. Она изучает природу. Она стремится к объективности, точности, связности. Она пользуется гипотезами и формальными доказательствами; она ценит негативные случаи, а когда обнаруживает, что гипотеза не подтверждается фактами, то отбрасывает ее в пользу какой-нибудь другой, которая ими подтверждается. Все эти стороны социальной науки столь хорошо известны, что будет занудством вновь их перечислять. Что менее известно, но не менее истинно, так это то, что создание гипотезы, получение вывода, а часто и получение первых реальных данных касательно того, каковы мотивы А или каково значение этого странного института или того слишком знакомого института, требует со стороны изучающего людей и общества, а не скопления протеинов, подлинно гуманистической и свободной творческой проницательности, т.е. постижения людей, проникновения в их конвенции, интересы и мотивы; но для этого от социального ученого требуются таланты и образованность, отличные от тех, которые требуются от физика, и очень схожие с теми, которые требуются от склонного к творчеству художника.

Если это понять, то можно также увидеть, что функция социальной науки в нашем обществе двойственна. Обычно социальную науку объясняют и оправдывают тем, что она вносит вклад в решение конкретных проблем, возникающих при управлении нашим обществом, служит подмогой в том, чтобы какие-то конкретные вещи были сделаны. Как социальные ученые мы находим удовлетворение в том, что сегодня, по сравнению с 30 годами ранее, социальные ученые востребованы, поскольку их работодатели считают, что их социальная наука применима к каким-то практическим нуждам. Может применяться какое-то знание техник, разработанных в социальной науке: для отбора таксистов, не predisposed к авариям; для профориентации; для выяснения того, почему у одного делового предприятия есть проблемы с рабочей силой, а у другого, похожего, – нет; для повышения эффективности какой-нибудь правительственной программы, реализуемой в фермерских сообществах; для оказания помощи Военному управлению по перемещению в решении трудной задачи переселения японо-американцев.

На все эти вклады в эффективность и приспособленность социальные ученые могут по праву претендовать. Что менее заметно и гораздо реже подчеркивается, так это то, что социальная наука вносит вклад в то общее понимание окружающего нас мира, которое, как мы говорим, «освобождает» и «обогащает». Связь социальной науки с гуманистическим просвещением взаимна. Социальные ученые нуждаются в гуманистическом просвещении, чтобы быть лучше в качестве социальных ученых. А понимание общества, личности и человеческой природы, которое достигается научными методами, обогащает в ответ это гуманистическое понимание, без которого никто не может стать человеческим и с которым отдельные немногие могут стать мудрыми. Поскольку предмет социальной науки – человечность, то вклад ее в общее, свободное образование больше, чем вклад тех наук, чьим предметом является физический мир. В этом отношении творчески ориентированный художник и социальный ученый оказываются плечом к плечу. Художник может обнаруживать что-то в универсальной человеческой или социальной природе. То же самое может делать и социальный ученый. Никто никогда не примерял как ключ к замку «Народные обычаи» Самнера, «Религию и рост капитализ-

ма» Тони или «Многообразие религиозного опыта» Джеймса. Это не те труды по социальной науке, к которым можно напрямую обратиться за советом и которые можно напрямую применить, когда правительственная служба или деловое предприятие сталкиваются с какой-то непосредственной проблемой. Но это книги с долгосрочным влиянием. Помимо того влияния, которое они оказывают на социальных ученых, приходящих на госслужбу или в деловое предприятие, в той степени, в какой их читают, понимают и размышляют над ними мужчины и женщины, не являющиеся социальными учеными, или даже поскольку они косвенно сообщаются теми, кто прочитал их, другим людям, они – часть гуманистического образования в широком смысле слова. Выбираясь из нашего заточения в частном, видя, что мы всего лишь примеры общего, мы становимся свободнее. Сколь многим молодым людям книга Самнера, книга Веблена или какая-то из работ Фрейда явились как внезапное расширение границ восприятия и поля зрения, как подлинное освобождение, как осознание – случившееся, возможно, впервые в жизни – своей причастности к переживаниям и природе множества других мужчин и женщин! А потому я говорю, что в социальной науке, как она практикуется, есть нечто от искусства и что, поскольку лучшие ее произведения разносятся в общении, ей присущи в какой-то мере личные и социальные ценности всех искусств.

Пер. с англ. *В.Г. Николаева**

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 11

СОЦИОЛОГИЯ
2023 № 4

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 29.12.2023 г.

Формат 60×84/16	Бум. офсетная №1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 11,0	Уч.-изд. л. 9,3
Тираж 300 экз.	Заказ №
(1–110 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел. : (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

